

Материалы, связанные с вопросом о канонизации царской семьи *

ОТНОШЕНИЕ ЦЕРКВИ К СТРАСТОТЕРПЧЕСТВУ

1. Значение страданий для христианина

Христианин знает или, по крайней мере, должен знать, — ибо это открыто нам в Слове Божиим, — что промыслительно посылаемые ему страдания <...> благотворны и содействуют приготовлению вечной жизни со Христом. «Христос пострадал за нас, оставив нам пример, дабы мы шли по следам Его» (1 Петр 2, 21). В отличие от нас Он был безгрешен, но Своим поведением во время страданий дал христианам образ должного отношения к ниспосылаемым нам для нравственного очищения разнообразным скорбям и физическим и душевным страданиям. «Страдающий плотию перестает грешить» (1 Петр 4, 1), и «многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие» (Деян 14, 22). В утешение страждущим христианам апостол говорит: «Как вы участвуете в Христовых страданиях, радуйтесь, да и в явление славы Его возрадуетесь и восторжествуете» (1 Петр 4, 13). Но христиане суть члены единого Тела Христова, и потому спасительное страдание христианина и его радование о Христе в этом страдании должны стать всецерковным состраданием и со-радованием с ним. «Страдает ли один член, страдают с ним все члены; славится ли один член, с ним радуются

* Впервые: Материалы, связанные с вопросом о канонизации царской семьи // Журнал № 63 заседания Священного Синода Русской Православной Церкви от 10 октября 1996 года. М., 1997. Печатается по этому изданию. С. 11–80.

все члены» (1 Кор 12, 26). Мысль апостола, высказанная здесь, гораздо глубже, чем может показаться на первый взгляд. Вселенское сострадание <...> есть не просто естественное сочувствие или кратковременное сопереживание чужого индивидуального бедствия. Оно есть непреходящее мистическое соучастие всей Церкви во всех прошедших, настоящих и будущих страданиях, переносимых Ею ради Христа. «Нам дано не только верить во Христа, но и страдать ради Него» (Фил 1, 29). Подобно этому и всецерковное сострадание, по слову апостола: «радуйтесь с радующимися» (Рим 12, 15) есть литургическое торжество, так ярко проявляющееся в любимых народом акафистах, где многократно слышится слово: «Радуйся!». Это «радуйся» отнюдь не представляет собой простое риторическое приветствие. Оно означает твердую уверенность нашу, что прославляемый действительно пребывает в достигнутой им полноте радости жизни во Христе и со Христом, и наше сорадование ему. Это молитва, но не просительная, а доксологическая — воздающая хвалу Богу, исполняющему Свою волю и обетование пребывать в верных Ему. Так понимаемое сорадование вполне совместимо с состраданием. Христиане смирнские, возвещая о кончине священномученика Поликарпа, говорили о себе: «Мы собрали кости его — сокровище драгоценнейшее дорогих камней и золота, и положили их там, где следовало. Туда, как только будет можно, мы будем собираться и с радостью провождать день его мученического рождения» (6, 15).

Никакое подлинное страдание ради Христа не пропадает в памяти Церкви, хотя бы оно давно было забыто нами за данностью конкретного события, так же как не пропадает бесследно христианский подвиг каждого умершего о Христе, о котором в чине отпевания или панихиды возносится усердная молитва: «и сотвори ему (или ей) вечную память».

Сострадательное памятование Церкви имеет целью не только дать верующему повод возносить молитвы за дорогих усопших или просить предстательства о себе и о своих близких у почивших праведников. Оно служит не умирающему делу спасения всех людей, за которых пострадал Христос, а Он хочет, «чтобы все люди спаслись и достигли познания истины» (1 Тим 2, 4).

И потому Церковь заботливо хранит «жития» и жизнеописания святых страдальцев и увещевает верующих чаще благоговейно читать их, назидаясь их великой любовью ко Господу.

2. Страдальцы, чтимые Церковью как святые, пострадавшие «даже до крове»

Среди христиан праведной жизни Церковь особо выделяет тех страдальцев, жизнь и особенно смерть которых наиболее ярко и наглядно свидетельствует об их глубочайшей преданности Христу. Такие страдальцы именуются Церковью святыми мучениками (μαρτυρες), исповедниками (ομολογίται), страстотерпцами (αθλοφόροι).

Употребляемое в славянском и русском языках слово «страстотерпец» есть не буквальный перевод греческого слова αθλοφόρος которое у древних греков означало: «победивший в состязании и носящий знаки этой своей победы как награду», то есть победитель, победоносец.

Глагол αθλεω — бороться, состязаться, сражаться апостол Павел употребил в послании к Тимофею, явно используя общеизвестный тогда образ спортивного состязания борцов и воинской службы с ее тяготами, применительно к многоскорбному и страдальческому подвигу благовестника Христова. «...Переноси страдания (слав.: злопостражди), как добрый воин Иисуса Христа... Если же кто и подвизается (слав.: постраждет; греч.: εαν δε και αθλη τις), не увенчается, если незаконно будет подвизаться» (2 Тим 2: 3–5).

Слово αθλησις в сочетании αθλησις παθηματων означает у автора Послания к Евреям подвиг терпеливого перенесения страданий: «Вспомните прежние дни ваши, когда вы, бывши просвещены, выдержали великий подвиг страданий (Евр 10, 32). В православной гимнографии и житийной литературе греческое слово αθλοφόρος переводится на славянский и русский языки либо как «победоносец», либо как «страстотерпец».

3. Различное употребление наименования «страстотерпец»

а) Страстотерпцами и страстотерпицами Церковь именует мучеников и мучениц. В известном тропаре «Святые мученицы...», который поется при браковенчании (во время «обращения» брачующихся вокруг аналоя со святым Крестом и Евангелием), а также при рукоположении во диакона и во священника (при обхождении рукополагаемыми Святого Престола), молитвенно призываемые

мученики называются «прекрасно подвизавшимися в страданиях» οἱ καλῶς ἀθλήσαντες.

См. также: Мученику кондак общий, глас 2: «Звезда светлая явилась еси... солнце Христа возвещающи... страстотерпче (имя рек)...»

Мученицам кондак общий, глас 4: «Страстотерпиц Христовых память празднуим...»

Св. великомученику Георгию Победоносцу тропарь, глас 4: «Подвигом добрым подвизался еси, страстотерпче Христов...» (2, 146).

Ему же тропарь, глас 4: «Яко пленных свободитель и нищих защититель, немощствующих врач, царей поборниче, победоносче великомучениче Георгие, моли Христа Бога спастися душам нашим».

Св. великомученице Варваре кондак, глас 4: «В Троице благочестно певаемому последовавши Богу, страстотерпице...»

б) В богослужебной практике и современной житийной литературе слово «страстотерпец» стало употребляться в применении к некоторым российским святым, которые не были мучениками за Христа в строгом и прямом смысле слова, но окончили свою жизнь насильственной смертью от руки «противников», попавших в «сети диавола, который уловил их в свою волю» (2 Тим 2, 25–26). Таковыми «противниками» могут быть жестокие, одержимые страстью гнева или гордыни, люди: мятежники и убийцы, борющиеся за овладение властью или за удержание ее; особенно же активные богоборцы, прикрывающие свои идеологически мотивированные злодеяния мнимой толерантностью в отношении самих носителей христианской веры и благочестия.

«Борис и Глеб, — пишет автор “Очерков по истории Русской Святости”, — не были мучениками за Христа, но пали жертвами политического преступления в княжеской усобице» (13, 21). Они «не одиночки, не единственные в своем роде. Напротив, они только провозвестники, первые в ряду лиц, из всевозможных сословий и всевозможных состояний, которые канонизированы Русской Церковью или просто почитаются народным благочестием в том же качестве «страстотерпцев» (13, 26). Страстотерпцами можно считать:

— Святителя Филиппа, митрополита Московского (память 9 января), бесстрашно обличавшего царя в жестокости к подданным, ставшего жертвой мстительности Грозного (убит в 1569 году).

— Преподобномученика Корнилия, игумена Псково-Печерского (память 20 февраля), ставшего жертвой ярости Грозного. Убит

по его повелению в 1570 году «за ограждение своего монастыря каменной стеной».

— Благоверного князя Угличского царевича Димитрия Иоанновича Московского (память 15 мая), изменнически убитого в 1591 году. Народное сознание восприняло убийство царственного отрока, не достигшего 9 лет, как злодеяние, возмутившее нравственное сознание, и как преступное покушение на представителя царской династии, которое должно было открыть путь к смуте и узурпации власти, к нарушению мира и ослаблению православного государства. Церковь нашла в этом народном сознании важный, если не главный, мотив для канонизации убиенного царевича.

— Священномученика Макария, митрополита Московского (память 1 мая), убитого при внезапном вторжении Крымских татар в 1497 году (10, 26).

— Священномученика Ермогена, Патриарха Московского и всея Руси (память 17 февраля и 12 мая), который был замучен в 1612 году «как враг польских интервентов и их сторонников» (10, 26).

— Священномученика Иосифа, митрополита Астраханского (память 11 мая), убитого во время бунта (10, 26).

Много страстотерпцев насчитывает в себе лик благоверных князей российских. Их почитание связано, без сомнения, с церковным и народным убеждением в том, что вечной благодарной памяти достойны те представители власти, которые стремились воплощать идеал православно понимаемой теократии (Богоправления).

В православном сознании русского народа издревле Русь была «подножием Престола Господня» (по выражению св. праведного Иоанна Кронштадтского) (8).

Лучшие представители княжеского сословия, ревностно выполнявшие долг защитников Православного Отечества, его независимости и единства, насаждавшие мир и справедливость, избегавшие вражды и междоусобий, естественно, пользовались народной любовью. Насильственная же смерть их воспринималась как великое бедствие, а ее виновники считались совершителями тяжких злодеяний. При этом, подобно тому, как это делалось в отношении мучеников первых веков, и здесь «пострадавшие до смерти члены Церкви вносились в списки святых без особо тщательного исследования их жизни, в силу их подвига — очищения мученической кровью» (11, 23).

4. Российские благоверные князя-страстотерпцы

— Святые мученики Борис и Глеб, во святом крещении Роман и Давид (†1015). Дни памяти: 24 июля и 5 сентября — убиение князей и 2 мая — перенесение их мощей.

— Из тропаря свв. мученикам Борису и Глебу, глас 2: «Правдивая страстотерпца...». Кондак им же, глас 3: «Возсия днесь православная память ваша, страстотерпцы Христовы...»

— Ярополк (во святом крещении Петр) Изяславич, князь Владимиро-Волынский, правнук св. равноап. великого князя Владимира. «Отличался необыкновенной кротостью, смирением и благочестием. Был коварно убит в 1086 году по проискам князей Ростиславичей» (2, 423). День памяти 22 ноября.

— Игорь Олегович, князь Черниговский и великий князь Киевский. Был изгнан изменившими ему киевлянами, принял монашество и схиму. «В 1147 году сентября 19-го толпа мятежников извлекла его из храма, когда он молился перед иконой Богоматери; его зверски умертвили и тело его влачили по улицам Киева» (2, 197). Воспоминание убиения бывает 5 июня.

— Андрей Боголюбский, великий князь Владимирский. Построил Успенскую церковь во Владимире и много других церквей. Отличался милосердием; «будучи ревнителем строгой правды и сам проводя жизнь трезвую, чистую, деятельную, он награждал по заслуге добрых, но зато преследовал пороки и преступления со всей законной строгостью. За любовь свою к правде он принял страдальческую кончину, будучи изменнически убит своими приближенными 30 июня 1174 года в селе Боголюбове» (2, 223). Поминается 4 июля, а также в Соборе Владимирских (23 июня) и Ростово-Ярославских (23 мая) святых.

— Георгий (Юрий) Всеволодович, великий князь Владимирский. Любя святую веру, он горячо любил и православную русскую землю, за что еще при жизни был почтен от благодарных современников титулом «Отца и Государя». Во время битвы с татарами на реке Сити пал в рядах своих воинов (4 марта 1238 года). Память совершается 4 февраля,

Тропарь, глас 8: «На высоте Великого Княжения сядя, явился еси благочестием и верою сияя Отечеству твоему яко солнце: по Святой Троице ревностию разжегся, и за веру крепко пострадав, кровь свою пролиал еси... страстотерпче Георгие,

непрестанно моли державу твою и сродник твоих безвредну сохранить молитвами твоими» (2, 67–68).

— Василий (Василько), князь Ростовский. Двоюродный брат св. благоверного великого князя Александра Невского. Сын Константина Всеволодовича — старшего брата Ярослава Всеволодовича. «Он храбро и мужественно бился с татарами на реке Сити и, израненный, пленен был татарами. Изнуренный трудами жестокой битвы, скорбью об Отчизне, страдающий от ран, он был приведен к Батыю и отказался поступить к нему на службу и принять его веру. Татары вонзили в него свои ножи, и в молитве страдалец предал дух свой Богу» (†1238) (2, 102). Память 4 марта.

— Мученик и исповедник Михаил, князь Черниговский и великий князь Киевский. Во время разорения татарами Киева искал союзников, чтобы соединенными силами восстать против общего врага. Позже был вызван Батыем из разоренного Чернигова в Орду. Отказался совершить языческие обряды. Посланным от хана слугам ответил: «Я готов поклониться царю; но я христианин и не могу поклоняться тому, чему поклоняются жрецы». За мужественное исповедание подвергся жестоким истязаниям и принял мученическую кончину в 1246 году. Память 20 сентября.

Кондак, глас 8: «...Троицу проповедал еси пред нечестивым мучителем, страстотерпче Михаиле с доблим Феодором...»

— Константин Всеволодович, князь Ярославский.

Сын двоюродного брата великого князя Александра Невского, Всеволода Константиновича, павшего в битве с татарами. «В 1257 году татары напали на Ярославль. Князь вышел, чтобы отразить врагов; но тут в этой битве и сложил свою голову за родину» (2, 226). Память 3 июля.

— Роман Олегович, князь Рязанский.

«Скорбя об угнетении родины, он всеми силами заботился о благе подданных, защищал их от насилий и грабежей ханских баскаков. Это возбудило их ненависть... и они оклеветали его пред ханом Менгу-Тимуром в порицании ханской веры. Святой князь был вызван в Орду, где твердо исповедал себя христианином, и был подвергнут ужасным истязаниям, после которых он скончался 19 июля 1270 года» (2, 249). Память 19 июля. — Михаил, князь Тверской и великий князь Владимирский. Сын брата св. блгв. великого князя Александра Невского, Ярослава

Ярославича Тверского. В соответствии с лестничным счетом стал в 1304 году великим князем Владимирским (будучи утвержден ярлыком хана Тохты и получив благословение митрополита Максима, но местопребыванием своим оставил Тверь). Против него непрерывно враждовал Московский князь Юрий Данилович. Добившись в конце концов ярлыка на великое княжение от хана Узбека, Юрий двинул свое войско, вместе с татарским отрядом Кавгадыя, на Тверь. «Услышав о приближении полчищ татарских, св. Михаил собрал свои дружины, чтобы оградить родную землю, но отправил прежде послов к Юрию с таким словом: “Уступаю великое княжение, если уже тебе отдал его хан, но не вступай в родовую мою вотчину, чтобы не проливалась напрасно кровь христианская...” Все предавая огню и мечу, дошло татарское войско до Волги. Тогда Михаил, не терпя более разорения своего народа, призвал на совещание епископа Тверского Варсонофия и бояр и сказал им: “Судите меня, отцы и братья; вы видите, что не хотел я пролития крови христианской. Не отрекся ли я от великого княжения и не уступил ли сроднику то, что хан утвердил за мной? — Рассудите же, есть ли по мне какая вина или неправда против Юрия, и должен ли я вступить за людей своих?” Епископ и бояре единодушно отвечали: “Ты прав во всем перед противником твоим, и смирение твое безмерно. Чего же еще медлить и ожидать? — Чтобы окаянные татары разорили до конца святыню нашу, опустошили град, избив жен и детей? Возьми праведный меч в десницу на ожесточенного врага и иди защищать родную землю”» (7, 46). Призвав Господа на помощь и воодушевив малую свою дружину, Михаил наголову разбил войско как Юрия, так и татарское, и захватил в плен и Кавгадыя и жену Юрия Кончаку, сестру хана Узбека. Михаил с почетом принял их и отпустил, но сестра хана внезапно скончалась, и враги Михаила распустили слух, будто она была отравлена в Твери. Хан вызвал Михаила в Орду. Его отговаривали близкие к нему, считая, что он едет на верную смерть. Но Михаил сказал: «Если не пойду я, падет много голов христианских. Не лучше ли мне погибнуть одному, когда могу еще своей гибелью спасти народ свой?» (7, 48). В Орде состоялся «суд». Голос клеветников и озлобление хана, которого уверили, что Михаил виновен в отравлении его сестры, превозмогли. Была учинена жесточайшая расправа. Святой князь был замучен 22 ноября 1319 года. Память совершается в этот день.

5. «Не прикасайтесь к помазанным Моим» (1 Пар 16, 22)

До 450 года существовал лишь языческий обряд коронавания — надевание венца на наследника или новоизбранного императора. Святая царица Пульхерия (память 10 сентября) «пожелала оцерковить этот акт. Она попросила архиепископа Анатолия (память 3 июля) церковно короновать (ее мужа) Маркиана. Это был первый в Византийской истории акт церковного венчания императора. И в него, вероятно, тогда же вошел и библейский обряд миропомазания» (9, 383).

«В Священном Писании мы находим учение о Царе как о помазаннике Божиим... Когда Господь предопределил Давида быть Царем израильского народа, то Он повелел пророку Самуилу помазать его на царство (1 Пар 16, 1–12)... И после этого помазания сошел на него Дух Святой, почему в Библии и сказано: “помазал его среди братьев его, и почивал Дух Господень на Давиде с того дня” (1 Пар 16, 13). Отсюда ведет свое начало таинство миропомазания, которое совершалось над Царями в Византии, а затем у нас в России над великокняжескими и царскими самодержцами. Это помазание является многозначительным по своему значению фактом — как для Царя, так и для его подчиненных, ибо оно увеличивает его достоинство, делая его статус священным и осуществляет над ним слова Священного Писания: “вознес избранного из народа... святым елеем Моим помазал его... И истина Моя и милость Моя с ним...” (Псал 88, 20–21, 25). С этого момента власть Царя окружается Божественным ореолом... С этого же момента Царь становится покровителем Православной Церкви» (11, 47–48).

«Предкоронационная присяга Государей, — пишет Н. Д. Тальберг, — причащение отдельно Тела и Крови Христовых, вхождение в царском одеянии через царские врата — все это как бы давало монархам особый чин церковный и ставило их в положение защитников Православия» (12, 74).

Свт. Филарет, митрополит Московский, говорил: «Благо народу и Государству, в котором единым, всеобщим и вседвижущим средоточием стоит Царь, свободно ограничивающий свое неограниченное Самодержавие волею Царя Небесного, мудростью яже от Бога» (14, 385).

«Настоящее свидетельство архипастыря русской Церкви, — пишет архиепископ Серафим (Соболев), — в особенности теперь является ценным. Митрополит Филарет принадлежит к числу таких великих святителей Православной Церкви, которые насчитываются единицами. Вследствие обильных поразительных проявлений в нем даров Святого Духа — мудрости, целения недугов, прозорливости, богословского ведения, а также по святости жизни и аскетическим подвигам его можно сопоставить с такими великими святителями, как Василий Великий, Иоанн Златоуст, Григорий Богослов. Тем, чем они были для всей древней Церкви в защите Православия и насаждении в людях чистоты христианской жизни, тем явился для Русской Церкви и митрополит Филарет» (11, 45–46).

И однако нашлись среди русского народа люди, питавшие непримиримую вражду к православной монархии в России. Борьба за ее уничтожение началась в недрах тайных революционных организаций 60-х годов прошлого столетия. Впервые ясно проявив себя в покушении на жизнь императора Александра II, произведенном 4 апреля 1866 года Каракозовым, она затем широко развернулась в последовавшее за этой печальной исторической датой пятнадцатилетием. За это время так называемая «Народная воля» подготовила 7 покушений на Царя (4, кол. 751).

1 марта 1881 года народоволец Гриневецкий по решению исполнительного комитета своей преступной организации бросил бомбу, которой убил царя Александра II (3, кол. 998). О реакции на это злодеяние со стороны Русской Православной Церкви можно судить по речам ее видных представителей, опубликованным в «Церковном вестнике» за 1881 год. В них звучит голос обличения народа за отступление от христианских норм жизни, приведшее к тяжкому промыслительному наказанию, и — призыв ко всенародному покаянию.

6. Русская Православная Церковь и император Александр II

Церковное понимание царства и отношения к царственным особам искренно и ясно высказано было в речи митрополита Филарета по случаю совершения Священного коронования императора Александра II:

«Благочестивейший, Богом венчанный Великий Государь Император!

Бог венчал Тебя: ибо Его Провидение привело Тебя к сему законом престолонаследия, который Он же положил и освятил, когда, прияв Царя в орудие Своего Богоправления, изрек о нем Свое определение: от плода чрева твоего посажду на престоле твоём (Псал. 131, 11).

Бог венчал Тебя: ибо Он дает по сердцу (Псал. 19, 5), а Твое сердце желало не торжественного только явления Твоего Величества, но наипаче таинственного осенения от Господня Духа Владычняго, Духа премудрости и ведения, Духа совета и крепости. Мы слышали Твою о сем молитву ныне...

Возрадуйся и Ты, Благочестивейшая Государыня, о славе Твоего Супруга, свыше освещаемой и освящаемой, и лучом священным и Тебя озаряющей.

Светло возрадуйся, Православная Церковь, и твоя соборная молитва веры, любви и благодарности да восходит к Престолу Всевышнего, когда Он на Избранного от людей Своих полагает священную печать Своего избрания, как на вождя твоих сынов, на твоего верного и крепкого защитника...

Светися радостью, Россия... Что может быть вождянее, что радостнее, что благонадежнее для царства, как Царь, который царские намерения, деятельность желает освятить и освящает помазанием от Святаго?» (14, 385).

Император Александр II сделал много доброго для своего русского народа, торжественно провозгласив и начав осуществлять великую реформу освобождения крестьян от крепостной зависимости. Митрополит Евлогий (Георгиевский), вспоминая свои отроческие годы, говорит, что его сверстники по духовному училищу «особенно любили песню про освобождение крестьян: “Ах, ты, воля, моя воля, золотая ты моя”. Это был отголосок духовного переживания народом недавно совершившейся крестьянской освободительной реформы... Я вспоминаю, как глубоко переживалась в народе эта реформа, как захватила она его душу... По России ходили легенды о “Золотой грамоте”, которую Царь дал народу. Эта грамота была окружена светлым ореолом; ее изучали в школе с первыми зачатками грамотности, о ней горячо, с необыкновенным волнением говорили, спорили в семье и школе. Отражение этого настроения мы находим в чудном стихотворении А. Н. Майкова, где говорится, как при свете огонька в деревенской избе, при всеобщем напряженном внимании, с трудом от слова к слову пальчиком водят, по-печатному читает мужикам дитя...

про желанную свободу дорогую весть», т. е. читает манифест 19 февраля» (5, 19–20).

Трагическая кончина императора вызвала отклик скорби по всей Русской Православной Церкви. Вот отрывок из речи в Исаакиевском соборе, произнесенной 2 марта 1881 года протопресвитером Иоанном Янышевым: «Мы не отстояли и не сохранили этой жизни, в которой радость и украшение нашей Святой Православной Церкви» (15, 1).

Из речи епископа Новгородского и Арзамасского Макария, произнесенной в нижегородском кафедральном соборе по случаю убиения императора, 2 марта 1881 года: «Почивший Царь наш (мученик или Страдалец!) сделался как бы жертвой искупительной и умиловительной за наши грехи — за наше неверие и нечестие, за наше уклонение и непослушание» (16, 6).

Из речи епископа Доната в Гродненском соборе: «Некогда Господь открывал через пророков, что Он отнимет добрых царей у народа за его нечестие. Не умножение ли неверия между нами и развращение призвали на землю Русскую кару Божию. О, не упорствуй в них, родная наша с грана! Не испытывай крепкую десницу Всевышняго...» (17, 10).

Из речи епископа Дмитревского Амвросия, произнесенной в Архангельском соборе в Москве на панихиде 9 марта 1881 года: «Мы не желаем врагам почившего нашего Государя отчаяния и гибели Иуды... но желаем, чтобы и они, обличаемые совестью, сказали: согрешихом, предавши кровь неповинную! Нам же слезы, проливаемые над гробом нашего Государя, да будут “банею очищения и обновления” (Тит 3, 5). Благо народам, которые вразумляются и исцеляются подобными действиями Божественного Промышления» (18, 14).

7. Екатеринбургские события 1918 года

Если насильственная смерть государя-освободителя от руки террориста была столь грозным предупреждением народу российскому, только ступившему на путь безверия, вражды и пренебрежения вековыми идеалами Святой Руси, то что можно сказать о значении и последствиях цареубийства, совершившегося в Екатеринбурге в ночь с 17 на 18 июля 1918 года. Оно было одним из первых откровенных проявлений уже победившего беспрецедентного богоборчества и человеконенавистничества.

То, что произошло тогда в Ипатьевском доме, было «бессудным» и не имеющим никакого оправдания уничтожением последнего царя-помазанника Божия и всей семьи дома Романовых.

«Государь Император Николай Александрович видел вокруг себя столько предательства и сохранил нерушимую веру в Бога, отеческую любовь к русскому народу, готовность жизнь свою положить за честь и славу Родины. Какой силой духа дышит последнее обращение Государя от 8 марта 1917 года к армии, на которую он призывал благословение Божие. Жизнь его пленником в Царском Селе, Тобольске, Екатеринбурге — воистину житие православного христианина. И вспоминая его, так ясно представляешь себе образ другого страдальца-пленника, святого Великого Князя Михаила Тверского, тоже в нравственных страданиях духа своего не угасившего...» (12, 93).

С религиозно-нравственной точки зрения екатеринбургское убийство было дерзкой попыткой уничтожить то, что было дорого русскому народу на протяжении тысячелетней истории со времени принятия христианской веры. Нравственно опустошенный народ не смог найти в себе силы для противодействия натиску враждебных сил для защиты своего государя как помазанника Божия и, таким образом, вольно или невольно фактически отрекся от дара, который он имел уже много веков, — от теократии как основы государства. Этот тяжкий грех не мог остаться без сурового очистительного наказания. Подобно древнему Израилю, который просил у Самуила поставить им властителя «как у прочих народов» (1 Пар 8, 5), народ русский, точнее те, кто присвоил себе право говорить от его имени, решил жить «как прочие народы». И Господь как бы вновь сказал, как некогда Самуил: «они отвергли Меня, чтобы Я не царствовал над ними» (1 Пар 8, 7).

«Русские люди, — пишет архиепископ Серафим (Соболев), — по горькому опыту теперь знают, к каким гибельным последствиям для русского Государства привело их недовольство царской властью, их открытое осуждение Императора Николая II, доброго и православного Царя» (11, 50). Как ни сложились дальнейшие судьбы русского народа, он нравственно обязан покаяться в содеянном им или от его имени в 1917 году. Это покаяние должно быть не заявлением политического характера, а настоящей христианской «метанойей» и воздаянием благодарной памяти замученным. Именно такому покаянию способствовало бы провозглашение Церковью в акте канонизации государя и его благочестивого

семейства как страстотерпцев. Об этом комиссия Священного Синода по канонизации в сущности уже сказала следующими словами: «И жертвы политических убийств могут быть святыми страстотерпцами, так как их убивали как символ Православной Руси» (11, 3а).

8. Некоторые дополнительные сведения о государе императоре Николае Александровиче как христианине-защитнике Православной веры (1)

Перед мировой войной в екатеринбургском соборе говорил (в проповеди) его настоятель о. Иоанн Сторожев, которому волею Божией уготовано было в воскресенье 1/14 июля 1918 года служить в Екатеринбурге же, в Ипатьевском доме, обедницу и который стал «последним верноподданным русским православным человеком, видевшим в живых своего царя и его августейшую семью за два дня до принятия ими мученических венцов»: «Какое великое утешение знать и видеть, что Державный Вождь русского народа, коему вверены Богом судьбы Отечества нашего, в основание всего в своем царстве полагает не иное что, как благочестие, Сам лично давая пример глубокого, чисто древнерусского благочестия любви к благолепию служб церковных, почитания святых русских, забот и усердия к прославлению великих подвижников святой богоугодной жизни» (1, 61).

Из рескрипта государя, с которым он обратился к киевскому митрополиту Флавиану по поводу перенесения мощей преподобной Евфросинии Полоцкой в 1910 году из Киева в Полоцк: «Свято прошедшая поприще, указанное ей Божественным Промыслом, да пребудет Святая Княжна для всего белорусского народа навеки яркой путеводной звездой, указующей правду Православия. Проявившийся же в незабываемые дни перенесения честных Ея мощей дух благочестия в народе, притекавшем в великом множестве на поклонение Преподобной, да послужит в назидание и тем, кто, в житейской суете и душевном смятении, готовы покинуть спасительный путь истинной Православной веры» (1, 75–76). Из акта государя от 12 января 1909 года, написанного по случаю кончины о. Иоанна Кронштадтского: «Неисповедимому Промыслу Божию было угодно, чтобы угас великий светильник Церкви Христовой и молитвенник Земли Русской, всенародно чтимый пастырь и праведник о. Иоанн Кронштадтский... Ныне вместе с на-

родом Нашим, утратив возлюбленного молитвенника Нашего, Мы проникаемся желанием дать достойное выражение сей совместной скорби Нашей с народом молитвенным поминовением почившего, ежегодно ознаменовывая им день кончины о. Иоанна... Будучи и по собственному духовному влечению Нашему и по силе Основных Законов первым блюстителем в Отечестве Нашем интересов и нужд Церкви Христовой, Мы со всеми верными и скорбящими сынами ее ожидаем, что Синод, став во главе сего начинания, внесет свет утешения в горе народное и зародит на вечные времена живой источник вдохновения будущих служителей и предстоятелей Алтаря Христова на святые подвиги пастырского делания» (1, 78–79). Автор книги «Император Николай II как человек сильной воли» пишет: «Заботы Императора Николая II о Церкви Божией простирались далеко за пределы России... Он, и только Он во всем мире, выступал на защиту православной веры и Церкви и оберегал церковный мир по всему миру. Он был ктитором всей Православной Вселенской Церкви» (1, 85).

Библиография

1. *Алферьев Е. Е.* Император Николай II как человек сильной воли. Джорданвилль, 1983.
2. *Булгаков С. В.* Настольная книга для священно-церковнослужителей. Изд. 2-е, 1900.
3. БСЭ. Т. 7.
4. БСЭ. Т. 17.
5. *Евлогий (Георгиевский), митрополит.* Путь моей жизни: Воспоминания. М., Моск. рабочий; ВПМД, 1991.
6. *Евсевий.* Церковная история. Т. 5.
7. Жития святых. Мюнхен: Изд. обители преп. Иова Почаевского, 1953.
8. *Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский.* Открытое письмо от 23 августа 1993.
9. *Карташев А. В.* Вселенские Соборы. Париж, 1993.
10. К канонизации новомучеников Российских. М.: Изд. Комиссии Священного Синода по канонизации святых, 1991.
11. *Серафим Соболев, архиепископ.* Русская идеология. СПб., 1992.
12. *Тальберг Н. Д.* Святая Русь. Париж, 1929.
13. *Федоров.* Очерки по истории русской святости. Брюссель, 1961.
14. *Филарет Дроздов, митрополит Московский.* Слова и речи. Т. 5.
15. Церковный вестник. № 10. 1881.
16. Церковный вестник. № 11. 1881.
17. Церковный вестник. № 13. 1881.
18. Церковный вестник. № 14, 15. 1881.

ПРАВОСЛАВНЫЙ ВЗГЛЯД НА ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II

Будущий император получил весьма хорошее домашнее образование. В детстве по воле своего отца великого князя Александра Александровича он воспитывался в спартанском духе. Его первая воспитательница А. П. Олленгрэн вспоминала слова Александра Александровича: «Ни я, ни великая княгиня не желаем делать из них (т. е. сыновей) оранжерейных цветов. Они должны хорошо молиться Богу, учиться, играть, шалить в меру. Учите хорошенько, повадки не давайте, спрашивайте по всей строгости законов, не поощряйте лени в особенности. Если что, то адресуйтесь прямо ко мне, а я знаю, что нужно делать. Повторяю, что мне фарфора не нужно. Мне нужны нормальные русские дети. Подерутся — пожалуйста. Но доказчику — первый кнут. Это — самое мое первое требование».

По-видимому, эта программа воспитания добросовестно исполнялась и во многом принесла свои плоды. Во многом, но не во всем. Проходя курс особого домашнего образования, Николай никогда не проявлял к занятиям ни рвения, ни любопытства. «Спрашивать по всей строгости» учителям запрещалось, а сам ученик ни о чем не спрашивал, но скучал безмерно. Об этой скуке вспоминает К. П. Победоносцев. Об этой же скуке пишет в дневнике и сам будущий император. Для подготовки его именно к этому поприщу в его школьную программу были введены занятия по политической истории. Однако политика навевала на него, по его собственному выражению, «спячку», и в дальнейшем окружающие не могли избежать впечатления, что этот род деятельности стоически им переносится, но глубоко чужд его природным склонностям. Об этом пишут многие мемуаристы. Политические вопросы, особенно требовавшие ответственных решений, дисгармонично вторгались в его внутренний мир досадным инородным телом.

Завершив домашнее образование прослушиванием курсов по военным и юридическим наукам, будущий император на всю жизнь сохранил особое расположение к военной службе.

Среда, в которой он чувствовал себя уверенно, спокойно и благодушно, — прежде всего узкий семейный круг, а также среда военных людей. Атмосферу естественности придавали ему встречи по несколько раз в день одних и тех же лиц из свиты, конвоя, офицеров охраны, которые не скажут ничего неприятного,

неожиданного, не приведут к необходимости тут же решить сложный вопрос и принять ответственное решение. Характеризуя уровень развития государя, С. Ю. Витте писал, что «Император Николай II по нашему времени обладает средним образованием гвардейского полковника хорошего семейства» (1, 299).

Государь император Николай II любил военное дело и среди военных людей чувствовал себя более свободным. Эта склонность в сочетании с привитым ему его воспитанием убеждением приносить в государственную жизнь христианские религиозно-нравственные принципы своего мировоззрения обусловили весьма своеобразное проведение императором казавшейся ему особенно важной военной политики.

Еще в 1898 году он обратился к правительствам Европы с предложением о созыве конференции для обсуждения наиболее эффективных методов обеспечения сохранения всеобщего мира и установления пределов в отношении роста вооружений. Вследствие этого обращения состоялись Гаагские мирные конференции 1899 и 1907 годов, решения которых в значительном объеме действительны по сей день.

К войне с Японией Россия пришла неподготовленной. Именно этим и воспользовалась Япония, начав войну в январе 1904 года. Общество было исполнено неоправданного оптимизма, смотря на войну как на эпизод. Этому эпизоду не придавали большого значения, а по отношению к японцам с уст не сходило презрительное «макаки». В начале войны государь определенно высказывает свое мнение, что война будет недолгой, конечно же победной и никак не отразится на внутреннем положении в стране, которое совершенно устойчиво. Прекратив все прочие дела, император много ездил по стране, инспектировал войска, участвовал в освящении военных кораблей и щедро раздавал солдатам и офицерам образочки и крестики. В войне Россия потеряла 400 тысяч убитыми, ранеными и пленными. Материальные потери тоже были значительны. Следует сказать, что после этой войны взгляд государя на возможность вовлечения России в новую войну претерпел всеобщее изменение.

Перед I мировой войной настроение государя раздваивается между стремлением всеми силами сохранить мир и недооценкой опасности грядущей войны. Разумеется, нельзя доверять букве высказываний военного министра Б. А. Сухомлинова, но в известной степени, вероятно, его слова отражали реальность, когда он в конце 1912 года говорил: «Государь и я, мы верим в армию

и знаем, что из войны произойдет только одно хорошее для нас». В. Н. Коковцов в своих воспоминаниях пишет о влиянии на государя «воинственно-патриотически» настроенных министров: «Эта часть министров имела на своей стороне в сущности и государя. И не потому, что государь был агрессивен. По существу своему он был глубоко миролюбив, но ему нравилось повышенное настроение министров националистического пошиба. Его удовлетворяли их хвалебные песнопения на тему о безграничной преданности ему народа, его несокрушимой мощи, колоссального подъема его благосостояния, нуждающегося только в более широком отпуске денег на производительные надобности. Нравились также и заверения о том, что Германия только страшает своими приготовлениями и никогда не решится на вооруженное столкновение с нами и будет тем более уступчива, чем яснее дадим мы ей понять, что мы не боимся ее и смело идем по своей национальной дороге. Аргументы этого рода часто охотно выслушивались государем и находили сочувственный отклик в его душе» (3, 108).

Тяжело пережив неудачи русской армии в первый год войны, император считал нравственно необходимым взять на себя ответственность за ведение войны и принял 23 августа 1915 г. верховное командование. Император с самого начала рассматривал пребывание на посту Верховного главнокомандующего как исполнение своего нравственно-государственного долга перед Богом и народом, предоставляя ведущим военным специалистам широкую инициативу в решении всей совокупности военно-стратегических и оперативно-тактических вопросов. При этом государь категорически отвергал возражения против своего решения тех советников, которые считали, что возглавление армии в период тяжелых военных поражений может поколебать политический авторитет государя и способствовать падению престижа государственной власти вообще.

Объективно Русско-японская война, так же как впоследствии и I Мировая война, вызвала внутренние мятежи в империи. Но на эти беспорядки император, подавленный ходом войны на востоке, по свидетельству приближенных к нему людей, смотрел скорее безучастно, не придавая им особенного значения, и все говорил о том, что они охватывают только небольшую часть страны и не могут иметь большого значения. Государь вслух неоднократно высказывал мысль, что рабочий вопрос близок его сердцу. И это проявлялось в последовательной поддержке

и развитии социального законодательства в направлении защиты и расширения прав рабочих и ограничения привилегий предпринимателей на всем протяжении его царствования. Своим личным участием в разрешении этого вопроса он желал внести успокоение в рабочую среду. События 9 января 1905 г., произошедшие в результате авантюристической деятельности священника Георгия Гапона, некомпетентных действий министра внутренних дел князя П. Д. Святополк-Мирского и ряда высших чинов петербургских военного и полицейского ведомств, явились полной неожиданностью для государя, отсутствовавшего в это время в столице. Глубоко переживший трагедию 9 января и пытавшийся оказать помощь семьям жертв этой трагедии, император был представлен политической оппозицией в качестве главного виновника происшедших событий, что во многом извратило представление общества об отношении государя к рабочему вопросу.

Использование оппозиционными кругами событий 9 января 1905 года для подрыва морально-политического престижа государя в глазах российского общества может быть сравнимо с их аналогичными действиями в 1896 году, когда во время коронационных торжеств по вине московских полицейских властей, не контролировавших должным образом размещение народа на Ходынском поле, произошла давка, приведшая к многочисленным жертвам. Между тем отличавшийся нелюбезными характеристиками по отношению к государю С. Ю. Витте следующим образом описывал Ходынские события и отношение к ним императора Николая II:

«Обыкновенно после коронации делается громадное гуляние для народа, причем народу этому выдаются от государя различные подарки, большей частью и даже почти исключительно съедобные, т. е. народ кормится, угощается от имени государя императора. Затем на этой громадной площади, находящейся вне Москвы, но сейчас же около самого города, для народа делаются всевозможные увеселения; обыкновенно и государь приезжает посмотреть, как веселится и угощается его народ,

В тот день, когда все должны были приехать туда, должен был приехать к полудню и государь...

Едучи туда, садясь в экипаж, я вдруг узнаю, что на Ходынском поле, где должно происходить народное гулянье, утром произошла катастрофа, произошла страшная давка народа, причем было убито и искалечено около двух тысяч человек. Когда я приехал на место, то уже ничего особенного не заметил, как будто никакой

особой катастрофы и не произошло, потому что с утра успели все убрать, и никаких видимых следов катастрофы не было; ничто не бросалось в глаза, а где могли быть какие-нибудь признаки катастрофы, все это было замаскировано и сглажено. Но конечно, все приезжающие (для этого случая была устроена громадная беседка для приезжающих) чувствовали и понимали, что произошло большое несчастье, и находились под этим настроением.

..Вскоре приехали великие князья и государь император, и, к моему удивлению, празднества не были отменены, а продолжались по программе... вообще все имело место, как будто бы никакой катастрофы и не было. Только на лице государя можно было заметить некоторую грусть и болезненное выражение. Мне представляется, что если бы государь был тогда предоставлен собственному влечению, то, по всей вероятности, он отменил бы эти празднества и вместо них совершил бы на поле торжественное богослужение. Но, по-видимому, государю дали дурные советы...» (1, 344–346).

В 1905 году государь под давлением сложившихся обстоятельств был вынужден пойти на создание Государственной думы с ограниченными законодательными правами. После торжественного приема Думы в Зимнем дворце императрица-мать говорила: «Они смотрели на нас, как на своих врагов, и я не могла отвести глаз от некоторых типов, — настолько их лица дышали какой-то непонятной мне ненавистью против нас всех» (2, 156–157). Думы первого и второго созывов просуществовали недолго, обнаружив свою крайнюю оппозиционность самодержцу и правительству и полную неспособность к реалистическому законодательному творчеству. Для государя Дума была источником постоянного раздражения и ущемленного самолюбия.

Рискуя давать общую оценку тому, как император принимал те или иные государственные решения, мы встречаемся с большой трудностью. Дело в том, что свидетельства современников, независимо от их симпатий и антипатий, очень противоречивы. По-видимому, эта неоднозначность объективно обусловлена некоторыми чертами характера государя. Сам о себе государь свидетельствует: «Я люблю слушать разные мнения и не отвергаю сразу того, что мне говорят, хотя бы мне было очень больно слышать суждения, разбивающие лучшие мечты всей моей жизни, но верьте мне, что я не приму решения, с которым не мирится моя совесть». Вряд ли уместно сомневаться в искренности этой самооценки. Однако факты свидетельствовали о том, что

принятие государем решений часто было связано с мучительными душевными переживаниями, исполненными глубокими противоречиями. Подавляющее большинство свидетелей, близких и далеких людей, так или иначе, утверждает о впечатлении раздвоенности, которое производил император. Примеров подобной противоречивости очень много. Так, назначив своим указом председателя Департамента экономии в 1905 году, император через два дня аннулировал этот указ. Чтобы сгладить неловкость положения, он произносит следующие слова: «Вы не знаете, что стоило мне уничтожить мою подпись на указе... Мой покойный отец не раз говорил мне, что менять моей подписи никогда не следует, разве что я имел возможность сам убедиться в том, что я ошибся или поступил сгоряча и необдуманно. В отношении Вашего назначения я был уверен в том, что я поступаю не только вполне справедливо, но и с пользой для государства, и между тем меня заставили отказаться и уничтожить подпись. Я этого никогда не забуду...» Слова эти сопровождались жестами, должны были обнаружить крайнюю степень расположения» (2, 103).

В январе 1914 года при увольнении с должности председателя Совета министров и министра финансов одновременно, на столбцах одного и того же официального органа появляются два противоположных друг другу рескрипта. Один из них объявляет увольнение уступкой настойчивой просьбе увольняемого в связи с его нездоровьем (на самом деле ни нездоровья, ни просьб об увольнении не было). При этом увольняемый возводится в графское достоинство, благодарится за безупречное служение и за услуги, оказанные Отечеству; соседний рескрипт, назначающий нового министра, объявляет деятельность предшественника крайне неудовлетворительной, В. Н. Коковцов вспоминает о последовавшей за этими указами прощальной аудиенции: «Никогда не изгладятся из моей памяти тягостные минуты, когда с такой наглядностью передо мной встала картина всего прошлого, трудное положение государя среди всевозможных влияний безответственных людей, зависимость подчас крупных событий от случайных явлений. Государь... быстро подошел ко мне навстречу, подал мне руку и, не выпуская ее из своей руки, стоял молча, смотря мне прямо в глаза... Не берусь определить, сколько времени тянулось это тягостное молчание, но кончилось оно тем, что государь, все держа мою руку, вынул левой рукой платок из кармана, и из глаз просто полились слезы» (3, 235).

Эта двойственность и внешняя непоследовательность отразились на взаимоотношениях государя и П. А. Столыпина. Вот свидетельство императрицы-матери, хорошо знавшей характер сына, в разгар одного из правительственных кризисов: «Если Столыпин будет настаивать на своем, то я ни минуты не сомневаюсь, что государь после долгих колебаний кончит тем, что уступит... Он слишком самолюбив и переживает создавшийся кризис вдвоем с императрицей, не показывая и вида окружающим, что он волнуется и ищет исхода. И все-таки, приняв решение, которого требует Столыпин, государь будет глубоко и долго чувствовать всю тяжесть того решения, которое он примет под давлением обстоятельств... И чем дальше, тем больше у государя и все больше будет расти недовольство Столыпиным, и я почти уверена, что теперь бедный Столыпин выиграет дело, но очень ненадолго, и мы скоро увидим его не у дел, а это очень жаль и для государя, и для всей России» (2, 394–395). Это было сказано весной 1911 года. Примерно через полгода П. А. Столыпин был убит в Киеве. Обстоятельства его гибели многократно описаны, равно как известно и холодное отношение к нему двора в то время.

Двусмысленность, которую наблюдатели отмечают в поведении государя, во многом объясняется чувством бессилия под натиском неумолимых обстоятельств, в частности в виду драматических событий в семейной жизни. Полны подспудного смысла слова императора, произнесенные им в размышлениях о безнадежном положении в первой Думе: «Бывает, что и самая безнадежная болезнь проходит каким-то чудом, хотя едва ли в таких делах бывают чудеса» (2, 165).

Это пассивное упование на чудо, на то, что все как-то само собой уладится, с одной стороны, отвечало той черте его характера, которую можно назвать оптимизмом, но, с другой стороны, выдавало в нем затаенный фатализм. За полгода до начала мировой войны император, чувствуя близость и неотвратимость катастрофы, отрешенно говорил: «На все воля Божия».

Давая с христианской позиции ту или иную оценку государственному деятелю, мы не должны забывать, что оценка эта отнюдь не должна касаться формы государственного устройства или той функции, которую имеет конкретное лицо в данном государственном механизме. Оценка может подлежать только то, насколько государственный деятель в данной своей функции сумел воплотить в своей деятельности христианские идеалы блага. Вполне

естественно, что в научной и популярной литературе мы встречаем полярно противоположные взгляды на императора Николая II как государственного мужа. Однако весь спектр различных мнений сводится по меньшей мере к одному общему утверждению: основная тенденция царствования Николая II — охранительство. Все жизнеописатели согласно утверждают также, что эта тенденция привита императору его учителем К. П. Победоносцевым, в котором «никогда не угасала пламенная страсть к Самодержавию, в защиту которого он выступал талантливо и пылко» (5, 33).

Чтобы уяснить исходные взгляды Николая II на государственную деятельность, имеет смысл проследить основные положения К. П. Победоносцева по данному вопросу. Они были изложены в его «Московском сборнике» (1896),

Парламентское правление — «великая ложь нашего времени, — писал Победоносец. — История свидетельствует, что самые существенные, плодотворные для народа и прочные меры и преобразования исходили от центральной воли государственных людей, или от меньшинства, просветленного высокой идеей и глубоким знанием; напротив того, с расширением выборного начала происходило принижение государственной мысли и вульгаризация мнения в массе избирателей» (4, 27).

Зло парламентского правления К. П. Победоносцев видит в том, что на выборах получается не отбор лучших, а только «наиболее честолюбивых и нахальных». Особенно опасна избирательная борьба в государствах многонациональных: «Монархия неограниченная успевала устранять или примирять все подобные требования и порывы — и не одною только силой, но уравнением прав и отношений под одной властью. Но демократия не может с ними справиться, а инстинкты национализма служат для нее разъедающим элементом: каждое племя из своей местности высылает представителей — не государственной и народной идеи, но представителей племенных инстинктов, племенного раздражения, племенной ненависти — и к господствующему племени, и к другим племенам, и к связующему все части Государства учреждению» (4, 54).

«Вместо неограниченной власти монарха мы получаем неограниченную власть парламента, с той разницей, что в лице монарха можно представить себе единство разумной воли; а в парламенте нет его, ибо здесь все зависит от случайности, так как воля парламента определяется большинством... Такое состояние неотразимо ведет к анархии, от которой общество спасается одною лишь

диктатурою, т. е. восстановлением единой воли и единой власти в правлении» (4, 58–59).

Все эти мысли были с молодости хорошо знакомы и близки государю. Он глубоко, во след Победоносцеву, верил, что для стомиллионного русского народа царская власть была и остается священной. В нем всегда жило представление о добром народе, противопоставляемом враждебной интеллигенции.

В то же время на протяжении всего своего царствования император был вынужден считаться с мнениями таких государственных деятелей, которые подобно С. Ю. Витте и П. А. Столыпину признавали неизбежность сосуществования монархии в России с представительными органами законодательной власти. Пойдя вопреки своим убеждениям в 1905 году на подписание Манифеста 17 октября, реально ограничившего власть самодержавного государя, император никогда не пытался отменить этот законодательный акт, и вместе с тем 12-летний период существования в России Государственной думы не убедил государя в необходимости для страны государственности парламентского типа.

Наряду со взглядами, вынесенными из традиций, воспитания, уроков Победоносцева, государь император своими убеждениями относительно смысла и значения самодержавия в России во многом был обязан влиянию императрицы. Наряду со своеобразно понятием Православием в преломлении экзальтированной души, постоянно ищущей чуда, Александра Федоровна усвоила и восприняла как политический догмат веру в несокрушимость и неизменность российского самодержавия, которое неотделимо от существования России и ее народа. В незыблемой вере в народную любовь государь должен черпать свою силу и спокойствие. Под влиянием обладавшего энергичным зарядом убеждения Александры Федоровны император укреплялся в абсолютистской идее, особенно в периоды спокойной внутренней жизни в России. Политические осложнения заставляли его считаться с ними и время от времени становиться на путь уступок живой реальной жизни. Такие уступки были неприятны и органически чужды его царствующей супруге. В ее понимании государь оставался выше закона. Он властен выражать любое желание, ибо оно, как бы по определению, всегда на пользу страны и народа. Всякое осуждение государя, всякая критика его действий недопустимы, ибо следует помнить, что он — Помазанник Божий. Неопределенность самого понятия самодержавия, его смешение с понятием абсолютизма, едва ли не догматизация необходимости

царской харизмы в Церкви, — все это было не чуждо и самому государю и многим в окружающем его обществе. Не говоря уже о простом народе с бытовавшем в его среде полуфольклорным представлением о царе-батюшке, даже среди высших сановников можно было встретить настроения и взгляды, более характерные для XVI или XVIII века, чем для века XX-го. Не удивительно, что при таких взглядах на самодержавную власть при дворе не могла обойтись без фаворитизма. Один из неудавшихся протеже императрицы, лейтенант флота В. В. Мочульский, говорил, что среди его военных товарищей было простое представление, что просить можно обо всем и что государь и императрица могут разрешить решительно все, если только они этого желают (3, 157).

С верой в самодержавие была как-то особенно связана и вера в «народность». Понимание «народности» в начале XX века иллюстрируется внушениями Г. Распутина императрице: царю и царице следует быть ближе к народу (очевидно, в лице «старца»), чаще видеть его и больше верить ему, потому что он не обманет того, кого почитает почти равным Самому Богу, и всегда скажет настоящую правду, не то, что министры и чиновники, которым нет никакого дела до народных слез и нужды. Сам государь высказывался неоднократно в том духе, что не может быть никакого сомнения в великой к нему народной любви. Народ скорбит лишь о том, что недостаточно близко и часто видит его. Эти слова говорились совершенно искренно, перед самыми близкими людьми. Насколько они были далеки от реальности, проявится в трагические дни цареубийства в Екатеринбурге. «На толпу, на то, что принято называть “народом”, — сообщает об этих июльских днях 1918 года В. Н. Коковцов, — эта весть произвела впечатление, которого я не ожидал. В день напечатания известия я нигде не видел ни малейшего проблеска жалости или сострадания. Известие читалось громко, с усмешками, издевательством и самыми безжалостными комментариями... Какое-то бессмысленное очерствение, какая-то похвальба кровожадностью» (3, 393).

По словам того же преданного государю человека император «верил в то, что он ведет Россию к светлому будущему, что все ниспосылаемые судьбою испытания и невзгоды мимолетны и во всяком случае преходящи и что даже если лично ему суждено перенести самые большие трудности, то тем ярче и безоблачнее будет царствование его нежно любимого сына... До самой минуты отречения эта вера не оставляла его».

Если эта оптимистичность действительно была одной из противоречивых сторон характера государя, она могла скрашивать ему весьма безутешные дни его царствования. Взирая на это время с отдаления почти в столетие, нелишне спросить себя: а кто вообще мог бы в создавшихся исторических условиях сделать больше и лучше?

Однако сколь бы противоречивым не представлялся характер государственной деятельности императора Николая II, ее основным религиозно-нравственным итогом следует признать тот факт, что царствование этого государя явилось весьма значительной, хотя и исторически запоздалой попыткой привнести в государственную жизнь России идеалы православного мировоззрения. Неудача, постигшая государя на этом пути, стала не только его личной трагедией, но и послужила прологом величайшей исторической драмы России. Соотнести эту трагедию императора Николая II как государственного деятеля с возможностью его канонизации как страстотерпца возможно лишь в контексте его кончины, религиозное осмысление которой и должно быть положено в основу обсуждения вопроса о канонизации государя.

Библиография

1. *Витте С. Ю.* Избранные воспоминания. 1849–1911 гг. М., 1991.
2. *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. Кн. 1. М., 1992.
3. *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. Кн. 2. М., 1992.
4. *Победоносцев К. П.* Московский сборник. М., 1901.
5. *Ферро М.* Николай II. М., 1991.

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ II И СОБЫТИЯ 9 ЯНВАРЯ 1905 ГОДА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Среди череды трагических событий, сопровождавших царствование последнего российского государя императора Николая II, особое значение для изменения отношения российского общества к монархической государственности имело подавление правительственными войсками в январские дни 1905 года массового выступления рабочих Санкт-Петербурга, фактическая сторона этих трагических событий, в общих чертах известная

уже современникам, благодаря многочисленным исследованиям историков последующих десятилетий представляется к настоящему времени практически полностью выясненной. Поэтому как раньше, так и теперь главные вопросы, поднимающиеся в связи с событиями 9 января 1905 года в Петербурге, касаются возможности различных интерпретаций и оценок деятельности тех или иных, вольных или невольных участников данных событий, в том числе и государя Николая II.

Однако прежде чем обращаться к вопросу о мере участия в событиях 1905 года и мере ответственности за них императора Николая II и выносить суждение о значении этих событий для обсуждения возможности канонизации государя, следует в общих чертах обозначить основные обстоятельства и действия исторических лиц, сделавших неизбежной трагедию 9 января 1905 года.

Летом 1903 года завершавший свое обучение в Санкт-Петербургской Духовной академии священник Георгий Аполлонович Гапон возглавил один из рабочих кружков в Петербурге, основанный по инициативе начальника Особого отдела Департамента полиции С. В. Зубатова, который стремился создать в России сеть легальных рабочих организаций, действовавших при поддержке властей и сочетавших в своей деятельности отстаивание социально-экономических прав рабочих с воспитанием их в духе преданности монархической государственности (7, 19). Официально зарегистрировав свой кружок 15 февраля 1904 г. в Министерстве внутренних дел в качестве «Собрания русских фабрично-заводских рабочих» (7, 23), священник Георгий Гапон сумел превратить его в крупнейшую рабочую организацию в Петербурге, насчитывавшую уже осенью 1904 года около 10 тысяч человек (12, 63), имевшую своим главным покровителем Санкт-Петербургского градоначальника генерала И. А. Фуллона (3, 24). Следует подчеркнуть, что в течение 1904 года изменился не только количественный, но и качественный состав «Собрания русских фабрично-заводских рабочих». Как отмечал сам Г. Гапон, «в начале ноября все агенты Зубатова были единогласно исключены из общества, и им был запрещен даже вход в наше учреждение» (3, 22). При этом наряду с осведомителями Департамента полиции из организации начали постепенно вытесняться те монархически настроенные рабочие, которые критически относились к перспективе вовлечения организации в политическую борьбу и не склонны были безраздельно доверять священнику Г. Гапону. В то же время в результате общения с пред-

ставителями крайне левых рабочих организаций Петербурга, таких, например, как группа А. Е. Карелина, являвшегося одним из «зачинателей социал-демократического движения в России» (5, 264), произошла политическая радикализация еще недавно склонного к аполитичной лояльности властям священника Г. Гапона. Он все чаще начинал видеть себя в качестве политического вождя петербургских рабочих и поэтому стремился опереться на наиболее политизированных членов своей организации, усиливая их позиции в «Собрании русских фабрично-заводских рабочих». Показательно, что содержащая в себе некоторые весьма радикально сформулированные политические требования к властям петиция гапоновских рабочих от 9 января 1905 года представляла собой проект программы «Собрания русских фабрично-заводских рабочих» и рассматривалась еще в марте 1904 года на конспиративном совещании свящ. Г. Гапона с четырьмя его ближайшими сподвижниками по организации (5, 269–271).

Таким образом, «Собрание русских фабрично-заводских рабочих», образованное в конце 1902 года по инициативе Департамента полиции и являвшееся отнюдь не единственным среди легальных рабочих организаций, призванных отстаивать только социально-экономические права рабочих без вовлечения их в политическую борьбу, превратилось в течение 1904 года под руководством свящ. Г. Гапона в официально признанную, но ориентированную как на радикальную социально-экономическую, так и на радикальную политическую борьбу массовую рабочую организацию, которая, благодаря своим связям с Министерством внутренних дел и верноподданническому характеру своих заявлений, не только не контролировалась властями, но и могла действовать совершенно неожиданно для властей, исполняя лишь указания своего признанного вождя свящ. Г. Гапона.

Необходимо подчеркнуть, что отношение церковных властей в лице митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Антония (Вадковского) к деятельности свящ. Г. Гапона в «Собрании русских фабрично-заводских рабочих» на всем ее протяжении было отрицательным. Назначив в январе 1904 года свящ. Г. Гапона на служение в Петербургскую пересыльную тюрьму и тем самым, приняв во внимание его желание участвовать в решении социальных проблем, митрополит Антоний категорически запретил ему возглавлять «Собрание русских фабрично-заводских рабочих» (14, 4), что было проигнорировано свящ. Г. Гапоном,

пользовавшимся тогда покровительством со стороны некоторых крупных чиновников Министерства внутренних дел и Санкт-Петербургского градоначальства.

Не приходится сомневаться в том, что имевший на основе докладов министров внутренних дел В. К. Плеве и кн. П. Д. Святополк-Мирского лишь общее представление о противоречивых попытках Министерства внутренних дел контролировать рабочее движение, император Николай II вплоть до 1905 года не имел никакой информации о деятельности свящ. Г. Гапона, прежде всего потому, что оба названные министра весьма неоднозначно относились к перспективе поддержки Министерством внутренних дел зубатовских рабочих организаций (сам Зубатов уже летом 1903 года был удален из С.-Петербурга по распоряжению Плеве и вскоре был отправлен в отставку) (5, 222–224).

В декабре 1904 года представители «Собрания русских фабрично-заводских рабочих» вмешались в конфликт, имевший место на Путиловском заводе между заводской администрацией и несколькими рабочими — членам гапоновской организации. 27 декабря 1904 года на совещании представителей районных отделов «Собрания русских фабрично-заводских рабочих» под руководством свящ. Г. Гапона и при участии представителей революционных партий была принята резолюция, обращенная как к администрации Путиловского завода, так и к петербургскому градоначальнику генералу И. А. Фуллону. Включая в свои первые четыре пункта жесткие требования администрации Путиловского завода, эта резолюция заканчивалась открытой угрозой городским властям: «Если эти законные требования рабочих не будут удовлетворены, — подчеркивалось в пятом пункте резолюции, — союз слагает с себя всякую ответственность в случае нарушения спокойствия в столице» (3, 28).

3 января 1905 года началась забастовка рабочих Путиловского завода, 4 и 5 января к ним присоединились рабочие франко-русского судостроительного завода и Семянниковского завода. Сам Г. Гапон впоследствии следующим образом объяснял начало всеобщей забастовки в Петербурге рабочими именно этих заводов. «Мы решили, — писал Гапон, — ...распространить стачку на франко-русский судостроительный и Семянниковский заводы, на которых насчитывалось 14 тыс. рабочих. Я избрал именно эти заводы, потому что знал, что как раз в это время они выполняли весьма серьезные заказы для нужд войны» (3, 30). Таким

образом, к 5 января 1905 года забастовка, начатая по инициативе священника Г. Гапона, охватила многие тысячи рабочих нескольких крупнейших петербургских заводов, при этом ряды забастовщиков пополнялись как рабочими, не входившими в гапоновскую организацию, так и революционными элементами, а требования забастовщиков уже не ограничивались решением конфликта на Путиловском заводе (3, 30).

5 января 1905 года митрополит Санкт-Петербургский Антоний дважды вызывал к себе священника Г. Гапона, требуя объяснения относительно его деятельности, не совместимой с саном священника (14, 5). Однако священник Г. Гапон не явился ни к митрополиту Антонию, ни в Санкт-Петербургскую Духовную консисторию, и в ночь на 6 января скрылся из дома и перешел на нелегальное положение (3, 31).

Уже днем 6 января священник Г. Гапон провел совещание со своими ближайшими помощниками в «Собрании русских фабрично-заводских рабочих», на котором им было принято решение организовать 9 января массовое шествие рабочих к Зимнему дворцу для передачи рабочими своих требований непосредственно государю. Эти требования должны были быть выражены в форме особой петиции, которую предполагалось составить немедленно. «Я попросил моих друзей составить проект петиции к царю, в которую вошли бы все пункты нашей программы, — писал в своих воспоминаниях Гапон. — Ни один из составленных проектов не удовлетворил меня; но позднее, руководясь этими проектами, я сам составил петицию, которая и была напечатана. Также я решил, что народ должен сам подать эту петицию царю» (3, 31).

В этот же день священник Г. Гапон принял участие в совещании с представителями революционных партий «о возможности каких-либо совместных действий» между бастовавшими рабочими и революционерами во время подготовки и осуществления шествия к Зимнему дворцу (5, 346). На этом же совещании вновь обсуждался текст петиции рабочих царю, радикализировались ее требования, переносился основной смысл ее содержания с экономических нужд рабочих на политические требования к власти. «...Во всей гряде воспоминаний и документов не зафиксировано ни одного случая правки петиции... непосредственно рабочими, — справедливо отмечает один из современных исследователей гапоновского движения, — все известные нам варианты и поправки — результат работы ряда узких совещаний.... Именно там рождалась петиция как политический документ, там она

вырабатывалась как общая платформа, равно приемлемая для либеральной общественности; левых партий и самого Собрания. Результаты этих поисков и компромиссов закреплены в последней части петиции» (5, 371). Таким образом, окончательно составленная, вероятно, уже 7 января, петиция бастовавших рабочих, несмотря на содержащиеся в ней выражения верноподданнических чувств рабочих к своему государю, представляла собой жесткий политический ультиматум власти, предъявлявший государю такие заведомо невыполнимые требования, как, например, радикально изменявший всю систему государственной власти созыв Учредительного собрания; способное разрушить экономическую жизнь страны немедленное введение 8-часового рабочего дня; подрывавшее устои государственной и общественной жизни отделение Церкви от государства (10, 30).

Следует отметить, что безусловная неприемлемость для государственной власти содержания петиции, составленной под руководством свящ. Г. Гапона, усугублялась правовой недопустимостью подобных действий по отношению к царю, ибо российское законодательство не предусматривало права подачи императору такого рода петиций кем бы то ни было, кроме представителей дворянского сословия, и «Уложение о наказаниях» предполагало привлечение к суду составителей подобных петиций. Поэтому, как отмечает один из современных историков, «существовала... юридическая возможность объявить гапоновскую петицию, даже безотносительно к способу ее подачи, преступлением, а Гапона и других руководителей общества арестовать» (2, 64).

Каково же было отношение представителей высшей государственной власти и самого императора к перспективе беспрецедентных для русской истории массовых выступлений рабочих Санкт-Петербурга? Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо представить весьма сложную ситуацию, сложившуюся в начале января 1905 года в ближайшем окружении императора Николая II и притом именно в среде тех представителей высшей государственной власти, которые должны были иметь непосредственное отношение к событиям, происходившим в Санкт-Петербурге.

Как отмечал в своих воспоминаниях председатель Комитета министров С. Ю. Витте, к началу 1905 года в правительственных кругах сложилось убеждение, что «центральной местом проявления смут или, выражаясь более современно, революционного настроения, революционного движения была все время Москва»

(1, 320). Поэтому развитие событий в Петербурге, несмотря на свой явно революционный характер, на какое-то время оказалось вне сферы основного внимания соответствующих ведомств российского правительства, каковыми в это время являлись Министерство внутренних дел и Министерство юстиции. В то же время руководители этих ведомств князь П. Д. Святополк-Мирский (11, 271) и Н. В. Муравьев в начале января 1905 года находились в ожидании своих отставок с министерских постов и ограничивали свою деятельность подготовкой дел к передаче своим преемникам (1, 320).

Вплоть до 5 января руководители этих министерств не предпринимали никаких конкретных мер, адекватно реагировавших на забастовочное движение в Санкт-Петербурге, и не ставили государя в известность о происходивших в столице событиях. И только 5 января министр финансов В. Н. Коковцов, в ведомстве которого находилась фабричная инспекция, рассматривавшая конфликты между рабочими и работодателями, обратил внимание министра внутренних дел П. Д. Святополк-Мирского на опасный характер деятельности «Собрания русских фабрично-заводских рабочих» в Петербурге. В этот же день министр финансов отправил соответствующее письмо императору (5, 532).

Однако последовавшие на следующий день в Петербурге события, имевшие непосредственное отношение к государю, который приехал в столицу на празднование Крещения Господня, не позволили властям сосредоточить свои усилия на разрешении все обострявшегося конфликта между рабочими и предпринимателями столицы. Эти события были следующим образом описаны их непосредственным очевидцем генералом А. А. Мосоловым, занимавшим должность начальника Канцелярии Министерства императорского двора. «В день Крещения, 6 января, государь с блестящей свитой, предшествуемый духовенством и митрополитом, вышел из Зимнего дворца и отправился к беседке, устроенной на Неве, где происходило водосвятие. Началась торжественная служба, и был дан с Петропавловской крепости обычный салют орудийными выстрелами. Во время салюта неожиданно для всех упали — как на павильон, так и на фасад Зимнего дворца — крупные картечные пули. В беседке было насчитано около 5 пуль, из коих одна упала совсем рядом с государем. Ни император и никто другой из свиты не дрогнули... Только пред самым уходом я и еще несколько лиц свиты подняли с пола павильона по одной пуле. Крестный ход возвратился в Зимний

дворец, и, проходя мимо Николаевского зала, мы увидели несколько разбитых оконных стекол. Кто-то из начальствующих лиц Петербургского округа подошел к государю и объяснил, что в дуле одного из орудий оказался забытый картечный снаряд. Государь молча прошел дальше... Конечно, никто не верил, что это случайность, все были уверены, что это покушение на государя, исходящее из среды войск» (8, 34).

Восприняв происшедший инцидент со свойственной ему в острых ситуациях сдержанностью, государь, после запланированного на этот день приема иностранных дипломатических представителей в Зимнем дворце, в 16 часов того же дня уехал с семьей в Царское Село.

Однако артиллерийский выстрел 6 января наконец активизировал действия военно-полицейских властей в Петербурге. Рассматривая его как возможную попытку покушения на государя, свидетельствовавшую о существовании в столичном гарнизоне тайной террористической организации и предполагая связь между этой попыткой покушения и массовыми забастовками в Петербурге, руководство Департамента полиции было склонно рассматривать эти события в качестве результатов деятельности хорошо законспирированной, действующей во всероссийском масштабе революционной организации, приступившей к реализации своего плана по захвату власти в столице. Один из ведущих современных исследователей событий 1905 года следующим образом характеризует точку зрения Департамента полиции на причины событий, происходивших в январе 1905 года в Петербурге. «Некоторый свет на представления властей, — пишет он, — проливает письмо директора Департамента полиции Лопухина начальнику Петербургского жандармского управления 14 января 1905 года... из него явствует, что с конца 1904 года полицейское начальство разыскивало некий комитет, который, по агентурным сведениям, был образован революционерами в России и в эмиграции “из представителей всех действующих в империи противоправительственных фракций” и “должен был приступить в конце текущего января к руководству одновременными действиями всех подпольных организаций, непосредственно направленными к ниспровержению самодержавной власти, одновременными возбуждениями стачек и беспорядков, волнениями в учебных заведениях, предъявлениями Правительству разными кружками самых крайних требований о реформе государственного

строю и т. п.”... Лопухин имел в виду, скорее всего, посредническое бюро для обмена сведениями между партиями, созданное состоявшейся осенью 1904 года в Париже конференцией либеральных и революционных партий... На деле посредническое бюро ничем себя на практике не проявило» (2, 62–63).

В то время как Департамент полиции продолжал поиски следов деятельности тайного революционного комитета в происходивших событиях, военные власти столицы попытались предотвратить возможность революционных выступлений в воинских частях Санкт-Петербургского военного округа и вооруженного восстания в городе. Вечером 6 января был организован военный штаб во главе с командующим петербургским военным округом и императорской гвардией великим князем Владимиром Александровичем, который разбил город на 8 секторов. В каждый сектор был назначен отдельный командир, началось составление ежедневных диспозиций воинских частей (5, 358). Таким образом, даже активизировав свои действия к 7 января, военно-полицейские власти Петербурга по-прежнему не усматривали главной опасности для положения в столице в массовом забастовочном движении, вдохновляемом свящ. Г. Гапоном, а значительная доля обязанностей по поддержанию порядка в городе стала переходить к войсковым частям округа, которые не имели никакого опыта по предотвращению массовых выступлений гражданского населения.

Утром 7 января министром юстиции Н. В. Муравьевым была предпринята попытка вступить в переговоры с находившимся в подполье свящ. Г. Гапоном, который, по убеждению знавшего его уже не один год петербургского градоначальника генерала И. А. Фуллона, мог внести успокоение в ряды забастовщиков. Переговоры Н. В. Муравьева со свящ. Г. Гапоном состоялись днем в Министерстве юстиции. По свидетельству самого Гапона, после того, как министр юстиции ознакомился с содержанием петиции, «он... простер руки с жестом отчаяния и воскликнул: “Но ведь вы хотите ограничить самодержавие!” — “Да, — ответил я, — но это ограничение было бы на благо как для самого царя, так и его народа. Если не будет реформ свыше, то в России вспыхнет революция, борьба будет длиться годами и вызовет страшное кровопролитие... Пусть простят всех политических и немедля созовут народных представителей”» (3, 32). Ультимативный характер радикальных политических требований гапоновской петиции

сделал бессмысленным продолжение переговоров, но, выполняя взятое на себя во время переговоров обязательство, Н. В. Муравьев не отдал распоряжения о немедленном аресте свящ. Г. Гапона.

Вечером 7 января у министра внутренних дел П. Д. Святополк-Мирского состоялось совещание, в котором участвовали министр юстиции Н. В. Муравьев, министр финансов В. Н. Коковцов, товарищ министра внутренних дел, шеф корпуса жандармов генерал К. Н. Рыздзевский, директор Департамента полиции Лопухин, командир гвардейского корпуса генерал С. И. Васильчиков, Петербургский градоначальник генерал И. А. Фуллон. После сообщения министра юстиции о неудачных переговорах со свящ. Г. Гапоном на совещании рассматривался вопрос о возможности ареста последнего. Однако «во избежании дальнейшего обострения положения в городе было решено воздержаться от выдачи ордера на арест свящ. Г. Гапона» (5, 264).

В этот же вечер свящ. Г. Гапон и его ближайшие помощники собрались на совещание с представителями социал-демократической и эсеровской партий о координации совместных действий во время массовых выступлений 9 января. Сам свящ. Г. Гапон следующим образом описал свое выступление перед представителями революционных партий. «Решено, что завтра мы идем, — сказал я им, — но не выставляйте ваших красных флагов, чтобы не придавать нашей демонстрации революционного характера. Если хотите, идите впереди процессии. Когда я пойду в Зимний дворец, я возьму с собою два флага, один белый, другой красный. Если государь примет депутацию, то я возведу об этом белым флагом, а если не примет, то красным, и тогда вы можете выкинуть свои красные флаги и поступать, как найдете лучшим». «В заключение я спросил, есть ли у них оружие, но социал-демократы ответили мне, что у них нет, а социал-революционеры — что у них есть несколько револьверов, из которых, как я понял, они приготовились стрелять в войска, если те будут стрелять в народ. Выработать какой-либо план не было времени» (3, 33).

Утром 8 января свящ. Г. Гапон составил письмо министру внутренних дел П. Д. Святополк-Мирскому, которое было передано одним из его сподвижников в Министерство внутренних дел. В этом письме свящ. Г. Гапон заявлял следующее: «Рабочие и жители Петербурга разных сословий желают и должны видеть царя 9 января, в воскресенье, в 2 часа дня на Дворцовой площади, чтобы ему выразить непосредственно свои нужды и нужды всего

русского народа. Царю нечего бояться. Я, как представитель “Собрания русских фабрично-заводских рабочих” города Санкт-Петербурга, мои сотрудники товарищи-рабочие, даже так называемые революционные группы разных направлений гарантируем неприкосновенность его личности... Ваш долг перед Царем и всем русским народом немедленно, сегодня же, довести до сведения Его Императорского Величества как все вышесказанное, так и приложенную здесь нашу петицию» (5, 367–368).

Письмо аналогичного содержания было направлено свящ. Г. Гапоном государю. Однако в связи с арестом рабочего, доставлявшего письмо в Царское Село, оно не было получено императором (13).

В этот день количество бастовавших рабочих достигло 120 тысяч человек, и забастовка в столице становилась всеобщей. Вечером 8 января приехавший из Царского Села министр Императорского двора барон В. Б. Фредерикс передал министру внутренних дел П. Д. Святополк-Мирскому Высочайшее повеление об объявлении в Петербурге военного положения (11, 273). Вскоре министром внутренних дел П. Д. Святополк-Мирским было созвано совещание, в числе участников которого находился министр финансов В. Н. Коковцов, следующим образом описавший его в своих воспоминаниях: «Это было около 9½ часов вечера. Я застал в приемной министра: градоначальника генерала Фуллона, товарища министра Трепова, начальника штаба войск гвардии и Петербургского округа генерала Мешетича... совещание было чрезвычайно кратким и имело своим предметом только выслушать заявление генералов Фуллона и Мешетича о тех распоряжениях, которые сделаны в отношении воинских нарядов для разных частей города с целью помешать движению рабочих из заречных частей города и Шлиссельбургского тракта по направлению к Зимнему дворцу... Все совещание носило совершенно спокойный характер. Среди представителей Министерства внутренних дел и в объяснениях начальника штаба не было ни малейшей тревоги. На мой вопрос, почему же мы собрались так поздно, что я даже не могу осветить дела данными фабричной инспекции, кн. Святополк-Мирский ответил мне, что он думал первоначально совсем не “тревожить” меня, так как дело не имеет вовсе серьезного характера, тем более, что еще в четверг на его всеподданнейшем докладе было решено, что государь не проведет этого дня в городе, а выедет в Гатчину, полиция сообщит заблаговременно рабочим, и, конечно, все движение будет остановлено,

и никакого скопления на площади Зимнего дворца не произойдет. Ни у кого из участников совещания не было и мысли о том, что придется останавливать движение рабочих силой, и еще менее о том, что произойдет кровопролитие» (6, 61–62). Тем не менее на совещании было принято решение об аресте свящ. Г. Гапона (8, 36).

Товарищ министра внутренних дел генерал К. Н. Рыздзевский подписал распоряжение Санкт-Петербургскому градоначальнику генералу И. А. Фуллону о немедленном аресте свящ. Г. Гапона и 19 его ближайших сподвижников. Однако генерал И. А. Фуллон считал, что «эти аресты не могут быть выполнены, так как для этого потребуется слишком значительное количество чинов полиции, которых он не может отвлечь от охраны порядка, и так как аресты эти не могут не быть сопряжены с откровенным сопротивлением» (5, 368).

После совещания министр внутренних дел П. Д. Святополк-Мирский отправился с докладом о положении в Петербурге к государю. Поскольку устные доклады министров императору не протоколировались, некоторое представление о характере этого последнего накануне трагических событий 9 января разговора между государем и министром внутренних дел можно составить лишь на основании дневниковых записей, сделанных после этого разговора женой министра внутренних дел княгиней Е. А. Святополк-Мирской и самим государем. Княгиня Святополк-Мирская писала: «В 10 ч П. (П. Д. Святополк-Мирский. — Г. М.) поехал в Царское, чтобы просить, чтобы Петербург не был объявлен на военном положении, так как... Коковцов в ужас пришел. Он говорит, что и без этого курс пал так, как ни разу за всю войну, и что в Париже все русские бумаги на предложении, и никто не покупает. П. тоже возил петиции Гапона и компании... П. говорит, что государь совершенно беззаботен, согласился не объявлять военного положения, был очень любезен с П. и боялся, что он простудился. П. вернулся около 12-ти». В дневнике государя за 8 января 1905 года можно обнаружить следующую запись: «Со вчерашнего дня в Петербурге забастовали все заводы и фабрики. Из окрестностей вызваны войска для усиления гарнизона. Рабочие до сих пор вели себя спокойно. Количество их определяется в 120000 ч. Во главе рабочего союза какой-то священник-социалист Гапон. Мирский приезжал вечером для доклада о принятых мерах» (4, 246).

Таким образом, можно сделать вывод, что доклад министра внутренних дел, ставивший своей целью добиться от государя отмены военного положения в Петербурге, имел успокоительный характер и не давал представления об остроте и сложности положения в столице накануне беспрецедентного по масштабу и радикальности политических требований массового выступления рабочих. То обстоятельство, что, не ознакомившись с текстом петиции рабочих, государь счел возможным согласиться с предложением министра об отмене военного положения, свидетельствовало о том, что император не только не был осведомлен ранее о характере и масштабе деятельности свящ. Г. Гапона в рабочей среде, но и не был поставлен в известность о намерениях военно-полицейских властей столицы на предстоящий день.

Однако, несмотря на отмену военного положения, министр внутренних дел П. Д. Святополк-Мирский после возвращения из Царского Села в Петербург созвал около полуночи совещание с участием командира гвардейского корпуса в Петербурге генерала князя Васильчикова, начальника штаба гвардии генерала Мешетича, шефа корпуса жандармов генерала Рыдзевского, директора Департамента полиции Лопухина, градоначальника генерала Фуллона для обсуждения диспозиции войск в городе 9 января (11, 273). По свидетельству председателя Кабинета министров С. Ю. Витте разработанная на совещании тактика противостояния массовым выступлениям рабочих сводилась к тому, чтобы «эти толпы рабочих не допускать далее известных пределов, находящихся близ Дворцовой площади. Таким образом, демонстрация рабочих допускалась вплоть до самой площади, но на нее вступать рабочим не дозволялось» (1, 237).

Отмена императором военного положения в Петербурге отнюдь не означала отмену им распоряжения об аресте свящ. Г. Гапона и его главных сподвижников по организации всеобщей забастовки. Поэтому, исполняя поручение министра Императорского двора В. Б. Фредерикса, начальник его канцелярии генерал А. А. Мосолов в ночь на 9 января позвонил товарищу министра внутренних дел генералу К. Н. Рыдзевскому для получения информации по этому поводу. «Я спросил его, арестован ли Гапон, — вспоминал впоследствии генерал Мосолов, — он ответил мне, что нет, ввиду того, что он засел в одном из домов рабочего квартала и для ареста пришлось бы принести в жертву не менее 10 человек полиции. Решено было арестовать его на следующее

утро, при его выступлении. Услышав, вероятно, в моем голосе несогласие с его мнением, он мне сказал: “Что же, ты хочешь, чтобы я взял на свою совесть 10 человеческих жертв из-за этого поганого попа?” На что мой ответ был, что я бы на его месте взял бы на свою совесть и все 100, так как завтрашний день, по моему мнению, грозит гораздо большими человеческими жертвами, что и действительно, к сожалению, оказалось...» (8, 36).

То, что военное положение, режим которого позволил бы полиции при содействии войск не допустить в различных частях города скопления людей и их произвольного движения по улицам, было отменено, то, что на совещании у министра внутренних дел было принято решение допустить массовое уличное шествие и лишь воспрепятствовать их движению к Дворцовой площади, наконец, то, что священник Г. Гапон, который должен был 9 января объединить вокруг себя вышедшие на улицы группы бастовавших рабочих и возглавить массовое их шествие к Зимнему дворцу, не был арестован — все эти обстоятельства делали практически неизбежным столкновение бастовавших рабочих, которые собирались следовать по улицам за священником Г. Гапоном, с войсками, которые при этих условиях должны были взять на себя основные функции по недопущению рабочей демонстрации на Дворцовую площадь. Следует отметить, что вечером 8 января священник Г. Гапон, ясно осознавший неизбежность кровопролития в случае, если возглавляемые им рабочие попытаются пройти к Зимнему дворцу, обратился к представителям либеральной интеллигенции с просьбой убедить правительство не препятствовать прохождению рабочих к центру столицы (3, 33). Однако сам священник Г. Гапон даже перед перспективой неизбежного кровопролития не предпринял никаких мер, чтобы удержать распропагандированных им рабочих от попыток пройти к Зимнему дворцу, тем более что представители революционных партий накануне 9 января определенно стремились превратить шествие гапоновских рабочих в революционное выступление против власти.

Проведя ночь в одном из рабочих кварталов за Невской заставой под охраной своих телохранителей (11, 274), священник Г. Гапон утром 9 января отправился в юго-западную часть города, за Царскую заставу, где находилась одна из наиболее многочисленных групп рабочих, которые одновременно и с разных концов Петербурга собирались двигаться к Дворцовой площади. Начало массового шествия рабочих Петербурга в той части города, где находился сам

свящ. Г. Гапон, он в своих воспоминаниях описывал следующим образом: «Я подумал, что хорошо было бы придать всей демонстрации религиозный характер, и немедленно послал нескольких рабочих в ближайшую церковь за хоругвями и образами, но там отказались дать нам их. Тогда я послал 100 человек взять их силой, и через несколько минут они принесли их. Затем я приказал принести из нашего отделения царский портрет, чтобы этим подчеркнуть миролюбивый и пристойный характер нашей процессии. Толпа выросла до громадных размеров... “Прямо идти к Нарвской заставе или окольными путями?” — спросили меня. “Прямо к заставе, мужайтесь, или смерть, или свобода”, — крикнул я. В ответ раздалось громовое “ура”. Процессия двигалась под мощное пение “Спаси, Господи, люди Твоя”, причем когда доходило до слов “Императору нашему Николаю Александровичу”, то представители социалистических партий неизменно заменяли их словами “спаси Георгия Аполлоновича”, а другие повторяли “смерть или свобода”. Процессия шла сплошной массой. Впереди меня шли мои два телохранителя... По сторонам толпы бежали дети... когда процессия двинулась, полиция не только не препятствовала нам, но сама без шапок шла вместе с нами... Два полицейских офицера, также без шапок, шли впереди нас, расчищая дорогу и направляя в сторону встречавшиеся экипажи» (3, 35).

Как явствует из приведенного выше описания, уже с самого начала шествия рабочих под предводительством свящ. Г. Гапона православно-монархическая атрибутика в этом шествии сочеталась с весьма активным стремлением представителей революционных партий, участвовавших в нем, направить действия рабочих по пути их жесткого противостояния с представителями власти, даже несмотря на то, что среди рабочих присутствовали женщины и дети. В то же время действия полиции, стремившейся на первоначальном этапе гапоновского выступления лишь упорядочить характер движения шествующих рабочих, свидетельствовало не только об отсутствии должной координации в действиях полицейского и военного ведомств в столице, но и неправильности принятого на совещании у министра внутренних дел плана действий военно-полицейских властей, предполагавшего допущение массовых шествий рабочих на окраинах Петербурга с одновременным запрещением для них двигаться к центру столицы. Весьма показательно, что уже при первых выстрелах, последовавших по рабочим со стороны войск у Нарвской заставы,

наряду с рабочими были убиты или ранены полицейские, сопровождавшие гапоновское шествие (3, 35–36).

После того как шествие рабочих у Нарвской заставы было с многочисленными жертвами остановлено и рассеяно несколькими ружейными залпами преградивших ему дорогу войск, свящ. Г. Гапон, который избежал даже ранения, скрылся и непосредственного участия в уличных шествиях 9 января не принимал. Однако основные массы рабочих продолжали двигаться в сторону Дворцовой площади с Васильевского острова, Петербургской стороны и Шлиссельбургского тракта. На всех направлениях, кроме Шлиссельбургского, на котором значительной части рабочих удалось обходными путями дойти до Дворцовой площади, как только группы рабочих подходили к центру города, войска, после безуспешных требований прекратить движение и малоэффективных атак кавалерии, ружейными залпами рассеивали толпы рабочих, действуя со свойственными в таких ситуациях войсковым частям неумением, а подчас и нежеланием сохранить при выполнении приказа как можно больше жизней гражданского населения. Тем не менее решительность забастовщиков и недостаточная четкость в действиях властей позволили части рабочих подойти к Дворцовой площади, где они были остановлены и рассеяны теми же жестокими мерами, что и в других частях города. По мере развития событий революционные агитаторы стали определять настроения оказавшихся на улицах рабочих, призывая их к вооруженному сопротивлению войскам. Начались нападения на полицейских и ограбления оружейных магазинов (3, 37). К вечеру свящ. Г. Гапон выпустил несколько прокламаций, в которых проклинал офицеров и солдат, стрелявших в рабочих, освобождал их от присяги «царю-изменнику» и призывал перейти на сторону восставших рабочих (3, 40).

К вечеру 9 января основные очаги вооруженного сопротивления войскам, находившиеся на нескольких баррикадах, были подавлены (11, 274).

Общее количество жертв трагических событий 9 января по окончательным подсчетам составило от 150 до 200 убитых и от 450 до 800 раненых (9, 55–57).

После назначения генерал-губернатором Петербурга генерала Д. Ф. Трепова, которому удалось жесткими мерами прекратить дальнейшие уличные столкновения практически в течение одного дня (8, 42–43), уже 11 января войска были возвращены в казармы,

и порядок на улицах города вновь стала контролировать полиция, усиленная казачьими патрулями (3, 40).

Очевидно, что император Николай II, информировавшийся в течение 9 января о событиях в Петербурге представителями различных правительственных учреждений при отсутствии у них полного контроля над ситуацией в столице, не имел возможности в тот же день представить масштабов происшедшего кровопролития. Однако трагический смысл катастрофы 9 января был осознан им уже вечером этого дня. Нарочито избегавший в своем дневнике пространных и эмоциональных оценок происходивших в его жизни событий, 9 января 1905 года государь сделал следующую дневниковую запись: «Тяжелый день! В Петербурге произошли серьезные беспорядки вследствие желания рабочих дойти до Зимнего дворца. Войска должны были стрелять в разных местах города, было много убитых и раненых. Господи, как больно и тяжело!» (4, 246).

Однако огромная доля ответственности за события 9 января 1905 года должна быть возложена и на высших должностных лиц Российского государства. Создавая по инициативе начальника Особого отдела Департамента полиции С. В. Зубатова подконтрольные рабочие организации, одной из которых и являлось «Собрание русских фабрично-заводских рабочих», Министерство внутренних дел не только потеряло контроль над ним, но даже не было достаточно информировано об изменениях в деятельности этой организации, за что наряду с министром внутренних дел должны были нести ответственность директор Департамента полиции Лопухин и Петербургский градоначальник генерал И. А. Фуллон, осуществлявший надзор за общественными организациями столицы и к тому же лично знавший свящ. Г. Гапона. Возникший в декабре 1904 года конфликт между гапоновской организацией и администрацией Путиловского завода, возможно, удалось бы локализовать, если бы в него активно вмешались представители фабричной инспекции, находившейся в ведении министра финансов В. Н. Коковцова, которому уже 12 января не составило труда прийти к соглашению с депутацией рабочих по более сложным вопросам (11, 276). Действиям «Собрания русских фабрично-заводских рабочих», организовавшего в Петербурге незаконную всеобщую забастовку с политическими требованиями, министр юстиции Н. В. Муравьев не сумел своевременно дать соответствующую правовую оценку, которая бы

обязывала полицейские власти столицы предпринять активные меры против организаторов этой забастовки. Наконец, по инициативе министра внутренних дел отмена военного положения в Петербурге 8 января и по вине товарища министра внутренних дел генерала К. Н. Рыздзевского не состоявшийся в ночь с 8 на 9 января арест священника Г. Гапона окончательно лишили правительство возможности превентивными мерами предотвратить события 9 января. Загнав себя в тупик принятым на совещании 8 января решением о разрешении массовых шествий рабочих на окраинах города и о недопущении их в центр, полицейские власти уже утром 9 января утратили контроль над ситуацией в столице и даже не попытались назначить официального представителя власти для приема петиции, которую рабочие готовились передать государю, что могло бы хотя бы отчасти разрядить обстановку. В результате лишь совершенно не подготовленные к борьбе с массовыми выступлениями гражданского населения воинские части оказались вынужденными противостоять шествию рабочих. При этом следует учесть, что военное командование в Петербурге в лице командующего военным округом великого князя Владимира Александровича и командира гвардейского корпуса генерала князя Васильчикова должно было исходить из убеждения, что основные переговоры с рабочими будут вестись представителями гражданских и полицейских властей столицы. Однако при отсутствии таких переговоров первоначально предназначенные для вспомогательных функций воинские части, лишь выполняя имевшийся у них приказ не пропускать рабочих в центр города, вынуждены были повсеместно после троекратных предупреждений открывать огонь по игнорировавшим их требования рабочим. Безусловно, некоторые офицеры и солдаты проявили не имевшую никаких объяснений жестокость по отношению к участникам шествия, но в сложившихся условиях ожидать от связанных присягой и приказом воинских частей каких-либо иных действий было бы совершенно немыслимо.

В связи с изложенными фактами ответ на вопрос о мере участия императора Николая II в событиях 9 января представляется вполне очевидным. В течение всего 9 января 1905 г. государь не принял ни одного решения, определившего действия властей в Петербурге по подавлению массовых выступлений рабочих. В период, предшествовавший 9 января, император был чрезвычайно плохо информирован о событиях, происходивших в сто-

лице, теми должностными лицами, который обязаны были это делать и которые либо в силу нежелания возлагать на государя ответственность за принятие непопулярных решений, либо из ведомственного «патриотизма» и личной безответственности сообщили ему сведения, не отражавшие всей опасности обстановки в Петербурге. Лишь 8 января, получив более полные сведения о ситуации, сложившейся в столице, государь счел необходимым принять совершенно верное решение о введении в городе военного положения, которое, однако, было вечером отменено им по настоянию министра внутренних дел князя П. Д. Святополк-Мирского, делавшего императору доклад о положении в городе. Познакомившись вечером 8 января с содержанием гапоновской петиции, носившей характер революционного ультиматума, не позволявшей вступить в конструктивные переговоры с представителями рабочих, государь принял совершенно правильное решение проигнорировать этот документ, незаконный по форме и подрывающий престиж без того колеблемой в условиях войны государственной власти. Показательно, что не склонный к положительным характеристикам многих действий императора Николая II С. Ю. Витте, которому менее чем через год после событий 9 января 1905 года суждено было Манифестом 17 октября открыть конституционный период истории государственности в России, высказал в своих воспоминаниях следующее мнение о возможных действиях императора по отношению к рабочим, настаивавшим на встрече с государем: «Если бы я был во главе правительства, — писал Витте, — то я не посоветовал бы государю выйти к этой толпе и принять от них прошение, но, с другой стороны, вероятно, я бы дал совет, чтобы Его Величество уполномочил или главу правительства, или одного из генерал-адъютантов взять это прошение и предложить рабочим разойтись, предупредив, что прошение это будет рассмотрено и по нему последуют те или другие распоряжения.

Если же рабочие не разошлись бы, то, конечно, я употребил бы против них силу» (1, 325). Мера ответственности государя за трагедию 9 января не может быть сводима к мере его личного участия в этих событиях. Будучи помазанным Церковью на царство самодержавным государем, наделенным всей полнотой государственной власти, император Николай II должен был нести не только бремя исторической ответственности перед своим народом, но и бремя нравственной ответственности перед Богом

за все события, происходившие во вверенном ему государстве. Следует подчеркнуть, что сознание этой двойной ответственности всегда было присуще последнему российскому государю, хотя далеко не всегда те или иные государственные решения в силу немощи его человеческой природы и беспрецедентной сложности эпохи, на которую выпало его царствование, могли сообразоваться с сознанием этой высокой ответственности. Поэтому определенная доля ответственности за трагические события 9 января 1905 года может быть возложена на государя как с исторической, так и с нравственной точек зрения.

Однако эта доля ответственности не идет ни в какое сравнение с той нравственной и исторической виной за вольную или невольную подготовку или непредотвращение трагедии 9 января, которая ложится на таких исторических деятелей, как, например, извергнутый из священного сана Г. Гапон или отправленный в отставку с поста министра внутренних дел князь П. Д. Святополк-Мирский. Исторические данные не позволяют обнаружить в действиях государя в январские дни 1905 года сознательной злой воли, обращенной против своего народа и воплощенной в конкретных греховных решениях и поступках.

Библиография

1. *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. II. М., 1994.
2. *Ганелин Р. III.* Российское самодержавие в 1905 году. Реформы и революция. СПб., 1991.
3. *Гапон Георгий.* История моей жизни. М., 1990.
4. Дневники Императора Николая II. М., 1992.
5. *Кавторин В. В.* Первый шаг к катастрофе: 9 января 1905 года. Л., 1992.
6. *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. Кн. I. М., 1992.
7. *Максимова Л. М.* Возникновение гапоновского «Собрания русских фабрично-заводских рабочих». Учен. зап. Башкирского университета. Сер. 14. Исторические науки. Вып 70. Уфа, 1972.
8. *Мосолов А. А.* При Дворе последнего Императора. СПб., 1992.
9. *Невский В. И.* Январские дни в Петербурге 1905 года. Красная летопись. Т. I.
10. Революция 1905–1907 гг. в России: документы и материалы. Начало первой русской революции, январь–март 1905 г.
11. *Святополк-Мирская Е. А.* Дневник за 1904–1905. Исторические записки. Т. 77. М., 1965.
12. *Симбирский Н.* Правда о Гапоне и 9-м января. СПб., 1906.
13. *Филиппов Ал.* Странички о минувшем. СПб., 1907.
14. ЦГИА Санкт-Петербурга. Ф. 19. Оп. 97. Ед. хр. 46. Л. 5.

О ЦЕРКОВНОЙ ПОЛИТИКЕ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II

Император Николай II, насколько об этом можно судить по его собственным сохранившимся высказываниям и запискам, по свидетельству знавших его лиц, по оценкам его биографов, был человеком искреннего благочестия. Автор книги об убийстве царской семьи М. К. Дитерихс писал: «Чтобы проникнуть в глубину сознательной религиозности царя и царицы и объять полноту и целостность восприятия ими духовности начал учения Христа, мало прослушать свидетельства лиц, близко стоявших к ним, мало проштудировать их письма, записки, личную переписку, надо открыть принадлежавшие им книги Священного Писания и страница за страницей, строка за строкой тщательно проанализировать многочисленные отметки, сделанные ими в книгах, из коих некоторые, как Библия и Евангелие, читались, по-видимому, ежедневно и неоднократно. Отрекшись от предвзятостей, созданных молвой и “общественным мнением”, подойдя к этой работе с искренним желанием познать, чья чистота и святость великих учений, постепенно, шаг за шагом, начинаешь получать представление о величественности, цельности и святости нравственно-религиозного мировоззрения, которыми были проникнуты существа венценосных супругов Российского государства» (2, 60–61).

Последний император России относился к Православной Церкви с сыновней заботой. За время его царствования число приходских церквей в России увеличилось более чем на 10 тысяч, открыто было более 250 новых монастырей. Император сам участвовал в закладке и освящении новых храмов, жертвовал на их созидание личные средства. Государь часто посещал святые места, глубоко и искренне почитал святых угодников. В последнее царствование канонизовано было больше святых, чем за два столетия правления его предшественников, от Петра I до Александра III. При предшественниках Николая II, начиная с Петра Великого, канонизованы были святители Димитрий Ростовский, Иннокентий Иркутский, Тихон Задонский, Митрофаней Воронежский и преподобный Феодосий Тотемский, а за годы последнего царствования к лику святых были причислены святитель Феодосий Углицкий (в 1896 г.), преподобный Серафим Саровский (в 1903 г.), святая благоверная княгиня

Анна Кашинская (восстановление почитания в 1909 г.), святители Иоасаф Белгородский (в 1911 г.), Гермоген Московский (в 1913 г.), Пителир Тамбовский (в 1914 г.), Иоанн Тобольский (в 1916 г.). При этом император вынужден был проявить особую настойчивость, добиваясь канонизации преподобного Серафима Саровского, святителей Иоасафа Белгородского и Иоанна Тобольского. Ему пришлось столкнуться с возражениями некоторых членов Святейшего Синода.

Николай II высоко чтит и святого праведного Иоанна Кронштадтского. После его блаженной кончины царь повелел совершать всенародное молитвенное поминовение почившего в день его преставления. Свое почитание великого праведника и духовного пастыря-чудотворца он выразил в таких словах: «Неисповедимому Промыслу Божию было угодно, чтобы угас великий светильник Церкви Христовой и молитвенник земли Русской, всенародно чтимый пастырь и праведник отец Иоанн Кронштадтский» (8, 228).

В то же время император Николай II, несмотря на неоднократные обращения к нему, не сделал решительного шага в сторону коренного изменения церковной политики своих предшественников. При всей любви к допетровской старине он не решился на преобразование системы церковного управления и восстановление патриаршества.

Учрежденная Петром I синодальная система церковного управления, введенная в нарушение 34 апостольского правила, сохранилась до последних дней царствования Николая II, хотя церковное движение, направленное на возрождение соборности и восстановление Патриаршества, в начале XX века было достаточно сильным. Оно захватило широкие круги духовенства и церковной общественности, пользовалось поддержкой большей части епископата и некоторых государственных сановников.

Со стороны священноначалия энергичные попытки восстановления соборного начала в управлении Церковью были предприняты в 1905 году, в разгар революции. Возглавил это движение первоприсутствующий в Священном Синоде митрополит Петербургский Антоний (Вадковский). Правительственные сферы вынуждены были обратить внимание на нужды Церкви в связи с законодательством о свободе вероисповедания, подготовка которого началась в канун революции и завершилась изданием апрельского манифеста «Об укреплении начал веротерпимости». Этот документ разрабатывался Особым совещанием под председательством графа

С. Н. Витте, возглавлявшего Кабинет министров. При подготовке манифеста выяснилось, что с его изданием Православная Церковь, находившаяся под правительственной опекой, окажется в худшем положении, чем привыкшие к условиям большей самостоятельности инославные и иноверные общины, которые этим манифестом освобождались от большей части прежних полицейских стеснений. Епископ Сергей (Страгородский), впоследствии патриарх, выступая тогда на религиозно-философских собраниях, разъяснял, что объявить полную свободу совести «значило бы всем развязать руки, а деятелей Церкви оставить связанными» (12, 447). В Особое совещание был приглашен митрополит Антоний. По его мнению, «если не изменить правового положения господствующей Церкви, она одна будет оставлена стесненной опекой государства». Эта опека связывает самостоятельность духовенства и «делает голос Церкви совсем не слышным ни в частной, ни в общественной жизни» (10, 107). Митрополит подал меморандум, в котором просил «устранить или хотя бы несколько ослабить ту постоянную опеку и тот слишком бдительный контроль светской власти над жизнью церковной, который лишает Церковь самостоятельности и инициативы» (6, 10).

С. Ю. Витте в марте 1905 года подал императору составленную неизвестным автором записку «О современном положении Православной Церкви», в которой резкой критике подвергся обер-прокурорский произвол. В «Записке» была выдвинута мысль о созыве Собора и восстановлении патриаршества. Болезненно задетый этим документом, обер-прокурор К. П. Победоносцев представил на имя государя «Соображения по вопросам о желательных преобразованиях в постановке у нас Православной Церкви», в которых категорически отвергал целесообразность восстановления патриаршества, утверждая, что патриаршество противоречит соборному началу в Церкви, а обер-прокурорский надзор является надежным гарантом коллегиальности и соборности (4, 101). По ходатайству К. П. Победоносцева вопрос о проведении церковных реформ был изъят из ведения Особого совещания и передан в Святейший Синод.

После трех заседаний Синода 22 марта 1905 года императору был подан доклад с предложением «пересмотреть нынешнее государственное положение Церкви в России», «возглавить Синод Патриархом» и «созвать в Москве для обсуждения церковных преобразований Поместный Собор» (6, 61). В резолюции государя

от 31 марта признавалась необходимость созыва Собора, но, по настоянию Победоносцева, царь объявил неудобным созыв Собора «в настоящее тревожное время» (13, 99). Николай II дал разрешение на открытие Предсоборного присутствия, в тематику которого входили вопросы епархиального управления, церковного суда, благоустройства приходов, состояния духовных школ.

Указом Святейшего Синода от 27 июля 1905 года епархиальным архиереям было поручено представить свои соображения о желательных церковных преобразованиях. Отзывы архиереев поступили к концу года и сразу же были напечатаны. В них дана трезвая и жесткая оценка существовавшего положения. Особенно резко о неканоничности синодального строя церковного управления отозвался архиепископ Волынский Антоний (Храповицкий). Решительное большинство епископов высказалось за созыв Поместного собора.

17 декабря 1905 года Николай II дал аудиенцию трем высшим иерархам: митрополитам Петербургскому Антонию (Вадковскому), Московскому свмч. Владимиру (Богоявленскому) и Киевскому Флавиану (Городецкому) и обсудил с ними вопрос о созыве Собора. На этой аудиенции император проявил понимание насущности решения проблем церковной жизни. «В настоящее время, — сказал он, — при обнаружившейся расшатанности в области религиозных верований и нравственных начал, благоустройство Православной Российской Церкви — хранительницы вечной христианской истины и благочестия — представляется делом неотложной необходимости» (10, 313). Через 10 дней состоялась вторая встреча. Царь заверил митрополитов в том, что он считает своевременным проведение преобразований в церковном управлении. На имя первоприсутствующего члена Святейшего Синода митрополита Петербургского Антония (Вадковского) был дан императорский рескрипт:

«Ваше Высокопреосвященство. Церковная власть в лице Святейшего Синода весною настоящего года заявила мне о необходимости созвать, для устройства дел церковных, чрезвычайный Всероссийский Поместный собор. Тяжелые обстоятельства на Дальнем Востоке не дали мне возможности тогда привести в исполнение это благое намерение. Ныне же я признаю вполне благовременным произвести некоторые преобразования в строе нашей отечественной Церкви, на твердых началах вселенских канонов, для вящего утверждения Православия. А посему предлагаю Вам, Владыко, совместно с митрополитами: Московским —

Владимиром и Киевским — Флавианом, определить время созвания этого, всеми верными сынами Церкви ожидаемого, Собора. Поручаю себя Вашим молитвам. Николай» (9, 313).

16 января 1906 года государь утвердил состав Предсоборного присутствия во главе с митрополитом Антонием. Заседания Предсоборного присутствия открылись 6 марта 1906 года в Александро-Невской лавре в разгар революции, когда политические страсти захватили и часть духовенства. «В своем вступительном слове, — пишет историк Русской Церкви Д. В. Каннингем, — митрополит Петербургский отметил, что Лавра сооружена на том месте, где благоверный князь Александр разбил врагов с Запада, шедших по наущению папства на Россию, в то время как Русь отбивалась от татаро-монгольских орд на Востоке. И теперь России угрожают новые враги, которые хотят отравить ее и разрушить, угрожают царю и святой православной вере, что делает еще более важным предсоборное заседание» (4, 203). На заседании оглашена была телеграмма императора Николая II с пожеланием Божией милости членам Присутствия и напоминанием о серьезной ответственности, которую они несут. Главной темой Присутствия была подготовка Поместного собора. В ходе обсуждения программы предстоящего Собора обнаружились серьезные разногласия по разным вопросам, особенно острые по вопросу о составе Собора. Одни участники заседаний высказывались за исключительно епископский состав Собора, другие за участие в нем, наряду с архиереями, клириков и мирян, но с ограниченными полномочиями, наконец, третьи высказывались за то, чтобы представители клириков и мирян на Соборе получили одинаковые права с епископатом. Не было единодушия у членов Предсоборного присутствия и по вопросу о восстановлении патриаршества, хотя большинство стояло за то, чтобы первый епископ Российской Церкви имел сан патриарха.

Для государя и правительства особенно важным было то, какое направление примет на Предсоборном присутствии обсуждение вопроса о взаимоотношениях между Церковью и государством. И вот, Предсоборное присутствие предлагало внести существенные коррективы в Основные Законы Российской империи. 42 параграф Основных законов гласил: «Император, яко Христианский Государь, — есть Верховный Защитник и Хранитель догматов господствующей веры и Блуститель правоверия и всякого в Церкви Святой благочиния» (5,368). Предсоборное присутствие предложило такую редакцию этого параграфа: «Император, Православный

Государь, — Верховный Хранитель государственной Православной Церкви и Хранитель ее правильного порядка» (4, 261–262).

Разработан вариант еще более существенных, радикальных изменений в 43 параграфе Основных Законов. Вместо: «В управлении церковном Самодержавная власть действует посредством Святейшего Правительствующего Синода, ею учрежденного» (5, 368) — предлагалась такая формула: «В своих отношениях с Православной Церковью Самодержавная власть осуществляется в согласии с Всероссийским Церковным Собором, признаваемым ею, постоянным Священным Синодом и Патриархом как Предстоятелем Русской Православной Церкви» (4, 262).

По существу этот проект означал отказ от системы государственной церковности, основанной на принципе абсолютной власти суверена над всеми учреждениями, находящимися на подвластной ему территории, включая и Церковь, который заимствован был Петром I из правовых теорий и государственной практики протестантской Европы XVII века, и возвращение к основным началам византийской симфонии.

На работу Предсоборного присутствия оказывали давление как левые, так и крайние правые политические круги. Отказ председательствовавшего на заседаниях Присутствия митрополита Петербургского Антония (Вадковского) от безусловной поддержки «Союза русского народа» (основанного А. И. Дубровиным) явился поводом для появления в печатных органах «Союза» статей с обвинением митрополита Антония в измене царю, в помощи революции и врагам империи. На своем заседании 7 декабря 1906 г. Предсоборное присутствие выразило поддержку митрополиту Антонию.

А с другой стороны, на работу Предсоборного присутствия пыталась влиять и модернистская группировка «32-х» петербургских священников, которые участвовали в открытой политической борьбе с правительством. Митрополит Антоний вынужден был лишиться сана петербургских священников Брильянтова, Колокольниково и Тихвинского за отказ порвать связь с революционной партией трудовиков. Архимандрит Михаил (Семенов) напечатал тогда брошюру «Христианская свобода», в которой утверждал совместимость теории Карла Маркса с христианством. Профессор Киевской Духовной академии В. И. Экземплярский писал в статье «Нравственное учение Иоанна Златоуста», что учения революционеров, социальных реформаторов и Льва Толстого содержат элементы, которые можно найти в творениях святителя Иоанна

Златоуста и других отцов Церкви. Таким образом, обстановка в церковных кругах была весьма не простой.

15 декабря 1906 года состоялось последнее заседание Предсоборного присутствия. Но когда материалы его были представлены императору, он наложил резолюцию: «Нахожу созыв Собора неблагоприятным» (1, 100).

В отличие от своих предшественников на престоле, при которых уже сама постановка вопроса о созыве Поместного собора была бы нереальной, император Николай II вполне открыт был для обсуждения этого вопроса, более того, сочувствовал проекту созвать Собор. Однако под влиянием К. П. Победоносцева он опасался, что созыв Собора в революционное время, когда и в самой церковной среде существовали глубокие разногласия, не послужит умиротворению общества и упорядочению основ государственного строя. Он опасался, что Собор под влиянием реформистски настроенных кругов значительной части столичного духовенства, сочувствовавших обновленческим идеям, приобретет направление, сходное с тем, которое возобладало в Государственной думе всех созывов, в особенности двух первых, и будет способствовать расшатыванию государства.

Работа по подготовке Поместного собора возобновилась в 1912 году, но была прервана начавшейся скоро мировой войной, так что первый в послепетровскую эпоху поместный Собор Русской Православной Церкви созван был уже после отречения императора Николая II. Но Поместный собор 1917–1918 годов в своих деяниях плодотворно использовал материалы Предсоборного присутствия и Предсоборного совещания 1912–1914 годов, работавших под покровительством императора.

Выступая на этом Соборе при обсуждении вопроса о восстановлении патриаршества, архиепископ Харьковский Антоний (Храповицкий) говорил: «Путем исторических софизмов и подтасовок связывают вопрос о патриаршестве с вопросом о восстановлении монархии, прибегают к доносу, будто сторонники патриаршества — поборники монархии... Я не хочу уподобиться ослу, который лягает умирающего льва, но несомненно то, что восстановление патриаршества задерживалось преимущественно опасением ослабить самодержавную власть. Теперь это уже доказано. Недавно я читал... письмо покойного Победоносцева к государю в 1906 году. В этом письме он указывает именно на опасность патриаршества для царской самодержавной власти» (11).

Достойны сожаления и некоторые действия императора Николая II по отношению к архипастырям, которые пытались защитить доброе имя государя от клеветы, возводимой на него в связи с неестественным влиянием Распутина на государственные и церковные дела и разрешить эту ситуацию, отстранив Распутина. Епископ Саратовский Гермоген (Долганов) за энергичные попытки добиться удаления от двора Распутина, которого он, впрочем, некогда сам по доверчивости приблизил к себе, был уволен на покой с назначением местопребывания ему в Жировицком Успенском монастыре. Митрополит Евлогий (Георгиевский) в своих «Воспоминаниях» рассказывает об этом так: «Одним из друзей Распутина, которые от него отшатнулись, лишь только они поняли, с кем имеют дело, был Саратовский епископ Гермоген. Аскет, образованный человек, добрейший и чистый, епископ Гермоген был, однако, со странностями, отличался крайней неуравновешенностью, мог быть неистовым. Почему-то он увлекся политикой, и в своем увлечении крайне правыми политическими влияниями потерял всякую меру. Интеллигенцию он ненавидел, желал, чтобы всех революционеров перевешали. Он ополчился против Распутина, когда убедился в его безнравственном поведении и решил зазвать его к себе, дабы в присутствии писателя Родионова и иеромонаха Илиодора взять с него заклятие, что он отныне не переступит порога царского дворца. Говорят, епископ Гермоген встретил его в епитрахили, с крестом в руке. Распутин клятвы давать не хотел и пытался скрыться. Родионов и Илиодор бросились за ним на лестницу, его настигли, и все трое покатались по ступеням вниз... а епископ Гермоген, стоя на площадке в епитрахили и с крестом в руке, кричал: “Будь проклят! проклят! проклят!” Распутин вырвался из рук преследователей. “Попомните меня!” — крикнул он и исчез. Епископ Гермоген и Илиодор стали бомбардировать государя телеграммами, умоляя его не принимать Распутина. Государь оскорбился и приказал вернуть епископа Гермогена в епархию, а Илиодора Святейший Синод сослал во Флорищеву пустынь... Епископ Гермоген приказу не подчинился, тогда государь прислал флигель-адъютанта, который “именем государя императора” приказал ему сесть в автомобиль; его отвезли на вокзал и переправили в Жировицкий монастырь... Заточение создало епископу Гермогену ореол “мученика”» (3, 198–199).

Когда свщмч. Владимир, митрополит Петербургский и первенствующий член Святейшего Синода, счел своим долгом внушить

государю решимость удалить от себя Распутина, то после беседы с Царем, предметом которой была деятельность Распутина, он был переведен из Петербурга в Киев. Протопресвитер Михаил Польский так рассказывает об этом: «Митрополит Владимир смело и прямо указал государю на все сплетни и грязные рассказы, которые ходили в обществе в связи с именем Распутина, указал на губительность его влияния, особенно в церковных делах. Государь, прослушав Владыку митрополита, сказал, что, быть может, он и прав во многих отношениях, но что царица-мать никогда с этим не согласится. Государыня, узнав о разговоре государя с митрополитом, была страшно возмущена и горячо негодовала против митрополита за его вмешательство в семейную жизнь царской семьи... В ответ на обвинения против Распутина она говорила, что «старец Григорий неоднократно спасал жизнь нашего сына наследника цесаревича и никогда грязной мысли о старце она не допустит...» (9, 14–15).

Главной причиной влияния Распутина на царицу и царя было то, что он действительно помогал или создавал иллюзию помощи наследнику во время мучительных обострений его тяжелой болезни. Советы епископа Гермогена и свщмч. митрополита Владимира, как и некоторых государственных сановников, удалить Распутина от дворца могли болезненно восприниматься государем и потому, что положение Распутина не представлялось ему имеющим важное государственное или придворное значение, и отношения царской четы с ним казались ему частным, семейным делом. С. С. Ольденбург писал: «Когда выяснилось, что Распутин путем внушения лучше справляется с проявлениями этой болезни, нежели все доктора-специалисты, — это создало, разумеется, для старца Григория совершенно особое положение. Государыня видела в нем человека, от которого, в самом реальном смысле этого слова, зависела жизнь ее горячо любимого сына. К несчастью, за пределами дворца Распутин продолжал вести себя весьма неподобающе, и это вызывало нежелательные толки. Государыня, имевшая о “старце” совершенно иное представление, не хотела верить ничему, что о нем говорили плохого и, во всяком случае, отказывалась — из-за “клеветы”, как ей казалось, — лишиться человека, умевшего несколькими словами побеждать тяжелый недуг ее сына» (7, 451).

В целом в своей церковной политике император Николай II руководствовался заботой о благе Церкви; но обремененный наследием системы церковно-государственных взаимоотношений, установленной при Петре I и в основах своих сохранявшейся неизменной

в течение двух столетий, он в обстановке революционного кризиса не смог найти адекватные ответы на вопросы времени. Император сочувствовал мысли о созыве Собора, об избрании патриарха, о восстановлении канонических начал в делах церковного управления, но из-за опасений, что Собор может принять опасное направление, — настроения части духовенства давали повод для таких опасений, — царь не решился санкционировать созыв Собора.

Библиография

1. *Антоний (Вадковский), митрополит.* Речи, слова и поучения. Изд. 3.-Сиб., 1912.
2. *Дитерихс М. К.* Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале. Ч. II. М., 1991.
3. *Евлогий, митрополит.* Путь моей жизни. Воспоминания. Париж, 1947.
4. *Каннингем Джемс В.* С надеждой на Собор. Лондон, 1990.
5. *Карташев А. В.* Очерки по истории Русской Церкви. Т. 2. М., 1992
6. *Кузнецов П. Д.* Преобразования в Русской Церкви. Рассмотрение вопроса по официальным документам и в связи с потребностями жизни. М., 1906.
7. *Ольденбург С. С.* Царствование Императора Николая II. СПб., 1991.
8. *Польский М., протопресвитер.* Новые мученики российские. Первое собрание материалов. Нью-Йорк, 1949.
9. *Польский М., протопресвитер.* Новые мученики российские. Второй том собрания материалов. Нью-Йорк, 1957.
10. Русская Православная Церковь, 938–1988, выпуск 1. Очерки истории X–XIX вв. М., 1988.
11. Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. М., 1918.
12. *Флоровский Г., протоиерей.* Пути русского богословия. 4-изд. Париж, 1988.
13. Церковные ведомости. 1905. № 14.

ПРИЧИНЫ ОТРЕЧЕНИЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II ОТ ПРЕСТОЛА И ПРАВОСЛАВНОЕ ОТНОШЕНИЕ К ЭТОМУ АКТУ

«Акт об отречении государя императора Николая II от престола государства Российского за себя и за сына в пользу великого князя Михаила Александровича» явился документом, который не только ознаменовал окончание правления последнего принявшего церковное помазание на царство Российского государя,

но и вызвал немало вопросов, касающихся соответствия последнего волеизъявления императора Николая II как законодательным принципам российской государственности, так и духовным традициям русской исторической жизни. В качестве внешних факторов, вызвавших к жизни Акт об отречении, которые имели место в политической жизни России, следует выделить прежде всего резкое обострение социально-политической ситуации в Петрограде в феврале 1917 года, неспособность правительства контролировать положение в столице, распространившееся в широких слоях общества убеждение в необходимости жестких конституционных ограничений монархической власти, настоятельное требование председателя Государственной думы М. В. Родзянко отречения императора Николая II от власти во имя предотвращения внутриполитического хаоса в условиях ведения Россией широкомасштабной войны, почти единодушная поддержка, оказанная высшими представителями российского генералитета требованию председателя Государственной думы. Необходимо подчеркнуть, что в своем содержании Акт об отречении был предопределен такими особенностями личности и обстоятельствами семейной жизни императора Николая II, как глубокая, исполненная религиозного пафоса приверженность императора идее самодержавной власти и связанное с этим нежелание быть непосредственным участником важнейших конституционных преобразований монархической государственности, смертельно опасная болезнь сына и реальная перспектива разлучения с ним в случае передачи цесаревичу Алексею престола. Следует отметить также, что Акт об отречении был принят императором Николаем II под давлением резко изменявшихся политических обстоятельств в чрезвычайно короткий срок (см. Приложение 1), и эти условия делали весьма возможной недостаточную согласованность данного документа с основополагающими началами русской государственно-правовой и духовно-исторической жизни.

В основу Акта об отречении, который был подписан императором Николаем II в ночь со 2 на 3 марта 1917 года, по всей вероятности, был положен текст, составленный 2 марта в дипломатической части Ставки Верховного главнокомандующего в Могилеве. Подписанию данного документа, безусловно, предшествовали определенные изменения, внесенные в текст самим императором Николаем II после ряда консультаций как с членами императорской свиты и командующим Северным фронтом

генералом Н. В. Рузским, так и с представителями Государственной думы А. И. Гучковым и В. В. Шульгиным, которым и был передан окончательный текст Акта об отречении, подписанный императором Николаем II и скрепленный подписью министра Императорского двора графа В. Б. Фредерикса (см. Приложение 2).

Основная идея Акта об отречении была выражена императором Николаем II следующим образом: «В эти решительные дни в жизни России почли Мы долгом совести облегчить народу нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и, в согласии с Государственной Думой, признали Мы за благо отречься от Престола Государства Российского и сложить с Себя верховную власть. Не желая расстаться с любимым сыном Нашим, Мы передаем наследие Наше брату Нашему Великому Князю Михаилу Александровичу и благословляем его на вступление на Престол Государства Российского. Заповедуем брату Нашему править делами государственными в полном и нерушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях, на тех началах, кои будут ими установлены, принося в том ненарушимую присягу».

Несмотря на то существенное, в духовном отношении, значение, которое придавалось на протяжении многих веков власти православного государя в византийской и русской церковных традициях, церковно-канонический статус православного государя, миропомазанного на царство, не получил сколько-нибудь конкретного определения в соборных канонических установлениях Православной Церкви. В связи с этим рассмотрение правовой обоснованности Акта об отречении с точки зрения церковных канонов не представляется возможным.

В то же время к моменту подписания императором Николаем II акта об отречении в государственном законодательстве Российской империи около 120 лет существовал основополагающий законодательный акт, обеспечивающий надежное сохранение законного преемства власти российских государей. На основании именно этого закона, которым являлся «Акт о престолонаследии Императора Павла I» от 5 апреля 1797 года (см. Приложение 3), оказывается вполне возможным представить правовую оценку Акта об отречении и определить меру соответствия последнего волеизъявления императора Николая II принципам государственного законодательства Российской империи, выразившего в себе как правовые начала, так и духовные традиции русской исторической жизни.

Прежде всего следует подчеркнуть, что сама возможность отречения российского государя от престола по какой бы то ни было причине не предусматривалась Актом о престолонаследии, и в связи с этим отречение императора Николая II от власти являлось беспрецедентным актом в государственной жизни России со времени вступления в силу Акта о престолонаследии. (Эпизод с отречением от прав на наследование престола великого князя Константина Павловича, имевший место в 1821 году, не может в данном случае приниматься во внимание, ибо отречение не являвшегося государем, но лишь являвшегося наследником великого князя Константина Павловича, получило законодательное обоснование только после официального признания этого отречения правящим российским государем императором Александром I, представлявшем верховную законодательную власть в Российском государстве.)

Не предусматривая возможности передачи престола наследнику в каком-либо случае, кроме кончины государя, Акт о престолонаследии устанавливал четкий порядок определения наследников, которым должна была передаваться императорская власть. Этот порядок обязаны были соблюдать последующие государи для того, чтобы, по определению Акта о престолонаследии, «наследник был назначен всегда законом самим». Таким образом, исключая возможность отречения императора от престола, Акт о престолонаследии лишал российского государя возможности передавать власть кому бы то ни было, кроме лица, которое являлось в соответствии с порядком престолонаследия, установленным этим Актом, наследником престола.

В связи с этим содержащееся в Акте об отречении положение о передаче престола великому князю Михаилу Александровичу, вместо единственно законного в соответствии с Актом о престолонаследии наследника цесаревича Алексея, явилось безусловным нарушением основного законодательного акта в системе российского законодательства, четко определявшего порядок престолонаследия в Российской империи на протяжении 120 лет.

Следует подчеркнуть, что столь очевидное противоречие между содержанием Акта об отречении и российским законодательством могло бы быть устранено самим императором Николаем II на совершенно законном основании и даже без обсуждения этого вопроса на заседаниях Государственной думы и Государственного совета, способного затянуться на длительное время. В соответствии с существовавшей в России законодательной практикой императору было

необходимо предпослать подписанию Акта об отречении издание Манифеста или Указа Сенату, которые бы вносили соответствующие изменения в закон о престолонаследии, т. е. оговаривали принципиальную возможность отречения российского государя от престола как за самого себя, так и за своего наследника. Однако, находясь под сильным политическим и психологическим давлением, в условиях быстро изменявшихся внешних обстоятельств, о которых говорилось выше, император Николай II не только не имел реальной возможности предпринять подобные шаги, но даже вопрос о столь необходимых с точки зрения законодательного обоснования Акта об отречении мерах не обсуждался непосредственными участниками подготовки и подписания данного документа.

Завершая рассмотрение Акта об отречении от престола императора Николая II, следует выделить три важнейших вывода, характеризующие как правовое, так и историческое значение этого последнего волеизъявления российского государя.

Во-первых, отречение от престола императора Николая II создавало нарушавший законодательные основы государственной жизни России правовой прецедент произвольного ухода от власти верховного главы законодательной, исполнительной и судебной властей, каковым с определенными ограничениями оставался российский самодержец и после осуществленных на основе Манифеста 17 октября 1905 года государственных преобразований.

Во-вторых, отречение от престола, осуществленное императором Николаем II за своего сына цесаревича Алексея, нарушало установившуюся после 1797 года и обеспечившую на протяжении всего XIX века стабильное развитие верховной власти законодательную процедуру сохранения преемства власти российских государей. Результаты этого нарушения не замедлили проявиться, в частности, в тех дискуссиях о преемстве власти российских государей, которые после трагической гибели великого князя Михаила Александровича и императора Николая II внесли раскол в круги монархической общественности и способствовали значительному ослаблению авторитета традиционной для российской государственной жизни монархической идеологии.

В-третьих, отречение от престола императора Николая II, не будучи обосновано в формально-правовом отношении, оказалось лишенным и реального государственно-политического обоснования. Отсутствие подобного обоснования проявило себя прежде всего в последовавшей 3 марта 1917 года передаче великим князем

Михаилом Александровичем вверенной ему императором Николаем II власти Временному правительству (см. Приложение 4) и фактической ликвидации традиционной для российской государственности монархической формы правления, в сохранении которой наиболее реалистически мыслившие члены Временного правительства А. И. Гучков и П. Н. Милюков видели важнейшую гарантию от надвигавшегося на страну политического хаоса. Таким образом, важнейшая цель, имевшаяся в виду императором Николаем II в момент принятия им решения об отречении, предотвращение губительной для страны внутренней междоусобной смуты, — не была достигнута, и Россия, лишенная единственно авторитетной и приемлемой для векового сознания народных масс власти православного государя, неизбежно оказалась ввергнутой в эпоху глубоких исторических потрясений и призрачных социально-политических утопий.

Весьма существенным с церковно-исторической точки зрения недостатком Акта об отречении следует признать полное умолчание в нем вопроса о высшем церковном управлении. Со времени синодальной реформы императора Петра I в Русской Православной Церкви, по существу, произошло разрушение канонической системы высшего церковного управления, выразившееся в двухсотлетнем упразднении таких основополагающих начал высшей церковной власти, как Поместные соборы и патриаршество и в передаче этой власти российским государям, остававшимся в Православной Церкви, несмотря на свое царское миропомазание, представителями мирян. В «Основных законах» Российской империи, изданных в 1832 г., статьи 42 и 43 следующим образом определяли положение российского государя в Православной Церкви: «Ст. 42. Император, яко христианский Государь, есть верховный защитник и хранитель догматов господствующей веры и блюститель правоверия и всякого в Церкви Святой благочиния; Ст. 43. В управлении церковном Самодержавная Власть действует посредством Святейшего Правительствующего Синода, Ею учрежденного». Так и не внявший многократно раздававшимся с 1905 года со стороны епископской иерархии призывам о созыве Поместного собора и выборах Всероссийского патриарха, император Николай II в Акте об отречении не только не дал согласия на созыв Поместного собора, но своим молчанием о судьбе высшей церковной власти подтвердил незыблемость противоречившей церковным канонам синодальной системы. Тем самым в критический

момент для российской монархии, которая по-прежнему оставляла за собой права высшей церковной власти, Русская Православная Церковь оказалась лишенной как реального покровительства слабеющей монархической власти, так и формальной возможности силами собственной иерархии на основе своих канонических традиций осуществлять не зависимую от государства деятельность, направленную на восстановление канонического церковного управления и на противодействие разрушительным тенденциям все более секуляризовавшейся общественно-политической жизни России. После передачи великим князем Михаилом Александровичем власти Временному правительству в русской церковной жизни сложилась совершенно беспрецедентная как с точки зрения государственного законодательства, так и с точки зрения церковных канонов ситуация, когда Временное правительство, представлявшее собой группу секуляризованных по своим взглядам государственных деятелей, лишенных, в отличие от православного государя, сакраментально подтвержденного церковного благословения на участие в высшем церковном управлении, получило реальную возможность «в управлении церковном действовать посредством Святейшего Правительствующего Синода», новый состав которого был учрежден Указом Временного правительства уже 14 апреля 1917 года. Только дальнейшее ослабление власти Временного правительства, появление 25 июля 1917 года на посту обер-прокурора Святейшего Синода А. В. Карташева, в отличие от большинства своих коллег по Временному правительству учитывавшего церковные интересы, и, наконец, последовательная деятельность русской церковной иерархии, направленная на скорейший созыв Поместного собора, позволили предотвратить разрушительное для Церкви вмешательство в ее жизнь секуляризованного государства до воссоздания на Поместном соборе 1917–1918 годов патриаршества и других предусмотренных канонами органов высшего церковного управления.

Имея в виду значение Акта об отречении для решения вопроса о возможности канонизации императора Николая II как страстотерпца, следует подчеркнуть следующие важнейшие особенности прославления государей-страстотерпцев в русской церковной традиции.

Во-первых, важнейшими основаниями для постановки вопроса о канонизации государей-страстотерпцев в Русской Православной Церкви традиционно являлись церковно засвидетельствованные

факты чудотворений, имевших место при жизни страстотерпца или совершавшиеся после его кончины.

Во-вторых, существенным условием канонизации государей-страстотерпцев оказывалось признание факта безвинной насильственной смерти страстотерпца, принимавшейся им, как правило, с христианским смирением.

В-третьих, правовая и историческая оценка достоинств и недостатков государственной деятельности канонизовавшихся государей-страстотерпцев не имела принципиального значения для причтения их к лику святых.

Приложение 1

Хронология событий 1–2 марта 1917 года

Ночь с 1 на 2 марта 1917 года — «Самым важным происшествием в ночь 1 марта было получение в Пскове, незадолго до 11 часов вечера, телеграммы Алексеева с окончательным текстом предполагаемого манифеста, которым Родзянко поручалось сформировать Временное правительство... Нет сомнения, что телеграмма Алексеева была решающим моментом акции, направленной на то, чтобы сломить волю императора... Сам Николай II говорил, что “эта формула (т. е. формула о правительстве, ответственном перед Думой. — Г. М.) ему не понятна, что надо было иначе быть воспитанным, переродиться”, чтобы ее принять.

Когда Рузскому показалось, что царь, наконец, сдался и готов подписать проект манифеста, он вышел, чтобы дождаться, пока будет составлен текст телеграммы. Получив текст, он обнаружил, что в нем нет речи о кабинете, ответственном перед Думой, взамен того император предлагает Родзянко назначить по своему усмотрению некоторых министров (кроме военного, морского и министра иностранных дел). Рузский отказался принять такую формулировку и принялся настаивать на том, что текст должен быть переписан и что в нем должно быть ключевое положение о “правительстве, ответственном перед Думой”. Произошла задержка приблизительно часа в два... В присутствии одного только графа Фредерикса, министра Двора, в качестве свидетеля, император, наконец, принял ненавистную ему формулировку и подписал телеграмму, которой разрешил обнародовать предложенный Алексеевым манифест» (10, 332–323).

Раннее утро 2 марта 1917 года — разговор генерала Н. В. Рузского с М. В. Родзянко, который впервые указал на необходимость отречения государя в пользу сына при регентстве великого князя Михаила Александровича, текст разговора был немедленно передан в Ставку (10, 327–328).

2 марта 1917 года — фрагмент телеграммы генерала М. В. Алексева, направленной командующим фронтами и флотами: «Теперь династический вопрос поставлен ребром и войну можно продолжать до победоносного конца лишь при использовании предъявляемых требований относительно отречения от престола в пользу сына при регентстве Михаила Александровича. Обстановка, по-видимому, не допускает иного решения...» (10, 329).

День 2 марта 1917 года — передача генералом Н. В. Рузским текста своего разговора с М. В. Родзянко императору; получение императором текста телеграммы генерала М. В. Алексева командующим; после обеденный разговор генерала Н. В. Рузского с императором и передача ему ответных телеграмм великого князя Николая Николаевича, генералов А. А. Брусилова и А. Е. Эверта; составление в Ставке текста Акта отречения и передача его в Псков.

«Император объявил о своем решении в двух кратких телеграммах, одна из которых послана была Председателю Думы, другая Алексееву. Отречение было в пользу наследника цесаревича, а великий князь Михаил Александрович назначался регентом. В известном смысле это был шаг назад по сравнению с уступками предыдущей ночи, т. к. ни слова не говорилось о переходе к парламентскому строю и правительстве, ответственном перед Думой... Царя сразу стали уговаривать (члены свиты. — Г. М.) остановить телеграммы. Рузскому пришлось вернуться и возвратить царю телеграмму, адресованную Родзянко, в ожидании прибытия думской делегации, об отъезде которой из Петрограда в Псков было тем временем объявлено. Рузский не вернул телеграммы, адресованной Алексееву, но пообещал не отсылать ее до того, как прибудет думская делегация, которую ожидали к семи часам.

Поезд, в котором ехали представители Думы, опоздал. Это дало членам свиты возможность обсудить с императором новое положение. Они спросили его, что он собирается делать после отречения: он сказал, что уедет за границу и будет там жить до окончания военных действий, а затем вернется в Россию, поселится в Крыму и полностью посвятит себя воспитанию сына. Некоторые из его собеседников сомневались, чтобы ему позволили

это, но Николай отвечал, что родителям нигде не воспрещают заботиться о своих детях. Все же какие-то сомнения зародились и у него, и он в первый раз откровенно беседовал с врачом Федоровым о здоровье царевича. Он сказал, что верит предсказанию Распутина, который говорил, что царевич в 14 лет выздоровеет. Он спросил у Федорова, возможно ли это. Федоров отвечал, что только чудо может вылечить больного гемофилией при нынешнем состоянии медицинской науки...» (10, 331).

Ночь 2 марта 1917 года — встреча государя с А. И. Гучковым, В. В. Шульгиным и генералом В. Н. Рузским, отказ А. И. Гучкова взять на себя обязательство добиться оставления царевича Алексея при императоре Николае II после отречения, желание государя отречься за цесаревича в пользу брата великого князя Михаила Александровича, перерыв.

«...Когда возобновились переговоры с царем, Гучков просто сказал, что они должны уважать отцовские чувства царя и принять его решение. Представители Думы представили проект Акта отречения, который они привезли с собой. Император сказал, что у него есть собственная редакция, и показал текст, который по его указанию составлен был в то утро в Могилеве. Он уже внес в него изменения относительно преемника; фраза о присяге нового императора была тут же согласована и тоже внесена в текст.

...С документа были сняты копии, и одна из них была передана Гучкову... Официально указывалось, что отречение имело место в 3 часа дня, т. е. именно в тот момент, когда фактически было принято решение о нем: это делалось для того, чтобы предотвратить толки, что отречение произошло под давлением представителей Думы...» (10, 338–340; 13, 189–202).

Приложение 2

«Акт об отречении Государя Императора Николая II от Престола Государства Российского за себя и за сына в пользу Великого Князя Михаила Александровича»

В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу Родину, Господу Богу угодно было ниспослать России новое тяжкое испытание. Начавшиеся внутренние народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем

ведении упорной войны. Судьба России, честь геройской нашей армии, благо народа, все будущее дорогого нашего Отечества требуют доведения войны, во что бы то ни стало, до победного конца. Жестокий враг напрягает последние силы, и уже близок час, когда доблестная армия наша сможет окончательно сломить врага. В эти решительные дни в жизни России почли Мы долгом совести облегчить народу Нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и, в согласии с Государственной Думою, признали Мы за благо отречься от Престола Государства Российского и сложить с Себя верховную власть. Не желая расставаться с любимым сыном Нашим, Мы передаем наследие Наше брату Нашему Великому Князю Михаилу Александровичу и благословляем Его на вступление на Престол Государства Российского. Заповедуем брату Нашему править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях, на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу. Во имя горячо любимой Родины, призываем всех верных сынов Отечества к исполнению своего святого долга перед ним повиновению Царю в тяжелую минуту всенародных испытаний и помочь ему, вместе с представителями народа, вывести Государство Российское на путь победы, благоденствия и славы. Да поможет Господь Бог России.

Николай.

Город Псков, 2-го марта, 15 час., 1917 года (1, 55–56).

Приложение 3

«Акт о престолонаследии Императора Павла I» от 5 апреля 1797 года

1797 — Апреля 5. Акт, Высочайше утвержденный в день священной Коронации Его Императорского Величества, и положенный для хранения на престоле Успенского Собора.

Мы, Павел, Наследник, Цесаревич и Великий Князь, и Мы, Супруга Его, Мария. Великая Княгиня.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа,
...избираем Наследником, по праву естественному, после смерти Моей, Павла, Сына Нашего большего, Александра, а по нем

все Его мужеское поколение. По пресечении сего мужеского поколения, наследство переходит в род второго Моего Сына, где и следовать тому, что сказано о поколении старшего Моего Сына, и так далее, если бы более у Меня Сыновей было; что и есть первородство. По пресечении последнего мужеского поколения Сыновей Моих, наследство остается в сем роде, но в женском поколении последне-Царствовавшего, как в ближайшем Престоле, дабы избежать затруднений при переходе от рода в род, в котором следовать тому же порядку, предпочитая мужеское лице женскому... Положив правила наследства, должен объяснить причины оных. Оне суть следующие: дабы Государство не было без Наследника. Дабы Наследник был назначен всегда законом самим... Дабы сохранить право родов в наследствии, не нарушая права естественного, и избежать затруднений при переходе из рода в род... Засим должны обязаться свято наблюдать сей Закон о наследстве при вступлении и помазании...

В случае малолетства наследующей Особы, порядок и безопасность Государства и Государя требуют учреждения Правительства и опеки до совершеннолетия. Совершеннолетие полагается Государям обоего пола и Наследникам шесть на десять лет, дабы сократить время Правительства. Если последне-Царствовавший не назначил Правителя и Опекуна, ибо Ему следует учинить сей выбор для лучшей безопасности; Правительство Государства и опека персоны Государя следуют отцу и матери, вотчим же и мачеха исключаются; а за недостатком сих ближнему в наследству из родственников совершеннолетних обоего пола малолетнего... Сим Мы должны были спокойствию Государства, которое на твердом Законе о наследстве основано, о чем каждый добромыслящий уверен... (3, 587–589).

Приложение 4

«Акт об отказе Великого Князя Михаила от восприятия верховной власти до решения Учредительного собрания»

Тяжкое бремя возложено на меня волею брата моего, передавшего мне Императорский Всероссийский Престол в годину беспримерной войны и волнения народа.

Одушевленный единой со всем народом мыслью, что выше всего благо Родины нашей, принял я твердое решение в том лишь случае воспринять верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего, которому и надлежит всенародным голосованием избрать представителей своих в Учредительное Собрание, установить образ правления и новые основные законы Государства Российского. Посему, призывая благословение Божие, прошу всех граждан державы Российской подчиниться Временному Правительству, по почину Государственной Думы возникшему и облеченному всей полнотой власти, впредь до того, как созванное в возможно кратчайший срок, на основании всеобщего, прямого, равного, тайного голосования Учредительное Собрание своим решением об образе правления выразит волю народа.

Михаил.

3-го марта 1917 г. Петроград (2, 6)

Библиография

1. Акт об отречении Государя Императора Николая II от Престола Государства Российского за себя и за сына в пользу Великого Князя Михаила Александровича // Церковные ведомости. 1917. № 9–15.
2. Акт об отказе Великого Князя Михаила от восприятия верховной власти до решения Учредительного Собрания // Церковные ведомости. 1917. № 9–15.
3. «Акт о престолонаследии Императора Павла I» от 5 апреля 1797 г. // Полное собрание законов Российской Империи с 1649 года. Т. XXIV. СПб., 1830.
4. *Бьюкенен Дж.* Мемуары дипломата. М., 1924.
5. *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 1–3, М., 1962.
6. *Голубинский Е.* История канонизации святых в Русской Церкви. М., 1903.
7. Дневник Николая II. 16 декабря 1916 г. — 30 июня 1917 г. // От первого лица. М., 1990.
8. *Зызыкин М. В.* Патриарх Никон. Его государственные и канонические идеи. Т. I–III, Варшава, 1931–1938.
9. *Карташев А. В.* Очерки по истории Русской Церкви. Т. I–II, Париж, 1959.
10. *Катков Г. М.* Февральская революция. Париж, 1984.
11. *Коковцев В. Н.* Из моего прошлого: Воспоминания. 1911–1919. М., 1991.
12. *Мельгунов С. П.* Последний самодержец. Черты для характеристики Николая II. Пг., 1917.

13. Мельгунов О. Д. Мартовские дни 1917 года. Париж, 1954.
14. Милюков П. Н. Воспоминания (1859–1917). В 2 т. М., 1990.
15. Отречение Николая II: Воспоминания очевидцев, документы. Л., 1927.
16. Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. Пг., 1923.
17. Польский М., *протопресв.* Новые мученики российские. Т. I–II. Джорданвилль, 1949–1957.
18. Семейная переписка Романовых: Переписка Николая Романова с Александрой Федоровной (4 декабря 1916 г. — 7 марта 1917 г.) // Красный Архив. Т. 4. М., 1923.
19. Серафим (Соболев), *архиеп.* Русская идеология. Джорданвилль, 1987.
20. Родзянко М. В. Крушение Империи. М., 1929.
21. Февральская революция 1917 года (Документы Ставки Верховного главнокомандующего и штаба главнокомандующего армии северного фронта) // Красный архив. Т. 21–23. 1927.
22. Шульгин В. Дни. Л., 1926.

ЦАРСКАЯ СЕМЬЯ И Г. Е. РАСПУТИН

Отношения царской семьи к Г. Е. Распутину нельзя рассматривать вне контекста исторической, психологической и религиозной ситуации, сложившейся в российском обществе в начале XX столетия, феномен Распутина, о котором говорят многие исследователи, едва ли можно понять вне исторического фона тогдашней России.

Как бы отрицательно ни относиться к личности самого Распутина, мы не должны ни на минуту забывать, что его личность в полной мере могла раскрыться в условиях жизни российского общества накануне катастрофы 1917 года.

Действительно, личность Распутина является во многом типологическим выражением духовного состояния определенной части общества начала XX века: «Не случайно в высшем обществе увлекались Распутиным, — пишет в своих “Воспоминаниях” митрополит Вениамин (Федченков), — там была соответствующая почва для этого. А потому не в нем одном, даже скажу, не столько в нем, сколько в общей атмосфере лежали причины увлечения им. И это характерно для предреволюционного безвременья. Трагедия в самом Распутине была более глубокая, чем простой грех. В нем боролись два начала, и низшее возобладало над высшим. Начавшийся процесс его обращения надломился и кончился трагически. Здесь была большая личная душевная трагедия. А вторая трагедия

была в обществе, в разных слоях его, начиная от оскудения силы в духовных кругах до распущенности в богатых» (2, 138).

Как же могло случиться, что столь одиозная фигура как Распутин могла оказывать значительное влияние на царскую семью и на российскую государственно-политическую жизнь его времени?

Одним из объяснений распутинского феномена является так называемое «старчество» Распутина. Вот что об этом пишет бывший товарищ обер-прокурора Священного Синода князь Н. Д. Жевахов: «Когда на горизонте Петербурга показался Распутин, которого народная молва назвала “старцем”, приехавшим из далекой Сибири, где он якобы прославился высокою подвижническою жизнью, то общество дрогнуло и неудержимым потоком устремилось к нему. Им заинтересовались и простолюдин, и верующие представители высшего общества, монахи, миряне, епископы и члены Государственного Совета, государственные и общественные деятели, объединенные между собою столько же общим религиозным настроением, сколько, может быть, и общими нравственными страданиями и невзгодами. Славе Распутина предшествовало много привходящих обстоятельств и, между прочим, тот факт, что известный всему Петербургу высотой духовной жизни архимандрит Феофан будто бы несколько раз ездил к Распутину в Сибирь и пользовался его духовными наставлениями. Появлению Распутина в Петербурге предшествовала грозная сила. Его считали если не святым, то во всяком случае, великим подвижником. Кто создал ему такую славу и вывез из Сибири, я не знаю, но в обстановке дальнейших событий тот факт, что Распутину нужно было пробить дорогу к славе собственными усилиями, имеет чрезвычайное значение. Его называли то “старцем”, то “провидцем”, то “Божьим человеком”, но каждая из этих платформ ставила его на одинаковую высоту и закрепляла в глазах петербургского света позицию “святого”» (5, 203–204, 206).

В самом деле, появившись в Петербурге, Распутин, еще совсем недавно проводивший жизнь в буйстве и пьяных разгулах — об этом, во всяком случае, свидетельствуют его односельчане, — имел уже репутацию «старца» и «провидца». По всей вероятности, в 1903 году происходит его знакомство с ректором Санкт-Петербургской Духовной академии епископом Сергием (Страгородским), который представляет Распутина инспектору Академии архимандриту Феофану (Быстрову) и епископу Гермогену (Долганову). Особенно благоприятное впечатление Распутин

произвел на архимандрита Феофана, духовника царской семьи, который испытывал глубокую симпатию к этому сибирскому мужику-проповеднику и видел в «старце Григории» носителя новой и истинной силы веры. При посредничестве великого князя Петра Николаевича и его жены Милицы Николаевны 1 ноября 1905 года произошло роковое знакомство с царской семьей, о чем мы читаем в дневнике императора Николая II: «Пили чай с Милицей Николаевной и Станой. Познакомились с человеком Божьим — Григорием из Тобольской губернии» (3, 287).

Первые два года после знакомства Распутин не стал для царской семьи тем «дорогим Григорием», для которого были открыты их души. Они с радостью встречались и слушали других «Божьих людей». Так, император записал в своем дневнике 14 января 1906 года: «В 4 часа к нам пришел человек Божий Димитрий из Козельска около Оптиной пустыни. Он принес образ, написанный согласно видению, которое он недавно имел. Разговаривал с ним около полтора часа» (3, 298).

До конца 1907 года встречи императорской семьи со «старцем Григорием» были случайными и довольно редкими. Между тем возрастала и молва о «сибирском старце», но по мере роста его известности достоянием гласности становились и вовсе нелицеприятные факты его безнравственного поведения. Быть может, они и остались бы фактами биографии Распутина и в лучшем случае вошли бы как курьез в историю петербургского общества, если бы не совпали с началом периода систематических встреч Распутина с царской семьей. В этих регулярных встречах, проходивших в царском сельском доме А. А. Вырубовой, принимали участие и царские дети. Поползли слухи о принадлежности Распутина к секте хлыстов. В 1908 году по указу императора Тобольской Духовной Консistorией было проведено расследование о принадлежности Распутина к хлыстовству. В заключение следствия было отмечено, что «при внимательном рассмотрении следственного дела нельзя не видеть, что перед нами группа лиц, объединившихся в особое общество со своеобразным религиозно-нравственным мировоззрением и строем жизни, отличным от православного... Самый уклад жизни последователей Григория Нового и личность его самого как будто близко подходят... к хлыстовству, но твердых начал, на основании которых можно было бы утверждать, что мы здесь имеем дело с хлыстовством, в рассмотренном следствием делопроизводстве нет», поэтому следствие было отправлено

на исследование, которое, по неустановленным причинам, так и не было закончено. Однако в опубликованных недавно воспоминаниях о Распутине В. А. Жуковской вновь ставится вопрос о принадлежности Распутина к крайней форме хлыстовства. В этих воспоминаниях приводятся свидетельства (распутинской фразеологии и его эротических радениях) о принадлежности «старца Григория» к хлыстовской секте (7, 252–317).

В чем же разгадка тайны Распутина? Как могло в нем соединиться несоединимое — поистине сатанинское буйство и молитва? Очевидно, противоборство этих двух начал происходило в его душе годами, но в итоге темное все же одолело. Вот что писал в своих «Воспоминаниях» митрополит Евлогий (Георгиевский): «Сибирский странник, искавший Бога в подвиге, и вместе с этим человек распущенный и порочный, натура демонической силы, — он сочетал в своей душе и жизни трагедию: ревностные религиозные подвиги и страшные подъемы перемежались у него с падением в бездну греха. До тех пор, пока он ужас этой трагедии сознавал, не все еще было потеряно; но впоследствии дошел до оправдания своих падений, — и это был конец» (4, 182). Еще более резкую оценку противоречивой натуре Распутина дал бывший воспитатель великого князя П. Жильяр: «Судьба хотела, чтобы тот, которого видели в ореоле святого, был бы в действительности существом недостойным и развратным... нечестивое влияние этого человека было одною из главных причин смерти тех, кто верил, что найдет в нем спасение» (6, 40).

Так почему же все-таки Распутин оказался так близок к царской семье, почему так верили ему? Ведь, как заметила А. А. Вырубова в своих показаниях ЧСКВП, в 1917 году Николай и Александра Федоровна «верили ему как отцу Иоанну Кронштадтскому, страшно ему верили; и когда у них горе было, когда, например, наследник был болен, обратились к нему с просьбой помолиться» (1, 109).

Вот именно в этом последнем и следует видеть причину «роковой связи», соединившей Распутина с царской семьей. Именно в конце 1907 года Распутин оказался рядом с заболевшим наследником, впервые помог улучшению здоровья Алексея Николаевича. Вмешательство Распутина неоднократно изменяло в лучшую сторону течение болезни наследника — сохранилось довольно много упоминаний об этом, но конкретных, подлинно документированных данных почти нет. Кто-то что-то слышал, кто-то что-то знал от кого-то, но никто из числа людей, оставивших

письменные свидетельства, ничего сам не видел. Не случайно Пьер Жильяр пишет о том, как он неоднократно «имел возможность убедиться в том, какую незначительную роль играл Распутин в жизни Алексея Николаевича», но, повторяем, слухов в этой области всегда было больше, чем надежных фактов.

Именно случай исцеления царевича явился поворотом в отношении Александры Федоровны к Распутину, к этому, по ее словам, «человеку Божьему». Вот что пишет уже упоминавшийся нами П. Жильяр о влиянии Распутина на Александру Федоровну через болезнь сына: «Мать ухватилась за надежду, которую ей давали, как утопающий хватается за руку, которую ему протягивают, и она уверовала в него со всей силой своей души. Давно она, впрочем, была убеждена, что спасение России и династии придет из народа, и она вообразила, что этот смиренный мужик был послан Богом... Сила веры сделала остальное и благодаря самовнушению, которому способствовали случайные совпадения, императрица пришла к убеждению, что судьба ее сына зависит от этого человека. Распутин понял состояние души этой отчаявшейся матери, сокрушенной в борьбе и дошедшей, как казалось, до пределов своего страдания. Он вполне усвоил, что мог извлечь из этого, и с дьявольским искусством он достиг того, что его жизнь до некоторой степени являлась связанной с жизнью цесаревича» (6, 37–38).

Именно болезнь сына оказалась определяющим моментом в отношении Александры Федоровны и Распутина — он стал надеждой и опорой ее семьи, более того, она верила, что под защитой этого человека ее семье и России не угрожает опасность — она знала это точно, она чувствовала это всем своим сердцем, «которое никогда не обманывало».

Поэтому при всей неприглядности разных слухов и сплетен, окружавших Распутина, Александра Федоровна видела его лишь с одной стороны. По словам дворцового коменданта В. Н. Воейкова, Александра Федоровна смотрела на Распутина как «на своего человека», игравшего в ее семье роль наставника-утешителя — и как нам не понять пострадавшей матери, сына которой спасает от смерти этот человек? Она была убеждена, что Распутин — посланец от Бога, его заступничество перед Всевышним дает надежду на будущее. Императрица видела многих старцев и утешителей, но со всей твердостью была убеждена, что у нее с Николаем было только два друга:

мсье Филипп и Григорий. Как она считала, первый помог появлению наследника, второй стал заступником их семьи.

Свое понимание роли Распутина Александра Федоровна излагала в письмах мужу. Так, в июне 1915 года она писала: «Слушайся нашего Друга: верь ему, сердцу дороги интересы России и твои. Бог недаром его послал, только мы должны обращать больше внимания на его слова — они не говорятся на ветер. Как важно для нас иметь не только его молитвы, но и советы». В другом письме мужу она писала, что «та страна, государь которой направляется божьим человеком, не может погибнуть». Мы видим, как постепенно из «старца-утешителя» Распутин превращается во влиятельную политическую фигуру. Будучи умным и сообразительным, он, несомненно, понял, что уклоняться от роли советчика «мамы земли русской» он не может, иначе потеряет расположение царской семьи. Именно в этом драматическом смещении ролей Распутина была трагедия последнего царствования. Императрица предназначила «простецу и молитвеннику» роль, которую он ни при каких обстоятельствах не имел права играть, да и не имел возможности удачно ее исполнить.

Все попытки ближайших родственников, друзей, церковных иерархов предостеречь Александру Федоровну от влияния заканчивались разрывом, отставкой, полной изоляцией. В письмах императору Николаю от 15 июня 1915 года Александра Федоровна писала: «Самарин, несомненно, пойдет против нашего Друга, и будет на стороне тех епископов, которых мы не любим, — он такой ярый и узкий москвич» (1, 192). Хорошо известно, чем кончились выступления против Распутина священномученика митрополита Владимира, епископов Гермогена и Феофана. Полный разрыв произошел у Александры Федоровны и со своей сестрой — преподобномученицей великой княгиней Елизаветой Федоровной, которая в письме императору от 26 марта 1910 года писала о пребывании Распутина в духовной прелести.

Отношения самого императора и Распутина были более сложными — восхищение «старцем» сочеталось у него с осторожностью и даже с сомнениями. Так, после первой встречи с Распутиным в 1907 году он сказал князю Орлову, что нашел в Распутине «человека чистой веры». Председателю Государственной думы М. Родзянко он так характеризует Распутина: «Он хороший, простой русский человек. В моменты сомнений и душевной тревоги я люблю с ним беседовать, и после такой беседы мне всегда на душе

делается легко и спокойно». Но все же император испытывал беспокойство по поводу Распутина — ведь его не могли не тревожить сообщения доверенных лиц о скандальном его поведении. Император многократно пытался избавиться от него, но всякий раз отступал под давлением императрицы или из-за необходимости помощи Распутина для излечения наследника. Вот что об этом пишет П. Жильяр: «Сначала он терпел его, не решаясь нанести удар вере императрицы, которую императрица имела в него и в которой она находила надежду, дававшую ей возможность ждать. Император опасался удалить Распутина, потому что если бы Алексей Николаевич умер, то император в глазах матери, несомненно, являлся бы убийцей своего ребенка» (6, 157–158).

Подводя итог анализу причин влияния Г. Е. Распутина на царскую семью, в заключение хотелось бы отметить, что император оказался не в состоянии противостоять воле императрицы, истерзанной отчаянием из-за болезни сына и находившейся в связи с этим под зловещим влиянием Распутина — как дорого пришлось впоследствии заплатить всей семье за это!

Библиография

1. Бохаков А. Н. Сумерки монархии. М., 1993.
2. Вениамин (Федченков), митрополит. На рубеже двух эпох. [Б/м], 1994.
3. Дневники императора Николая II. М., 1991.
4. Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни. М., 1994.
5. Жевахов Н. Д., князь. Воспоминания. Т. 1. М., 1993.
6. Жильяр П. Тринадцать лет при Русском Дворе. Paris, [Б/г.]
7. Жуковская В. А. Мои воспоминания о Григории Ефимовиче Распутине, 1914–1916 гг. // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Т. 2–3. М., 1992. С. 252–317.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ

В изучении вопроса о канонизации царской семьи особое значение имеет тема о последних днях жизни Николая II и членов императорской фамилии. В первой редакции доклада на эту тему, уже однажды представленной на рассмотрение Комиссии

по канонизации, основное внимание было уделено внешней стороне жизни в заточении последних Романовых. Однако изучение одного только исторического аспекта личной жизни императора и его семьи, хотя и представляет несомненный интерес, все же едва ли может прояснить вопрос о характере внутренней эволюции нравственной и духовной жизни царственных узников. А он является основным, ведь к пониманию святости того или иного подвижника веры способно подвести нас именно познание его сокровенного пути.

Поэтому в составлении настоящей редакции доклада использовано все то, что могло пролить свет на духовный облик царственных узников. Во избежание исторических и иных неточностей, составитель сознательно отказался от привлечения материалов, содержащих очевидно субъективные, а порой и предвзятые оценки и характеристики. Решающими признаны подлинные свидетельства последнего периода жизни императорской фамилии — прежде всего исторические и архивные документы — дневники императора Николая II, письма царской семьи из заточения, воспоминания современников, непосредственно причастных к описываемым событиям. Одним из таких ценнейших источников данной работы явился недавно опубликованный дневник протоиерея Афанасия Беляева, приоткрывшего много сокровенного в последнем периоде жизни Романовых и уделившего особое внимание духовной жизни царской семьи.

В целом настоящее исследование является попыткой построения хроники последних дней жизни царской семьи с сохранением исторических материалов с параллельными — в случае необходимости — комментариями. Задачей составителя было предоставить на суждение Комиссии максимально объективную картину на строго документированной основе без личных оценок. Только такой отстраненный метод представляется наиболее правильным.

2 (15) марта 1917 года император Николай, плохо информированный генералом М. В. Алексеевым, который имел совершенно ложное представление о происходящем в Петрограде и на фронтах, принял решение отречься от престола. В этот трагический для России день генерал Алексеев не смог использовать своего авторитета начальника штаба, чтобы поддержать своего царя и Верховного главнокомандующего.

В телеграмме генерала Алексеева от 2 марта, отправленной всем командующим фронтами, ставился вопрос об отречении.

Тогда многим казалось, что политическая обстановка в стране безвыходна и единственно возможный на нее ответ: убеждать Николая II отречься.

В Манифесте об отречении, написанным самим государем, среди прочего говорилось: «...в эти решительные дни в жизни России почли Мы долгом совести облегчить народу Нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы...»

Удивительно проникновенно звучат сейчас слова Манифеста о «долге совести». Государь покидал верховную власть и главнокомандование как царь, как воин, как солдат, до последней минуты не забывая о своем высоком долге. Его манифест — это акт высочайшего благородства и достоинства: «Нет той жертвы, которую я не принес бы во имя действительного блага и спасения родимой матушки России». Прежде чем отречься в пользу своего брата, великого князя Михаила Александровича, император назначил великого князя Николая Николаевича на пост Верховного главнокомандующего. Он подписал назначение князя Г. Е. Львова на пост председателя Совета министров. Затем он отдал прощальный приказ войскам, в котором выразил благородство своей души, любовь к армии и веру в нее. Этот приказ был скрыт от народа Временным правительством, запретившим его публикацию. Со стороны новой власти — а точнее безвластия — это было свидетельством крайней нечистоплотности и доказательством малодушия; новые правители боялись, что армия услышит благородную речь своего императора и Верховного главнокомандующего.

7 (20) марта Временное правительство объявило об аресте императора Николая II и его августейшей супруги и содержании их в Царском Селе. Это действие Временного правительства невозможно ничем оправдать; арест императора и императрицы не имел никакого законного основания или повода. Временное правительство назначили комиссию по расследованию деятельности императора, но, несмотря на все старания обнаружить что-нибудь такое, что могло бы опорочить царя, ничего не нашли; царь был невиновен.

Когда невиновность царя была доказана и стало очевидно, что за ним нет никакого преступления, А. Ф. Керенский, занимавший пост председателя Совета министров, и Зарудный, министр юстиции, вместо того, чтобы освободить государя и его августейшую супругу, 13 (26) августа отправили всю царскую

семью в Тобольск, обрекая ее тем самым на крест, ибо в это время дни самого Временного правительства были уже сочтены, и его поджидало позорное октябрьское низложение.

12 (25) апреля 1918 года большевики предполагали вернуть императора в срочном порядке в Москву под предлогом суда. Зная или предчувствуя, что его хотят отправить в Москву для подписания сепаратного мирного договора с Германией, Николай II, которого ни при каких обстоятельствах не покидало высокое душевное благородство, твердо сказал: «Я лучше дам отрезать себе руку, чем подпишу этот позорный договор». Тем не менее императора, императрицу и великую княжну Марию повезли все же в Москву, все остальные остались в Тобольске из-за болезни цесаревича. Но по дороге большевистский Екатеринбургский совет, «не согласный» с Москвой, решил задержать царскую семью и заключить ее в Ипатьевском доме.

Когда здоровье наследника поправилось, члены царской семьи, находившиеся в Тобольске, были также отправлены в Екатеринбург и заточены в том же доме. В действительности задержание царской семьи в Екатеринбурге и заточение были произведены по секретному распоряжению Москвы, подписанному Я. Свердловым, в котором приказывалось покончить с этим «делом» возможно скорее, то есть казнить всех членов семьи.

В соответствии с секретным приказом Москвы, после целого ряда надругательств, в подвале дома Ипатьева в ночь с 3 (16) на 4 (17) июня 1918 года были расстреляны Николай II и все члены его семьи, а также преданный им доктор Е. С. Боткин и верные слуги А. Трупп, И. Харитонов и камеристка А. Демидова.

Чудовищное екатеринбургское преступление является поворотным пунктом русской истории XX века, пошедшей по путям социальных катастроф и гибели культуры, беспрецедентных гонений на Церковь и страшных человеческих падений. Ответом русского общества на тяжелейшие испытания, принять которые пришлось ему в 20-е годы, был удивительный по силе и напряженности исповеднический порыв ко Христу. Переживание ужаса всенародной трагедии оказалось не в силах победить надежды на прорыв к свету, вдохновенной уверенности в том, что торжествующее зло преходяще, что за всем этим — светлое будущее, духовное очищение, обновление и возрождение.

В подвиге мучеников XX столетия мы видим отблеск сияния будущего царства, преображающего всех и вся в мире со Христом.

Что же открывает нам страшный опыт екатеринбургского убийства? Что увидим за сухим перечнем исторических событий, ему предшествовавших? Чем жили, что переживали последний российский император и его семья?

Для того чтобы ответить на эти вопросы, обратимся к историческим свидетельствам, запечатлевшим самое сокровенное в последних днях жизни царской семьи.

Накануне отречения императора от престола в царском окружении прекрасно понимали неизбежность этого акта. Так, генерал Д. Н. Дубенский, состоявший при Ставке в качестве придворного историографа, отмечал в своих записках: «Перед царем встала картина полного разрушения его власти и престижа, полная его обособленность, и у него пропала всякая уверенность в поддержке со стороны армии, если главы ее в несколько дней перешли на сторону врагов императора.

Зная государя и все подробности его сложного характера, его искреннюю непритворную любовь к родине и к семье своей, его полное понимание этого неблагоприятного к нему отношения, которое в данный момент охватило “прогрессивную” Россию, а главное, боясь, что все это бедственно отразится на продолжении войны, многие из нас предполагали, что Его Величество может согласиться на требование отречения от престола, о котором говорил Рузский. Государь не начнет борьбу, думали мы, боясь не за себя, а за судьбу своего Отечества.

“Если я помеха счастью России и меня все стоящие ныне во главе ее общественные силы просят оставить трон и передать его сыну и брату своему, то я готов это сделать, готов даже не только царство, но и жизнь отдать за родину. Я думаю, в этом никто не сомневается из тех, кто меня знает”, — говорил государь» (6, 62–63).

В самый день отречения, 2 марта, тот же генерал Дубенский записал слова министра Императорского двора В. Б. Фредерикса: «Государю глубоко грустно, что его считают помехой счастья России, что его нашли нужным просить оставить трон. Ведь вы знаете, как он трудился за это время войны. Вы знаете, так как по службе обязаны были ежедневно записывать труды Его Величества, как плохо было на фронте осенью 1915 года и как твердо стоит наша армия сейчас накануне весеннего наступления. Вы знаете, что государь сказал, что “для России я не только трон, но жизнь, все готов отдать”. И это он делает теперь. А его волнует мысль о семье, которая осталась в Царском Селе одна, дети боль-

ны. Мне несколько раз говорил государь: “Я так боюсь за семью и императрицу, у меня надежда только на графа Бенкендорфа”. Вы ведь знаете, как дружно живет наша Царская Семья. Государь беспокоится и о матери императрице Марии Феодоровне, которая живет в Киеве» (6, 66). Фредерикс, зная скрытность и сдержанность Николая, отметил, что «государь страшно страдает, но ведь это человек, который никогда не покажет на людях свое горе» (Там же). И действительно, приехавших принять его отречение депутатов Государственной думы А. И. Гучкова и В. В. Шульгина государь принял спокойно. «Через несколько минут, — продолжает Дубенский, — появился Его Величество, поздоровался со всеми, пригласил всех сесть за стол у углового дивана. Государь спросил депутатов, как они доехали. Гучков ответил, что отбытие их из Петрограда, ввиду волнений среди рабочих, было затруднительно. Затем само заседание продолжалось недолго.

Его Величество, как было упомянуто, еще днем решил оставить престол, и теперь государь желал лично подтвердить акт отречения депутатам и передать им Манифест для обнародования. Никаких речей поэтому не приходилось произносить депутатам.

Его Величество спокойно и твердо сказал, что он исполнил то, что ему подсказывает совесть, и отрекается от Престола за себя и за сына, с которым ввиду болезненного состояния расстаться не может» (6, 71). Сдержан Николай и в своем личном дневнике, и только в конце своей записи на этот день (2 марта) прорывается внутренняя обида и глубокое раздражение: «Нужно мое отречение... Суть та, что во имя спасения России и удержания армии на фронте в спокойствии нужно решиться на этот шаг. Я согласился. Из Ставки прислали проект Манифеста, вечером из Петрограда прибыли Гучков и Шульгин, с кот. я переговорил и передал им подписанный и переделанный Манифест. В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого. Кругом измена и трусость, и обман!» (5, 625). И как ни странно, 3 марта да и в последующие дни дневниковые записи царь начинает словами: «спал долго и крепко» (3 марта), «спал хорошо» (4 марта) и т. д. (5, 625–628).

А что же происходило 2 марта в Царском Селе, где находилась семья императора? Вот что мы читаем в дневнике протоиерея Афанасия Беляева, настоятеля Царскосельского Феодоровского собора: «...меня пригласили явиться в Знаменскую церковь, взять чудотворную икону Царицы Небесной, с нею прийти в Александрийский дворец и отслужить молебен в детской половине дворца,

где лежат больные в кори царские дети. Был подан автомобиль, который и довез меня до Знаменской церкви. Войдя в церковь и встретив там о. настоятеля протоиерея Иоанна Сперанского, уже распорядившегося приготовить облачение, достать икону и собрать людей для несения Её, я тотчас облачился, взял крест и с причтом Знаменской церкви при пении тропаря “Яко необоримую стену и источник чудес стяжавше Тя рабы Твои, Богородице Пречистая...”, отправились во дворец. Пропуск во дворец, хотя и охранялся часовыми Сводного пехотного полка, был свободен. С первого подъезда мы поднялись во второй этаж на детскую половину и, пройдя ряд светлых комнат, вошли в полутемную большую комнату, где лежали на отдельных простых кроватях больные дети. Икону поставили на приготовленный стол. В комнате было так темно, что я едва мог разглядеть присутствующих в ней. Императрица, одетая сестрою милосердия, стояла подле кровати наследника, недалеко от нее стояли другие сестры милосердия и няни. Пред иконою зажгли несколько тоненьких восковых свечей. Начался молебен...

О, какое страшное, неожиданное горе постигло царскую семью! Получилось известие, что государь, вызванный императрицей в Царское Село и уже поспешно возвращавшийся из Ставки в родную семью, задержан на дороге, арестован и, даже возможно, что отрекся от престола... Можно себе представить, в каком положении оказалась беспомощная царица, мать с пятью своими тяжело заболевшими детьми? Подавив в себе немощь женскую и все телесные недуги свои, геройски, самоотверженно посвятив себя уходу за больными, с полным упованием на помощь Царицы Небесной, она решила прежде всего помолиться пред чудотворною иконою Знамения Божьей Матери и сделала распоряжение о принесении иконы в покои больных детей. Горячо, на коленях, со слезами просила земная царица помощи и заступления у Царицы Небесной. Приложившись к иконе и подойдя под нее, попросила принести икону и к кроватям больных, чтобы и все больные дети могли приложиться к чудотворному образу. Давая целовать крест, я сказал: “Крепитесь и мужайтесь, Ваше Величество, страшен сон, да милостив Бог. Во всем положитесь на Его святую волю. Верьте, надейтесь и не переставайте молиться». Святую икону пронесли по всем детским комнатам, спустились вниз и пришли в отдельную, изолированную комнату, где лежала больная корью, покрытая сыпью Анна А. Вырубова. Там я только

прочитал молитву пред иконою Божьей Матери, во время которой больная, прильнув разгоряченной головою своею к святой иконе, долго не хотела выпустить ее из своих рук. Императрица, спустясь вниз из детских комнат по прямой внутренней лестнице, стояла у кровати больной и тоже молилась усердно. Когда мы выносили икону из дворца, дворец уже был оцеплен войсками и все находящиеся в нем оказались арестованными» (1, 20–21).

9 (22) марта, уже будучи арестованным накануне (тогда же была арестована и Александра Феодоровна), император возвратился в Царское Село, где его с нетерпением ждали вся семья. «Возвращение императора было, — пишет воспитатель наследника Пьер Жильяр, — несмотря на грустные события, днем большой семейной радости. Императрица, Мария Николаевна и остальные дети, узнав подробности происшедшего, были вне себя от беспокойства за его участь, и чувство страха, которое они испытывали, не прекращалось до его приезда. Поэтому они почувствовали большое облегчение, оказавшись снова вместе после столь тяжелых испытаний. Им казалось, что их бесконечная любовь друг к другу поможет им перенести все страдания.

Несмотря на редкое умение владеть собой, государь не мог скрыть пережитого потрясения, но он быстро оправлялся среди семьи. Он отдавал ей большую часть дня, а остальное время читая или гулял с князем Долгоруковым. Ему было воспрещено заходить в парк, но оставили для прогулок небольшой сад у дворца, теперь уже окруженный цепью часовых. Император относился ко всем строгостям с полным спокойствием и покорностью. Никогда ни одно слово упрека не сошло с его уст. Одно чувство им владело, и оно было еще могущественнее, чем привязанность к семье: это — любовь к своему Отечеству. Он был готов все простить тем, кто ему причинял унижения, если они сумеют спасти Россию» (7, 58).

В это же время Временное правительство вело переговоры с Британским правительством о возможности выезда императорской семьи в Англию. Не вдаваясь в детали этих так ничем и не закончившихся переговоров — об этом достаточно написано у многих авторов (см. 3, 55, ср. 91; 4, 71; 7, 58–59; 9, 33–35; 12, 15), — отметим лишь желание царской семьи уехать за границу и в подтверждение этого процитируем дневниковую запись императора от 10 (23) марта: «Разбирался в своих вещах и в книгах и начал откладывать все то, что хочу взять с собой, если придется уезжать в Англию» (5, 628).

Начался почти пятимесячный период неопределенного пребывания в Царском Селе — едва ли не самого спокойного за все время заточения царственных узников. Дни проходили достаточно размеренно — в совместных семейных трапезах, прогулках и беседах, возможности которых, правда, становились все более ограниченными, все более редких встречах с друзьями, чтении — и регулярных богослужениях.

Уже через два дня после возвращения государя в Царское Село отец Афанасий Беляев аккуратно запишет в своем дневнике: «11 и 12 марта. Суббота и воскресенье. По приезде государя из Ставки в Царское Село 9-го марта, по телефону из дворца, я был приглашен в Александровский дворец для служения всенощной и большой Литургии в дворцовой церкви вместе с придворными, протодиаконом, псаломщиком и певчими, 4 человека. По прибытии во дворец мы были встречены комендантом и дежурным караулом. Войдя в коридор нижнего этажа, где расположены покои Их Величества, ко мне подошел камердинер государя и сказал: “Его Величество вас просит зайти в его комнату. Он хочет сказать вам несколько слов о предстоящем служении во Дворцовой церкви”. На эти слова молодой прапорщик, сопровождавший нас, ответил: “Этого сделать нельзя” и, обращаясь ко мне, заявил: “Потрудитесь идти в церковь, разговаривать с ним нельзя”. Удивленный камердинер возразил: “Позвольте, я передам об этом Его Величеству”, но грозный караульщик категорически заявил: “Это для меня все равно. Я не могу допустить никаких свиданий с кем бы то ни было и никаких сношений”. И так нас провели в церковь без остановок в полном молчании. Спустя несколько минут, еще до начала службы, пришел в церковное зало гофмаршал Бенкендорф и от имени государя просил меня совершать службы в дворцовой церкви по воскресным и праздничным дням. По окончании всенощного бдения я обратился к дворцовому коменданту с просьбой указать: нет ли каких-либо распоряжений для нас по поводу совершения служб и как поступать, например, как отвечать государю, если он о чем-либо будет спрашивать? Как называть его? Как поминать за службами и пр. и вообще как держать себя со всеми служащими во дворце? На это комендант ответил: “Указаний никаких нет, но, конечно, на вопросы со стороны государя отвечать следует, хотя разговор должен быть не политический и в присутствии дежурного караула. В обращении названия лучше избегать, хотя я называю его “Ваше Величество”.

От личных свиданий в собственных комнатах уклоняться, и вообще чем меньше будет поводов к нареканиям со стороны караула, тем лучше будет для арестованных”. И действительно, государь и его супруга настолько деликатны и благородны, что сами являются к богослужению тогда, когда мы облаченные стоим в алтаре, и уходят из храма после службы раньше всех... Стоят в церкви совершенно отдельно за ширмами, занимая небольшое место в углу, с отдельным ходом. Первый раз в присутствии государя, за великим входом, когда нужно было вместо благочестивого самодержца государя императора и пр. говорить о державе Российской и Временном правительстве, я не сразу мог собраться с силами и едва не разрыдался, надорванным голосом, сбиваясь в слова, закончил поминовение... 24 и 25 марта служил всенощную и Литургию и опять всенощную на воскресенье. За всенощной раздавал освященную вербу по одному очень мелкому прутику. Даже и в этом сказались неуважение и арестантский режим.

27 марта... Готовлюсь служить Литургию Преждеосвященных Даров, которая начнется в 11 часов. Служил Литургию, читая за каждым часом Евангелие от Иоанна, прочитал три главы. За Литургиею были и усердно молились: бывший император Николай Александрович, Александра Феодоровна, Ольга Николаевна и Татьяна Николаевна и все живущие приближенные к ним лица...

30 марта (Великий Четверг. — *И. И.*). Гулял по залам дворца... Около 12 часов кончилась Литургия, за которой усердно молилась царская семья и все причастники. Скромно приступили к Святой Чаше говельщики, которым я сказал несколько слов, выслушанных и всеми присутствовавшими в храме... В 6 часов началась служба с чтением 12 Евангелий. Богомольцы те же, всех около ста человек со свитой и служащими, в присутствии дежурного караула. Прекрасно пели певчие — придворного хора четыре солиста, особенно “Разбойника благоразумного”. Служба шла благоговейно и умирительно, хотя и с большими сокращениями: читалось Евангелие и после каждого чтения пелась одна стихира. Вся служба продолжалась 1 час 40 минут. Их Величества всю службу слушали стоя. Пред ними были поставлены складные аналои, на которых лежали Евангелия, так что по ним все время можно было следить за чтением. Все простояли до конца службы и ушли чрез общее зало в свои комнаты, чего до сих пор не делали. Надо самому видеть и так близко находиться, чтобы понять и убедиться, как бывшая царственная семья усердно,

по-православному, часто на коленях, молится Богу. С какою покорностью, кротостью, смирением, всецело предав себя в волю Божию, стоят за богослужениями. И у меня, грешного и недостойного служителя алтаря Господня, замирает сердце, льются слезы, и, несмотря на гнетущую тяжесть затвора, благодать Господня наполняет душу, и слова молитвы льются, свободно касаясь и проникая слух молящихся...

31 марта (Великая Пятница. — *И. И.*). 9 часов утра... В 1½ часа получил уведомление, что меня ждут в 5½ часов на детскую половину исповедать и подготовить к причастию больных трех княжон и бывшего наследника. В 2 часа началась вечерня и вынос плащаницы на середину храма. Место для плащаницы убрали коврами, принесли целые кусты распустившейся белой и красной сирени, множество роз и сделали чудную изящную куртину из живых цветов. В середине куртины поставили принесенный из Феодоровского собора стол для положения плащаницы. Их Величества, две княжны и свита явились в глубоком трауре, — все в черных платьях. Вечерня прошла чинно и довольно торжественно. Плащаница вынесена на середину храма. Я сказал слово...» (1, 21–25). Прочувствованное слово отца Афанасия произвело на Николая Александровича глубокое впечатление, о чем он и сказал ему на исповеди. Продолжим чтение дневника священника, столь важного для понимания внутреннего состояния заключенных. «Наступил и час исповеди царских детей. Пришел скороход и возвестил: “Пора идти, уже ждут”. Я надел епитрахиль, взял в руки крест и Евангелие и за скороходом, указывающим путь, пошел вверх, в комнаты детей. Какие удивительные по-христиански убранные комнаты. У каждой княжны в углу комнаты устроен настоящий иконостас, наполненный множеством икон разных размеров с изображением чтимых особенно святых угодников. Пред иконостасом складной налой, покрытый пеленой в виде полотенца, на нем положены молитвенники и богослужебные книги, а также св. Евангелие и крест. Убранство комнат и вся их обстановка представляют собою невинное, не знающее житейской грязи, чистое, непорочное детство. Для выслушания молитв перед исповедью все четверо детей были в одной комнате, где лежала на кровати больная Ольга Николаевна. Алексей Николаевич сидел в креслах, одетый в голубой халатик, обшитый по краям узорчатой тесьмой. Мария Николаевна полулежала в большом кресле, которое было устроено на колесах, и Анастасия Николаевна легко

его передвигала. После чтения молитв и краткого слова пред исповедью осталась в комнате одна Ольга Николаевна. Наследник ушел сам, а Марию Николаевну увезла Анастасия Николаевна. Потом перешел и в другую комнату для исповеди остальных: Алексея, Марии и Анастасии Николаевны. Как шла исповедь — говорить не буду. Впечатление получилось такое: дай, Господи, чтобы и все дети нравственно были так высоки, как дети бывшего царя. Такое незлобие, смирение, покорность родительской воле, преданность безусловная воле Божией, чистота в помышлениях и полное незнание земной грязи — страстной и греховной, меня привело в изумление, и я решительно недоумевал: нужно ли напоминать мне как духовнику о грехах, может быть им неведомых, и как расположить к раскаянию в неизвестных для них грехах. Исповедь всех четверых шла час двадцать минут... Явился скороход и объявил, что Их Величества ждут исповеди у себя в спальней комнате в 10 часов... Без 20 минут 10 час. пошел в храм, помолился у Св. Престола, приложился к плащанице, надел епитрахиль, взял крест и Евангелие и вслед за скороходом пошел в покои Их Величеств. Там женская прислуга проводила по жилым комнатам в спальню, где стояла одна широкая кровать, и указала на маленькую комнату в углу — молельню, где и будет происходить исповедь Их Величеств. В комнате еще никого не было. Прошло не более двух минут, вошли бывший государь, его супруга и Татьяна Николаевна. Государь поздоровался, представил государыню и, указывая на дочь, сказал: «Это дочь наша Татьяна. Вы, батюшка, начните читать молитвы пред исповедью, а мы все вместе помолимся». Комната-молельня очень маленькая и сверху донизу увешана и уставлена иконами, пред иконами горят лампы. В углу, в углублении, стоит особенный иконостас с точеными колонками и местами для известных икон, пред ним поставлен складной налой, на котором положено и старинное напрестольное Евангелие и крест и много богослужебных книг. Принесенные мною крест и Евангелие я не знал, куда положить, и положил тут же на лежащие книги. После прочтения молитв государь с супругою ушли, осталась и исповедалась Татьяна Николаевна. За нею пришла государыня, взволнованная, видимо, усердно молившаяся и решившаяся по православному чину, с полным сознанием величия таинства, исповедать пред св. крестом и Евангелием болезни сердца своего. За нею приступил к исповеди и государь. Исповедь всех троих шла час двадцать

минут. О, как несказанно счастлив я, что удостоился, по милости Божией, стать посредником между Царем Небесным и земным. Ведь рядом со мною стоял тот, выше которого из всех живущих на земле нет. Это до сего времени был наш Богом данный Помазанник, по закону престолонаследия 23 года царствовавший русский православный царь. И вот ныне, смиренный раб Божий Николай, как кроткий агнец, доброжелательный ко всем врагам своим, не помнящий обид, молящийся усердно о благоденствии России, верующий глубоко в ее славное будущее, коленопреклоненно, взирая на крест и Евангелие, в присутствии моего недостойнства, высказывает Небесному Отцу сокровенные тайны своей многострадальной жизни и, повергаясь в прах пред величием Царя Небесного, слезно просит прощения в вольных и невольных своих прегрешениях. После прочтения разрешительной молитвы и целования креста и Евангелия своим неумелым словом утешения и успокоения, какую я мог влить отраду в сердце человека, злонамеренно удаленного от своего народа и вполне уверенного до сего времени в правоте своих действий, клонящихся ко благу любимой родины? Когда сказал я: “Ах, Ваше Величество, какое благо для России Вы бы сделали, давши в свое время полную конституцию и тем бы исполнили желание народа. Ведь Вас, как Ангела добра, любви и мира, приветствовали все”. На это с удивлением ответил он: “Неужели это правда! Да, мне изменили все. Мне объявили, что в Петрограде анархия и бунт, и я решил ехать не в Петроград, а в Царское Село и с Николаевской дороги свернуть на Псков, но дорога туда уже была прервана, я решил вернуться на фронт, но и туда дорога оказалась прерванной... И вот один, без близкого советника, лишенный свободы, как пойманный преступник, я подписал акт отречения от престола и за себя, и за наследника сына. Я решил, что если это нужно для блага родины, я готов на все. Семью мою жаль!” И капнула горячая слеза из глаз безвольного страдальца. Потом был и общий разговор. Александра Федоровна спросила, как здоровье о. Александра, и когда я ответил, что при всем своем желании служить и быть в Царском Селе он пока сделать этого не мог, у него сильно расстроены нервы, Ее Величество сказала: “Очень жаль, передайте ему от нас привет и пожелание здоровья, ведь вы его близкий родственник”. То же пожелание здоровья высказал и государь, спросивший о здравии о. Васильева, и прибавил: “Мы все его так горячо полюбили. Причину расстройств его нервов я отчасти

объясняю потерю сына, которого и мы все знали и горевали о его смерти. Передайте ему мой поклон”. У меня же спросил Николай Александрович: “Вы уже теперь не в Екатерининском соборе служите, а в Феодоровском? Я очень радовался, когда узнал, что вы согласились служить у нас в Феодоровском соборе. А что же в настоящее время, в каком положении находится этот прекрасный собор?” Я ответил, что все здания Феодоровской Слободки вместе с собором временно переходят в управление комиссара Головина. Далее разговор продолжался несколько минут о семейной жизни... Между прочим, государыня сказала: “Меня не поняли. Я желала добра”» (1, 25–27).

Действительно, доброта и душевное спокойствие не оставляли императрицу даже в эти самые трудные после отречения государя от престола дни. Вот с какими словами утешения обращается она в письме к С. В. Маркову: «Вы не одни — не бойтесь жить, Господь услышит Ваши молитвы и Вам поможет, утешит и подкрепит. Не теряйте Вашу веру, чистую, детскую, останьтесь таким же маленьким, когда и Вы большим будете. Тяжело и трудно жить, но впереди есть Свет и радость, тишина и награда за все страдания и мучения. Идите прямо Вашей дорогой, не глядите направо и налево, и если камня не увидите и упадете, не страшитесь и не падайте духом. Поднимитесь и снова идите вперед. Больно бывает, тяжело на душе, но горе нас очищает. Помните жизнь и страдания Спасителя, и Ваша жизнь покажется Вам не так черна, как думали. Цель одна у нас, туда мы все стремимся, да поможем мы друг другу дорогу найти. Христос с Вами, не страшитесь» (11, 42).

Наступила Великая Суббота. 10 апреля. Не успел отец Афанасий начать проскомидию, «как ровно в 9 часов пришли и стали на свои места государь с супругою и две дочери — Татьяна и Анастасия. Началась Литургия вечернею, за которою совершил и проскомидию. После чтения Апостола произошла перемена облачений. Все черное убрано, одето светлое, возвестившее зарю наступающего светлого дня Воскресения Христова. Настало время подходить к Святой Чаше для причастников. Первым подошел бывший государь. Давая ему Святые Дары громко и внятно сказал я: “Честнага и Святага Тела и Крове Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа причащается раб Божий благоверный Николай Александрович во оставление грехов своих и в жизнь вечную”. То же было сказано и Александре Феодоровне. После Литургии, не разоблачаясь, пошел со Святою Чашею приобщать

Ольгу, Марию и Алексея, которые уже были подготовлены и ждали в своей комнате наверху.

Слава Богу, все идет хорошо, все, по-видимому, довольны и относительно спокойны. В 5 часов пришел в мою комнату скороход и передал приглашение от Их Величеств после пасхальной службы явиться к ним на завтрак, собранный на 18 персон, а в половине первого пожаловать для поздравления с праздником и христосования со всеми служащими, причем мне идти первому (сколько уважения к священному сану служителя алтаря Божия видим мы в этом благородном жесте. — *И. И.*), а за мною и всем лицам, служащим и находящимся во дворце... Ровно в половине двенадцатого часа пришел государь с супругою и две княжны и вся свита, я поторопился начать утреню, открыл Царские врата и пошел раздавать свечи. Беря свечу, государь спросил, не рано ли начинать службу, еще нет 12 часов. Тогда я ушел в алтарь и начал совершать проскомидию, а без 10 минут 12 ч сделал возглас: “Благословен Бог наш”, певчие запели “Аминь” и “Воскресение Твое Христе Спасе”. Начался крестный ход: впереди фонарь, за ним запрестольный крест, хоругви, икона Воскресения Христова, певчие в своих малиновых одеждах, причт в светлых пасхальных ризах, царская семья, свита и все служащие. Выйдя из церковного зала, обошли кругом зала круглого и вернулись к запертым дверям церковным, где и остановились. Началась Христовская пасхальная утреня. Служба, можно сказать, промелькнула, не прошло и полчаса, как уже и конец. Подходили ко кресту и христосовались: государь три раза поцеловал говоривших ему “Христос воскрес!” Затем началась Литургия, от которой никто не ушел. Литургия продолжалась ровно час, и в 2 часа приглашенные сели за стол разговляться. Какая честь! Я, по расписанию, занял первое место по правую сторону рядом с б. императрицей, а с левой стороны рядом со мною сидела великая княжна Татьяна Николаевна. Напротив нас — Его Величество... Все, конечно, было самое лучшее... вообще прошло все скромно... Ровно в половине первого часа начался официальный прием. По церемониалу назначено: первым идет духовник Их Величеств, за ним причт дворцовой церкви и придворные певчие, а за ним и все служащий и живущие во дворце. Распоряжался шествием Бенкендорф, государь стоя принимал поздравления и со всеми христосовался, у меня поцеловал руку, я же поцеловал его руку. Государыня стояла отдельно и каждому подходящему к ней давала фарфоровое яйцо. Мне досталось очень

дорогое, с изящным изображением распятого на Кресте Господа. Дети государя со всеми раскланивались» (1, 27–29). Вечером, в семь часов, по просьбе Их Величеств, в детской комнате была отслужена пасхальная вечерня. И на этот раз отец Афанасий отмечает особое убранство комнаты: «В половине седьмого часа из церкви в полных облачениях с певчими пришли в комнату бывшего наследника Алексея Николаевича. Комната довольно большая, множество разнообразных игр и игрушек и столов и столиков с разными детскими развлечениями, и балалайки, и бубны, барабаны, трубы, домики и пр., и пр. Но главное, как и во всех детских комнатах, особо возвышенное отделенное место для молитвы, где стоит иконостас с иконами, пред ним налой с священными и богослужебными книгами. Тут-то и расположились служить вечерню. Собралась вся семья бывшего царя и вся живущая с нею свита. Была отворена дверь в другую детскую комнату, где лежали больные дети. Вечерня продолжалась не более получаса. Я по окончании вечерни, по приглашению Ее Величества, пошел к больным, дал им приложиться ко кресту и поздравил с праздником. О их здравии была прочитана особая молитва» (1, 29–30). Интересна и запись государя в дневнике в день Пасхи: «Заутреня и обедня окончились в час 40. Разговлялись со всеми в числе 16 челов. Лег спать не сразу, т. к. плотно поел. Встал около 10 час. День стоял лучезарный, настоящий праздничный. Утром погулял. Перед завтраком христосовался со всеми служащими, а Аликс давала им фарфор, яйца, сохранившиеся из прежних запасов. Всего было 135 чел. Днем начали работать у моста, но вскоре собралась большая толпа зевак за решеткой — пришлось уйти и скучно провести остальное время в саду. Алексей и Анастасия вышли в первый раз на воздух.

В 7 ч в игровой комнате наверху была отслужена вечерня. После обеда разошлись в 10 час.: читал Татьяне вслух у себя. Лег рано» (5, 629). В Светлый понедельник, 3 апреля, отец Афанасий пишет: «После обеда начал читать книгу “Правда православия”, которую прислал мне Его Величество, ранее спросившия у меня: “Есть ли у вас книги для чтения?”, и сказавший, что и у него их немного (1, 30). Действительно, любимым чтением государя была светская, особенно историческая, литература. Так, 4 апреля он начал читать «Историю Византийской империи» академика Ф. Успенского («очень интересная книга», запишет он в своем дневнике); обращается он и к чтению «Всеобщей истории» Иегера.

В круг его чтения входят имена А. Дюма, А. Доде, А. Конан-Дойля, И. Тургенева, Л. Толстого, Н. Лескова, А. Чехова, Д. Мережковского и других. К чтению Библии император обращается крайне редко: так, позже — 11 (24) марта 1918 года — он отметит в дневнике: «На первой неделе начал читать Библию сначала», а уже через два дня — 13 (26) марта запишет: «Так как нельзя читать все время Библию, я начал также “Краткую историю английского народа” Дж. К. Грина» (5, 670).

В дворцовой церкви или в бывших царских покоях отец Афанасий регулярно совершал всенощную и Божественную Литургию, за которыми всегда присутствовали все члены императорской фамилии. 23 апреля праздновался день тезоименитства Александры Феодоровны. Накануне «в 6½ часов началась всенощная служба, за которой в светлых праздничных платьях собралась вся царская семья: сын, четыре дочери и их родители и весь штат служащих. После шестопсалмия и “Малой ектении” был прочитан “Акафист св. Велик. Георгию” и в конце особая молитва Ее Величеству царице Александре. На другой день к Божественной Литургии в праздничных одеждах явились все те же лица. Молебен о здравии был совершен до Литургии, а за Литургиею вместо обычной молитвы о даровании победы была прочитана молитва к святой мученице царице Александре. Литургия закончилась словом, сказанным мною по случаю праздника. Подходивших для целования креста я поздравил, с подачею каждому просфоры, государя с императрицей, а государыню приветствовал с днем ее Ангела и пожелал ей душевного покоя, здравия, терпения в перенесении тяжелых дней и помощи от Господа по молитвам святой мученицы Александры. На приветствие императрица высказала благодарность, усиливаясь улыбнуться, но улыбка была страдальческая, болезненная. Все бывшие в храме, целуя крест, делали молчаливый поклон в ту сторону, где отдельно от всех, около ширмы, стояла царская семья. Вот и все отличие от обыденно проводимых в строгом заключении будничных дней. Грустно и тяжело до слез.

В Преполовение, 26 апреля, службы не было. 29 апреля, суббота. Обычная всенощная и те же молящиеся, кроме бывшего наследника. Та же грусть и то же одиночество: отрада и упокоение в молитве...» (1, 33).

О тяжелых душевных переживаниях членов царской семьи свидетельствует следующий эпизод. «30 апреля. Служил Литургию, говорил слово на слова Евангелия: “Бог есть Дух, и иже

кланяется Ему, духом и истиною достоин кланяться”. В то время, когда говорил я о душевных переживаемых страданиях, которые ставят человека, оставленного всеми, в невыразимо гнетущее состояние, — приводят в ужас, и единственное утешение он находит в молитве, — в это время раздался невольный неудержимо вырвавшийся из чьей-то наболевшей груди вздох, настолько сильный и громкий, что привел в удивление всех слушателей. И этот отклик душевной муки раздался с того места, где стояла одна только царская семья. После службы все приложились ко кресту» (1, 33). И тем не менее отец Афанасий постоянно пишет о «горячей молитве» царской семьи, о регулярном посещении ими богослужений. Так, 20 мая, на Троицу «за богослужением были все семь человек, и, насколько было возможно заметить, более спокойные. Княжны даже переглянулись между собой и с улыбкою детства смотрели на подходящих к целованию иконы караульных офицера и солдата, не делающих поклон в сторону, где стоит вся семья бывшего царя, что делают обыкновенно все другие лица после целования иконы и благословения священника.

21 мая. Литургия началась на полчаса ранее 11 часов. Вся царская семья в полном сборе в светлых праздничных одеждах, бывший государь и его сын в обыкновенных военных, защитного цвета рубашках с Георгиевским крестом на груди. В алтарь принесли 25 букетов цветов из живых роз и др. для раздачи всем присутствующим во время Троицкой вечерни. Раздавал букеты сразу после Литургии псаломщик. За вечернею я прочитал без пропусков все молитвы с коленопреклонением и все усердно молились. Вся служба продолжалась час три четверти» (1, 34).

После Троицы в дневнике отца Афанасия все чаще и чаще появляются тревожные сообщения — то он жалуется на нехватку вина для причастия и муки для приготовления просфор и литийных хлебов, то отмечает растущее раздражение караульных, доходящих порой до грубости по отношению к царской семье. Не остается без его внимания и душевное состояние членов царской семьи — да, все они страдали, отмечает он, но вместе со страданиями возрастали их терпение и молитва. Так, 23 мая он записывает в своем дневнике: «Мне показалось, что государь, имеющий бледный страдальческий вид, очень болен. Что-то волнует его, и он молча, терпеливо переносит свои страдания. Молится усердно и часто на коленях» (1, 36). В этот же день и императрица находит в себе силы написать утешительное письмо А. В. Сырбоярскому: «Все

можно перенести, если Его (Бога) близость и любовь чувствуешь и во всем Ему крепко веришь. Полезны тяжелые испытания, они готовят нас для другой жизни, в далекий путь. Собственные страдания легче нести, чем видеть горе других, и не будучи в возможности им помочь. Очень много Евангелие и Библию читаю, так как надо готовиться к урокам с детьми, и это большое утешение — с ними потом читать все то, что именно составляет нашу духовную пищу, и каждый раз находишь новое и лучше понимаешь. У меня много таких хороших книг, всегда выписываю из них. Там никакой фальши. Вы когда-нибудь читали письма Иоанна Златоуста к диакониссе Олимпиаде? Я их теперь опять начала читать. Такая глубина в них, наверное, Вам понравилось бы. Мои хорошие книги мне очень помогают. Нахожу в них ответы на многое. Они силы дают, утешение и для уроков с детьми... Они здоровы все, слава Богу. Надо Бога вечно благодарить за все, что дал, а если и отнял, то, может быть, если без ропота все переносить, будет еще светлее. Всегда надо надеяться. Господь так велик, и надо только молиться, неутомимо Его просить спасти дорогую Родину. Стала она быстро, страшно рушиться в такое малое время. Но тогда, когда все кажется так плохо, что хуже не может быть, Он милость Свою покажет и спасет все. Как и что, это только одному Ему известно... Хотя тьма и мрак теперь, но солнце ярко светит в природе и дает надежду на что-то лучшее. Вы видите, мы веру не потеряли, надеюсь никогда не потерять, она одна силы дает, крепость духа, чтобы все перенести. И за все надо благодарить, что могло бы гораздо хуже... Не правда ли? Пока живы и мы с нашими вместе — маленькая крепко связанная семья. А они, что хотели?..

Вот видите, как Господь велик. Мы и в саду бываем (т. е. на свободе). А вспомните тех других, о, Боже, как за них страдаем, что они переживают, невинные... Венец им будет от Господа. Перед ними хочется на коленях стоять, что за нас страдают, а мы помочь не можем, даже словом. Это тяжелее всего. Больно за них, но и для них, я верю крепко, будет еще хорошее (мзда многа на небесах) и здесь еще» (11, 61–62). Даже тяжело больной наследник находит в себе силы прислуживать за Литургией: «2 июля. Воскресенье... Вся царская семья и служащие собрались к началу Литургии, а бывший наследник Алексей Николаевич пришел к Херувимской тихо и незаметно, отдельным ходом прямо в алтарь и стал прислуживать в алтаре: брал от псаломщика кадило, относил его на место и вновь подавал для передачи протодиакону. Это первый раз

юный любимец своих родителей обнаружил склонность принять личное деятельное участие в церковном богослужении» (1, 39). Прислуживал Алексей и за Божественной Литургией 23 июля, после которой отец Афанасий рассказал всем присутствовавшим о праздновании в Феодоровском соборе памяти особого чтимого царской семьей преподобного Серафима Саровского, в своих записях он отметил, что «все слушали с вниманием и чувствовалось, что дух преподобного Серафима был среди молящихся» (1, 41).

30 июля, за день до отъезда царской семьи в Тобольск, отцом Афанасием была отслужена последняя Литургия в дворцовой церкви. Вот как он ее описывает: «В 11 часов началась Литургия, Как-то невольно чувствовалось, что это последняя Божественная Литургия совершается в бывших царских покоях, и последний раз бывшие хозяева своего родного дома собрались горячо помолиться, прося со слезами, коленопреклоненно, у Господа помощи и заступления от всех бед и напастей. За Литургиею присутствовала вся царская семья и вся их уже очень малочисленная прислуга. К 12 часам Литургия кончилась. Давая целовать крест, я сказал последнее слово на чтенное Евангелие, где между прочим указал, что выше нет любви, как любовь родителей к своим детям... Бывшая царица плакала, а бывший царь, видимо, волновался. Целуя крест, Николай Александрович сказал: “Благодарю Вас”, все остальные подходили и целовали крест молча. Так кончилась моя последняя служба в Александровском дворце для бывшей царской семьи» (1, 42). После Литургии был отслужен молебен перед иконой Божией Матери Знамение: «Икону торжественно пронесли по коридорам дворца и поставили, не снимая с носилок, посередине церковного зала. Тотчас же явилась вся царская семья, свита, прислуга и караул. На икону, на венчик младенца Спасителя я положил цветы гвоздики.

Начался молебен. Царская семья, преклонив колена, усердно молилась, стоя на своих обычных местах. Ектении, Апостол и Евангелие и молитва читались по чину напутственного молебна, а тропарь, запевы и вторая молитва были взяты из молебна ко Св. Богородице. Молебен кончился многолетием державе Российской. Ее правительству, воинству и всем предстоящим и молящимся в храме. По окончании молебна все приблизились к иконе и, земно кланяясь пред нею, приложились к лику Богоматери. Я снял лежащие на иконе цветы и подал их бывшей императрице, целуя ее руку. После этого бывший государь молча подошел

ко мне под благословение, за ним супруга его, дочери и бывший наследник, икону подняли на руки принешие ее солдаты и понесли через круглое зало в парк. За иконою шло духовенство, певчие, царская семья на балкон, до спуска в парк, где и остановились. Икону понесли дальше, а мы, возвращаясь в церковь, уже окончательно последний раз поклонились бывшему царю и его семье. Разоблачившись, выйдя из алтаря, мы оказались одни. Все разошлись по своим местам. Дежурный караул проводил нас до ворот парка, где ждали поданные три коляски: для меня, протодиакона с псаломщиком и четырех певчих. Так молча, незаметно, но совесть моя чиста, я уверен, не бесследно кончилось мое пятимесячное служение в церкви Александровского дворца для заключенной семьи царственного Дома Романовых» (1, 43).

31 июля царская семья была отправлена в Тобольск. Уже после их отъезда, 3 августа, на квартиру к отцу Афанасию приехал граф П. К. Бенкендорф и в благодарность за усердное служение передал ему от царской семьи — сколько в этом прощальном жесте благородства и теплоты, несмотря на претерпевание личных страданий! — наперсный хрустальный в золотой оправе на золотой цепочке крест. «Вручая крест мне, — завершает свой дневник отец Афанасий, — граф сказал: “Их Величества, бывший государь и бывшая государыня, поручили мне передать Вам этот крест на память от них в благодарность за вашу прекрасную усердную службу, за ваши утешительные слова и назидания, которые так глубоко проникли в их сердца и успокоительно на них действовали. Эту сердечную благодарность они выражают как от себя, так и от своих детей. Просят ваших молитв, в которых так нуждаются и надеются найти отраду и утешение”. Сообщил и о том, что последняя ночь на 1 августа для всех отъезжающих <прошла> очень грустно и весьма тяжело. Было сделано распоряжение собраться в дорогу к часу ночи, но утомительно пришлось ждать одетыми по-дорожному до 6 часов утра. Дня за три до отъезда было известно, что Временное правительство решило переселить бывшего царя из Царского Села. Но куда? Неизвестно. Просились на Юг, в Крым, и радовались, особенно дети, получить свободу, избавившись от строгого затвора. Но когда было сказано, чтобы запасались теплыми одеждами, к ужасу стали догадываться, что поедут на Север, а когда стало известно о дорожном запасе провизии на пять суток, то к еще большему ужасу стали предполагать о месте ссылки Тобольск. Со слезами выехали из родного дома.

Вместе с ними добровольно поехали: кн. Долгоруков, доктор Боткин, француз учитель, Гендрикова, Шнейдер и няни, весь состав с прислугой около 50 человек. Последние слова бывшего государя были: “Мне не жаль себя, а жаль тех людей, которые из-за меня пострадали и страдают. Жаль Родину и народ!”» (1, 43–44).

6 августа царская семья прибыла в Тобольск. Первые недели пребывания в Тобольске царственных узников были едва ли не самыми спокойными за весь период их заточения. Царская семья была вверена бывшему коменданту Царскосельского дворца, а затем и тобольского губернаторского дома полковнику Е. С. Кобылинскому, человеку независимому и преданному Августейшей фамилии. К его воспоминаниям мы сейчас и обратимся. «Для жизни царской семьи, — пишет об условиях тобольского плена Кобылинский, — лиц свиты и прислуги было отведено два дома: дом, в котором жил губернатор, и дом Корнилова, находящийся вблизи губернаторского. Из обстановки из Царского не было взято ничего. Дом обслуживался губернаторской обстановкой, но часть разных вещей пришлось приобрести и заказать уже в Тобольске. Взяты были из Царского для царской семьи лишь их походные кровати...»

Тихо и мирно потекла жизнь в Тобольске. Режим был такой же, как и в Царском, пожалуй, даже свободнее.

В дежурной комнате находился дежурный офицер. Никто не вмешивался во внутреннюю жизнь семьи. Ни один солдат не смел входить в покои. Вставали все в семье рано, кроме государыни. После утреннего чая государь обыкновенно гулял, занимаясь всегда физическим трудом. Гуляли и дети. Занимался каждый, кто чем хотел. После прогулки утром государь читал, писал свой дневник. Дети занимались уроками. Государыня читала или вышивала, рисовала что-нибудь. В час был завтрак. После завтрака опять обыкновенно семья выходила на прогулку. Государь часто пилил дрова с Долгоруким, Татищевым, Жильяром. В этом принимали участие и княжны. В 4 часа был чай. В это время часто занимались чем-либо в стенах дома, наблюдая внешнюю жизнь города. В 6 часов был обед. После обеда приходили Татищев, Долгорукий, Боткин, Деревенько. Иногда бывала игра в карты, причем из семьи играли государь и Ольга Николаевна. Иногда по вечерам государь читал что-нибудь вслух, все слушали. Иногда ставились домашние спектакли: французские и английские пьесы. В 8 часов был чай. За чаем велась домашняя беседа. Так засиживались часов до 11,

не позднее 12, и расходились спать. Алексей Николаевич ложился спать в 9 часов или около этого времени. Государыня всегда обедала наверху. С ней иногда обедал Алексей Николаевич. Вся остальная семья обедала внизу в столовой.

Все лица свиты и вся прислуга свободно выходили из дома, когда и куда хотели. Никакого стеснения никому в этом отношении не было. Августейшая семья, конечно, в этом праве передвижения была, как и в Царском, ограничена. Она выходила лишь в церковь. Богослужения отправлялись так: всенощная всегда служилась на дому, причем причт был от Благовещенской церкви. Служил священник о. Васильев. К обедне семья ходила только к ранней. Для того чтобы пройти в церковь, нужно было пройти садом и через улицу. Вдоль пути следования всегда ставился караул, караул был и около самой церкви, причем в церковь посторонние не допускались.

Как Вы, г. судебный следователь, и сами можете видеть, хотя бы из одного перечня прислуги, бывшей при августейшей семье, правительство старалось обставить жизнь ее так, как это приличествовало ее положению. Когда мы уезжали из Царского, Керенский сказал мне: «Не забывайте, что это бывший император. Ни он, ни семья ни в чем не должны испытывать лишений». Власть над охраной и домом была в моих руках. К времени переезда нашего в Тобольск, я думаю, что семья привыкла ко мне и, как мне кажется, не могла иметь против меня какого-либо неудовольствия. Сужу об этом по тому, что перед нашим отъездом из Царского государыня пригласила меня к себе и благословила меня иконой» (8, 51, 53–54). Аналогичную же картину описывает в своих воспоминаниях и Т. Е. Мельник-Боткина, дочь доктора Е. С. Боткина: «Из окон моей комнаты был виден весь дом, где помещались Их Величества, и площадка, отведенная для прогулок. В это утро, несмотря на дождь, Его Величество и Их Высочества вышли гулять в 11 часов, и я впервые увидела Их здесь после Царского Села. Его Величество, в солдатской шинели и защитной фуражке, своей обычной быстрой походкой ходил взад и вперед от забора до забора. Великие княжны Ольга Николаевна и Татьяна Николаевна в серых макинтошах и пуховых шапочках — синей и красной — быстро шагали рядом с отцом, а Анастасия и Мария Николаевны, сидя на внутреннем заборе, отгораживавшем город и кладовые, разговаривали с караульными солдатами.

День Их Величеств в Тобольске проходил следующим образом: вставали все часов в 9 утра и после утреннего чая занимались

каждый своим делом: Его Величество и Ольга Николаевна — чтением, младшие дети — уроками. Ее Величество продолжала преподавать детям Закон Божий и занималась чтением с великой княжной Татьяной Николаевной. В 11 часов все выходили на прогулку за загородкой. В 1 час дня был завтрак и затем опять прогулка до 4 часов, когда подавался дневной чай. После чая опять занимались уроками и рукоделиями. Алексей Николаевич часа два проводил за играми. В 7 с половиной подавался обед, после которого свита, обедавшая и завтракавшая с Их Величествами, оставалась на вечер. Тут устраивались игры в карты или домино, без денег, конечно, причем каждый вечер Его Величество читал вслух, преимущественно что-нибудь из классиков. Один Алексей Николаевич отсутствовал, так как сразу после обеда шел спать.

Преподаванием Алексею Николаевичу, кроме Ее Величества, занимались Е. А. Шнейдер, Жильяр и Клавдия Михайловна Битнер, приехавшая в Тобольск вместе с Кобылинским, очень образованная и милая женщина, искренне любившая царскую семью и помогавшая Кобылинскому переносить стойко все огорчения и мучения его тяжелой службы» (3, 70–71; ср. 7, 66–68; см. также 4, 77–79]. И действительно, ничто, казалось не омрачало жизни царственных узников. Из дня в день император аккуратно записывает в свой дневник: «дивный день» — прогулка — обед — чтение художественной или исторической литературы — игра в кости или карты — дождь — обедня — прогулка — и так далее...

Однако эта безмятежная жизнь царской семьи продолжалась недолго. По мере изменения политической ситуации в стране и постепенной утраты власти Временным правительством ухудшалось и положение царственных узников.

1 (14) сентября в Тобольск в качестве нового комиссара Временного правительства прибыл В. С. Панкратов. Кобылинский, перешедший теперь в его подчинение, отзывался о нем довольно высоко: «Панкратов был человек умный, развитой, замечательно мягкий» (8, 55; ср. 7, 68). Но вот сопровождавший его помощник, А. В. Никольский, был грубым и лишенным воспитания человеком (7, 68; 8, 55).

Об этом периоде жизни императорской семьи в Тобольске лучше всего пишет Пьер Жильяр. Не считая нужным пересказывать его свидетельство, обратимся и на этот раз непосредственно к оригиналу.

«В сентябре, — пишет Жильяр, — в Tobольск приехал комиссар Панкратов, присланный Керенским. Его сопровождал в качестве помощника Никольский, бывший политический ссыльный, как и сам Панкратов. Последний был человек довольно образованный, по природе добрый и мягкий — тип сектанта-фанатика. Он произвел хорошее впечатление на императора, благодаря чему его сразу полюбили и дети. Но зато Никольский был настоящее грубое животное, и вся деятельность его носила в высшей степени злостный характер. Едва успев прибыть, он потребовал от полковника Кобылинского, чтобы нас всех заставили сняться. На возражение же полковника, что такие фотографические снимки совершенно излишни, так как все солдаты хорошо нас знают еще с Царского Села, Никольский заявил: “Нас заставляли исполнять это прежде, а теперь их очередь проделать то же”. Пришлось пройти через эту процедуру, и с тех пор каждого из нас снабдили свидетельством личности с фотографической карточкой и с номером по списку.

Церковные службы справлялись сначала в доме, в большом зале верхнего этажа. Священнику Благовещенской церкви с диаконом и четырьмя монахинями Иоанновского монастыря было разрешено являться в дом для богослужения. Но за неимением престола и антиминса нельзя было служить обедню. Это было огромным лишением для царской семьи. Наконец, 21 сентября, в день праздника Рождества Пресвятой Богородицы, узникам позволили в первый раз отправиться в церковь. Впоследствии, к сожалению, и это утешение крайне редко выпадало на их долю. В эти дни вставали очень рано и, собравшись на дворе, выходили через калитку в городской сад, в который проходили между двух шпалер солдат. Затем в пустой церкви, едва освещенной несколькими свечами, мы присутствовали за ранней Литургией, на которую строго было запрещено допускать народ. До дороге в церковь или на обратном пути мне часто приходилось видеть, как люди при проходе императора крестились и падали на колени. Да и вообще жители Tobольска все время выказывали столь горячую привязанность, столь глубокую преданность царской семье, что для того, чтобы воспрепятствовать народу, проходившему мимо дома, снимать шапку и креститься, часто требовалось вмешательство караульных постов» (7, 68–693). Удивительным свидетельством о религиозной стороне жизни царской семьи является отрывок из воспоминания Панкратова, человека, которого никак нельзя было заподозрить в церковности. «На воле

мне много приходилось слышать о том, что семья Николая II очень религиозна, что этим и объяснялось то влияние, которое имел Григорий Распутин на царскую семью. Но религиозность слишком различно понимается людьми, и в данном случае судить об этом более чем трудно. Эта духовно-нравственная потребность царственных пленников сначала удовлетворялась тем, что богослужение совершалось в зале губернаторского дома, т. е. в том же доме, где жила семья бывшего царя. И в ближайшую субботу мне первый раз пришлось присутствовать на всенощной.

Всю работу по обстановке и приготовлению зала к богослужению брала на себя Александра Феодоровна. В зале она устанавливала икону Спасителя, покрывала аналой, украшала их своим шитьем и пр. В 8 часов вечера приходил священник Благовещенской церкви и четыре монашенки из Ивановского монастыря. В зал собиралась свита, располагаясь по рангам в определенном порядке, сбоку выстраивались служащие, тоже по рангам. Когда бывший царь с семьей выходил из боковой двери, то и они располагались всегда в одном и том же порядке: справа Николай II, рядом Александра Феодоровна, затем Алексей и далее княжны. Все присутствующие встречали их поясным поклоном. Священник и монашенки тоже. Вокруг аналая зажигались свечи. Начиналось богослужение. Вся семья набожно крестилась, свита и служащие следовали движениям своих бывших повелителей. Помню, впервые на меня вся эта обстановка произвела сильное впечатление. Священник в ризе, черные монашки, мерцающие свечи, жидкий хор монашенок, видимая религиозность молящихся, образ Спасителя. Вереница мыслей сменяла одна другую...

О чем молится, о чем просит эта бывшая царственная семья? Что она чувствует? — спрашивал я себя.

Монашки запели: «Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение»... Вся семья Николая II становится на колени и усердно крестится. За нею падают на колени и все остальные. В то время мне казалось, что вся семья бывшего царя искренне отдается религиозному чувству и настроению» (10, 1323).

Но — вернемся к воспоминаниям Жильяра: «Итак, жизнь мало-помалу налаживалась и нам удалось возобновить занятия с наследником и двумя младшими великими княжнами. Уроки начинались с девяти часов и продолжались до одиннадцати, затем шли на прогулку, в которой всегда принимал участие и император. В час все собирались к завтраку. Только императрица, когда

она себя плохо чувствовала, завтракала и обедала у себя вместе с Алексеем Николаевичем. К двум часам мы снова выходили и гуляли до четырех.

Когда дни сделались холоднее, мы стали забираться на крышу оранжереи, чтобы немного погреться на солнце. Позднее мы даже устроили там две скамейки и на них-то в течение всей долгой зимы и ранней весны мы проводили свои лучшие часы.

Император страдал от недостатка физического труда. Полковник Кобылинский, которому он на это пожаловался, приказал привезти березовые стволы, купил пилы и топоры, и мы могли теперь заготавливать дрова, в которых так нуждались на кухне, а также в доме для топки наших печей. Эта работа на открытом воздухе являлась для нас большим развлечением за время нашего пребывания в Тобольске. Великие княжны в особенности горячо пристрастились к этому новому спорту. После чая возобновлялись уроки и оканчивались к половине седьмого вечера. В половине восьмого обедали, а пить послеобеденный кофе поднимались в большой зал. Мы все были приглашены проводить вечера в кругу царской семьи, и вскоре это вошло в привычку для большинства из нас. Устраивали игры и всячески старались найти способ рассеять как-нибудь узников в тяжелом однообразии их жизни. Когда настали большие морозы, зал от холода стал нежилым, и мы нашли себе пристанище в соседней комнате, в гостиной государыни, представлявшей во всем доме единственный уютный уголок. Император часто читал вслух, в то время как великие княжны работали над каким-нибудь рукоделием или же играли с нами. Императрица обыкновенно играла одну или две партии в безик с генералом Татищевым, а затем бралась в свою очередь за работу или же лежала, вытянувшись на кресле. И вот в такой-то мирной, чисто семейной обстановке мы проводили долгие зимние вечера, как бы затерянные в необъятных просторах Сибири.

Одним из самых больших лишений за время жизни в Тобольске было почти полное отсутствие всяких известий. Письма доходили до нас крайне неправильно и с огромным опозданием. Что же касается газет, то нам приходилось довольствоваться дрянным местным листком, печатавшимся на оберточной бумаге и дававшим лишь старые телеграммы с опозданием на несколько дней, да и те чаще всего появлялись здесь в искаженном и урезанном виде. Император с тревогой следил за развертывавшимися в России событиями. Он видел, что страна стремительно идет к своей гибели. Был миг,

когда у него промелькнул снова луч надежды, — это в то время, когда генерал Корнилов предложил Керенскому идти на Петроград, чтобы положить конец большевистской агитации, становившейся день со дня на день все более угрожающей. Безмерна была печаль царя, когда Временное правительство отклонило и эту последнюю попытку к спасению родины. Он прекрасно понимал, что это было единственное еще средство избежать неминуемой катастрофы. Тогда я в первый раз услышал от государя раскаяние в своем отречении. Ведь он принял это решение лишь в надежде, что желавшие его удаления сумеют все же продолжить с честью войну и не погубят дела спасения России.

Он боялся тогда, чтобы его отказ подписать отречение не повел к гражданской войне в виду неприятеля. Царь не хотел, чтобы из-за него была пролита хоть капля русской крови. Но вот, спустя самый короткий срок вслед за удалением царя, появился Ленин и его спутники, несомненные наемные агенты, и их преступная пропаганда развалила армию и вконец растлила страну. Императору мучительно было видеть теперь бесплодность своей жертвы и сознавать, что, имея в виду тогда лишь благо родины, он принес ей вред своим отречением. Эта мысль, все чаще приходя в голову государя, все больше его угнетала, и впоследствии ей суждено было сделаться причиной его глубокой душевной тоски и нравственного страдания» (17, 69–733).

А вскоре к власти в Петрограде пришли большевики. Известие об этом событии дошло до Тобольска 15 ноября. 17–18 ноября спокойный стиль императорского дневника будет нарушен: «Такая же неприятная погода с пронизывающим ветром.

Тошно читать описания того, что произошло две недели тому назад в Петрограде и в Москве! Гораздо хуже и позорнее событий Смутного времени.

Получилось невероятнейшее известие о том, что какие-то трое парламентаров нашей 5-й армии ездили к германцам впереди Двинска и подписали предварительные с ними условия перемирия! Подобного кошмара я никак не ожидал. Как у этих подлецов большевиков хватило нахальства исполнить их заветную мечту предложить неприятелю заключить мир, не спрашивая мнения народа, и в то время, что противником занята большая полоса страны?» (5, 658).

Но вот 19 ноября — опять прежнее: «Вечером, как всегда, безик», и в последующие дни — в том же духе (5, 658–667).

Совсем иное настроение прочитывается в письмах Александры Феодоровны — сколько в них силы духа, скорби о судьбе России, веры и надежды на помощь Божию. И к кому бы она ни писала, для всех находила поддержку и утешение. Обратимся же только к некоторым из этих писем, писем-свидетельств христианской веры.

М. М. Сыробоярской от 27 ноября 1917 года «...В такое беспокойное неестественное время все трудно перенести. Боишься за дорогих, но Господь Бог не оставит их и услышит Ваши молитвы. Вашу молитву часто читаю и Вас вспоминаю. В молитве утешение; жалею я тех, которые находят немодным, ненужным молиться. Не понимаю даже, чем они живут. Духовный мир далек от них, все суета и суета. Оттого все так плохо пошло. Он не может благословить и дать удачу таким. Все забыли и Родину, и правду. Живут ложью, только о собственных выгодах и думают, невероятно тяжело видеть гибель народа дорогой страны, но Христос не оставит Своих, не даст погибнуть всем невинным. Соблазн и разруха всего, тьма покрывает все, стыд и срам, до чего в это короткое время дошли, разве совесть у них все еще спит? А когда последняя их минута придет, когда перед вечным судом будут стоять... хочется им кричать: “Проснитесь, душа погибает”. Земное короткое существование проходит, а что там их ждет? Милосердный Господь, сжался над несчастной Родиной, не дай ей погибнуть под гнетом “свободы”. Простите, что так пишу, но вырвалось, крик души. Слишком сильно я свою Родину люблю, нелегко видеть, как с удовольствием все разрушают, мучают — позор. Довольно этого! Христос Спаситель наш умер, страдал за грехи наши и спасет страну еще. Крепко этому верю» (11, 154).

А. В. Сыробоярскому от 29 ноября 1917 года: «...Могу себе представить, как ужасно все, что там пережили (кровавые октябрьские события в Москве). Тяжело невероятно, грустно, обидно, стыдно, не теряйте веру в Божию милость. Он не оставит Родину погибнуть. Надо перенести все эти унижения, гадости, ужасы с покорностью (раз не в наших силах помочь). И Он спасет, долготерпелив и милостив — не прогневается до конца. Знаю, что Вы этому не верите, и это больно, грустно. Без этой веры невозможно было бы жить... Многие уже сознаются, что все было — утопия, химера... Их идеалы рухнули, покрыты грязью и позором, ни одной хорошей вещи не сделали для Родины — свобода — разруха — анархия полная, вот до чего дошли, жаль мне

даже этих идеалистов (когда они добрые), но поблагодарю Бога, когда у них глаза откроются. Лишь о себе думали. Родину забыли, — все слова и шум. Но проснутся многие, ложь откроется, вся фальшь, а весь народ не испорчен, заблудились, соблазнились. Некультурный, дикий народ, но Господь не оставит, и святая Богородица заступится за Русь бедную нашу» (11, 156).

М. М. Сыроболярской от 9 декабря 1917 года: «Много о Вас, милая, думаю; грустно и тоскливо на душе. Тяжела разлука с дорогими и любимыми... без известия. Но Господь милостив и их охраняет, и услышит молитвы, и видит слезы матери. Боже мой — эти переговоры о мире... позор величайший. А по моему глубокому убеждению, Господь этого не допустит. По-моему, самое худшее прошло — хотя много еще тяжелого впереди. Но душа как-то чувствует свет. Невозможно падать духом. Чувствуешь, что что-то свыше поддерживает все время и дает надежды на лучшие дни, светлые. Но терпеть надо еще и... молиться. Милая, читайте теперь почаще акафист “Нечаянной Радости” (образ в Кремле). Я ее много читаю и нужна она всем крепко верующим.

Рождество близко и... мир, но мир душевный хочется видеть в русских сердцах, а не измену с немцами. Солнце сияет за тучами, мы его только не видим, но оно старается нам показаться — откроем глаза, поднимем сердца, раскроем души, призовем Матерь Божью на помощь Родине. Сегодня праздник Нечаянной Радости. Господь с Вами, милая. Горячо Вас люблю, за Вас обоих (мать и сын Сыроболярские) молюсь и за Россию» (11, 170).

А. В. Сыроболярскому от 10 декабря 1917 года: «Какие теперь грустные праздники! Помню письма с фронта прошлую зиму — как елку готовили — концерт, подарки старой части тоже. Да — хорошо, что заранее не знаем, что судьба нам готовит!

Да, живешь в прошлом и в надежде лучших дней. Не надо так мрачно смотреть — голову наверх — бодрее всем в глаза смотреть. — Никогда надежду не терять — непоколебимо верить, что пройдет этот кошмар. Не все потеряно — страна молодая — как после смертельной болезни, организм еще больше окрепнет — так и с дорогой Родиной будет. Вспомните мои слова — я так много пережила, страдала — старая в сравнении с Вами — все-таки сильнее верю и надеюсь, чем Вы.

Господь испытывает — а потом облегчит — полечит все ужасные раны. Немного еще потерпеть, с новым годом будут лучшие дни — хотя много еще тяжелого впереди — больно, столько

кровапролития, больно ужасно! Но правда должна окончательно победить. Вы молоды годами, много еще впереди работы всем, острый период пройдет, и тогда придется всеми силами снова работать, строить, творить, поправить, чтобы Родина окрепла. Бывают времена, когда нигде себе места не найдешь, да я этого еще не испытывала, всегда была занята чем-то... Вам, конечно, во сто раз хуже, но поверьте мне, не может быть вечно плохо. Не могу Вас убедить, так как ничего не знаю о Вас, но глубоко верю в Божие милосердие и справедливость — надо страдать за большой грех, искупить вину, — потом поймете.

Будем обо всем этом говорить, но где, когда, как — это Богу одному известно. Как же жить, если нет надежды? Надо быть бодрым, и тогда Господь даст душевный мир.

Больно, досадно, обидно, стыдно, страдаешь, все болит, исколото, но тишина на душе, спокойная вера и любовь к Богу, Который Своих не оставит и молитвы усердных услышит и помилует и спасет...

Беспокоюсь за очень дорогих в Петрограде. Плохо там очень, большие беспорядки и ужасы, говорят, опять там — и все-таки душа бодрствует, это Господь Бог дает надежду и спокойствие. Беспокоишься больше 3-х лет за дорогих. Устало сердце, но молишься без конца и верится.

Скучное пишу Вам, но так хочу моему бывшему раненому другу помочь, и опять не удастся — не умею слов найти, но постарайтесь понять, что Бог выше всех, и все Ему возможно, доступно. Люди ничего не могут. Один Он спасет, оттого надо беспрестанно Его просить, умолять спасти Родину дорогую, многострадальную.

Как я счастлива, что мы не за границей, а с ней все переживаем. Как хочется с любимым больным человеком все разделить, вместе пережить и с любовью и волнением за ним следить, так и с Родиной.

Я чувствовала себя слишком долго ее матерью, чтобы потерять это чувство — мы одно составляем, и делим горе и счастье. Больно нам она сделала, обидела, оклеветала и т. д., но мы ее любим все-таки глубоко и хотим видеть ее выздоровление, как больного ребенка с плохими, но и хорошими качествами, так и Родину родную. Но довольно об этом. Да, природа самое лучшее, но и она все-таки меняется, летом, зимой: туманы, буря, шквалы и так далее, так и с человеком и так же со страной — все повторяется, но масштаб другой.

Что у других лучше: не думаю, чтобы Вы там сумели жить. Надо раньше найти в себе покой и мир, тогда можно везде жить,

в свободе, в узах, тяжело, может быть, страшно, но душа должна оставаться нетронута: крепка, глубока, тверда, как стена. Ведь как жестоко другие все разрушают, что сам строил с отвагой, любовью — больно, но перенести должен человек. Если бы видели боль и кротость. Вы бы поняли его (т. е. государя)» (11, 177–178).

А. А. Вырубовой от 20 декабря 1917 года: «Он (государь император) прямо поразителен — такая крепость духа, хотя бесконечно страдает за страну, но поражаюсь, глядя на него. Все остальные члены семьи такие храбрые и хорошие и никогда не жалуются, — такие, как бы Господь и наш друг хотели бы. Маленький (наследник цесаревич) — ангел. Я обедаю с ним, завтракаю тоже, только иногда схожу вниз. Священника для уроков не допускают. Во время служб офицеры, комендант и комиссар стоят возле нас, чтобы мы не посмели говорить. Священник очень хороший, преданный. Странно, что Гермоген здесь епископом, но сейчас он в Москве. Никаких известий из моей бывшей родины и Англии? В Крыму все здоровы. М. Ф. (императрица Мария Феодоровна) была больна и, говорят, постарела. Сердцу лучше, так как веду тихую жизнь, полная надежды и веры, что все будет хорошо, что это худшее и скоро воссияет солнце. Но сколько еще крови и невинных жертв!? Мы боимся, что Алексея маленький товарищ из Могилева... убит, так как имя его среди маленьких кадетов, убитых в Москве. О, Боже, спаси Россию! Это крик души и днем и ночью — все в этом для меня — только не этот постыдный ужасный мир... Я чувствую, что письмо мое глупо, но я не привыкла писать, хочу столько сказать и не могу. Я надеюсь. Ты получила мое вчерашнее письмо через Марию Феод. — дочку. Как хорошо, что ее муж занимается Твоим лазаретом. Вспоминаю Новгород и ужасное 17 число, и за это тоже страдает Россия. Все должны страдать за все, что сделали, но никто этого не понимает» (11, 190–191).

М. М. Сырбоярской от 8 января 1918 года: «...Так молилась, чтобы Господь дал разум, премудрость и страх Божий всем людям, чтобы Дух Господень нашел бы на всех. Боже, как все Христа распинают. Как Он ежечасно страдает из-за грехов мира... За нас Он умер, страдал, и так мы Ему отплатили!.. Больно на душе, вглубь смотреть, читать все в душах безумных слепцов... И Та, за всех страдающая, видит этот ад, рыдания своих детей, приносит Сыну Своему все слезы и моления тех, которые еще не забыли прибегнуть к Ней за помощью, участием и предстательством. Ее, которая Его для нас, грешных, родила, жестоко мы, люди,

заставляем страдать, но Она обещала всегда молиться за всех, к Ней прибегающих с мольбой» (11, 211).

Слова упования на Бога слышим мы и в письме от 24 января 1918 года. Императора сестре великой княгине Ксении Александровне: «...Я не допускаю мысли, чтобы те ужасы, бедствия и позор, которые окружают нас всех, продолжались долго. Я твердо верю, как и ты, что Господь умиласердится над Россией и умирит страсти в конце концов. Да будет Его Святая Воля. Живем по-прежнему тихо и спокойно и постоянно вспоминаем о дорогой Маме и вас милых» (11, 258–259).

Пишет Ксении Александровне и императрица (письмо от 19 февраля 1918 г.): «...крепко верю, что время страданий и испытаний проходит, что солнце опять будет светить над многострадальной Родиной. Ведь Господь милостив — спасет Родину, вразумит туманным ум — не гневается до конца. Забыли люди Бога — Год... <как> царство зла всеми правит — немного еще терпеть и верить — когда кажется, что конец всего, тогда Он, наверно, услышит все молитвы. Страдания и испытания <Им>... посланы — и разве Он не всегда достаточно сил дает для перенесения всего. Ведь Он Сам показывал нам, как надо терпеть без ропота и невинно страдать» (11, 283).

Особенно сильное впечатление производят последние письма Александры Феодоровны А. Вырубовой.

«Боже, как Родина страдает! Знаешь, я гораздо сильнее и нежнее тебя ее люблю. Бедная Родина, измучили внутри, а немцы искалечили снаружи, отдали громадный кусок, как во времена (царя) Алексея Михайловича, и без боя во время революции. Если они будут делать порядок в нашей стране, что может быть обиднее и унижительнее, чем быть обязанным врагу — Боже спаси...

Скоро весна на дворе и в сердцах ликование. Крестный путь, а потом Христос воскрес! Год скоро, что расстались с тобой, но что время? Ничего, жизнь — суета, все готовимся в Царство Небесное. Тогда ничего страшного нет. Все можно у человека отнять, но душу никто не может, хотя диавол (подстерегает. — *Ред.*) человека на каждом шагу, хитрый он, но мы должны крепко бороться против него: он лучше нас знает наши слабости и пользуется этим. Но наше дело быть настороже, не спать, а воевать. Вся жизнь — борьба, а то не было бы подвига и награды. Ведь все испытания, Им посланные, поощенья — все к лучшему; везде видишь Его руку. Делают люди Тебе зло. А Ты принимай без ропота: Он и пошлет

ангела хранителя, утешителя своего. Никогда мы не одни, Он Вездесущий — Всезнающий — Сам любовь. Как же Ему не верить. Солнце ярко светит. Хотя мир грешит, и мы грешим, тьма и зло царствуют, но Солнце правды воссияет: только глаза открывать, дверь души держать открытыми, чтобы лучи того солнца в себя принимать. Ведь мы Его любим, дитя мое, и мы знаем, что “так и надо”. Только потерпи еще, душка, и эти страдания пройдут, и мы забудем о муках, будет потом только за все благодарность. Школа великая. Господи, помоги тем, кто не вмещает любви Божией в ожесточенных сердцах, которые видят только все плохое и не стараются понять, что пройдет все это; не может быть иначе. Спаситель пришел, показал нам пример. Кто по Его пути, следом любви и страдания идет, понимает все величие Царства Небесного» (от 2 (15) марта 1918 г.) (11, 300–301).

«Господь Бог дал нам неожиданную радость и утешение... приобщиться Св. Христовых Тайн для очищения грехов и жизни вечной. Светлое ликование и любовь наполняют душу. Вернулись мы из церкви и нашли твое милое письмецо. Разве не удивительно, что Господь нам дал читать твое приветствие именно в тот день... Как будто ты, ненаглядная, вошла бы к нам поздравить нас по-старому. Горячо за тебя и за всех молилась, и о. Владимир (Хлынов) вынул за всех вас частицы — и за дорогих усопших. Часто прошу молиться за любимых моих далеких друзей, — они знают уже мои записки. Подумай, была три раза в церкви! О, как это утешительно было. Пел хор чудно, и отличные женские голоса: “да исправится” мы пели дома 8 раз без настоящей спевки, но Господь помог. Так приятно принимать участие в службе. Батюшка и диакон очень просили нас продолжать петь, и надеемся устроить, если возможно, или удастся пригласить баса. Все время тебя вспоминали. Как хороша “Земная жизнь Иисуса Христа”, которую ты послала, и цветок душистый. Надеюсь, Ты телеграмму получила. Раньше их почтой посылали, теперь, говорят, идут в три дня. Маленький серафимчик прилетит к Тебе до этого письма и принесет тебе мою любовь. Стала маленькими образки таким же способом рисовать, и довольно удачно (с очками и увеличительным стеклом), но глаза потом болят. Довольно много придется молитв рисовать. Благодарность всем не забывающим твоих дорогих едой и т. д. Белья взяли каждая по 2, спрячем до лета. Нежное спасибо Эмме (гр. Э. В. Фредерикс) за письмо и чудную теплую кофточку. Окружена твоими нежными заботами. Духи — целая

масса — стоят на камине. Погода теплая, часто на балконе сижу. Дошла с помощью Божьей пешком в церковь, теперь должна надеяться попасть 25-го (Праздник Благовещения). Скажи маленькому М(аркову), что его шеф был очень рад его видеть. Хорошо помню тот день, когда он у нас с твоими родителями был, так мило о тебе писал. Дорогую фотографию твоего отца счастлива получить, так его напоминает, милого старичка. Как Бог милостив, что вы так много виделись последние месяцы и дружно жили. Целую бедную Мама (Н. И. Танееву). Всегда теперь за него (А. С. Танеева) молюсь и уверена, что он близко около тебя, но как сильно <его>... должно вам недоставать! Он свое дело сделал, до гроба преданный нам, любящий, глубоко религиозный, 26 лет...

Читаю газеты и телеграммы и ничего не понимаю. Мир, а немцы все продолжают идти в глубь страны, — им на гибель. Но можно ли так жестоко поступать? Боже мой, как тяжело!

Посылаю тебе немного съедобного, — много сразу не позволяют. Много хочу моему улану Яковлеву передать через о. Иоанна — благослови его Господь за все. Когда все это кончится? Когда Богу угодно. Потерпи, родная страна, и получишь венец славы. Награда за все страдания. Бывает, чувствую близость Бога, непонятная тишина и свет сияет в душе. Солнышко светит и греет и обещает весну. Вот и весна придет и порадует и высушит слезы и кровь, пролитые струями над бедной Родиной. Боже, как я свою Родину люблю со всеми ее недостатками! Ближе и дороже она мне, чем многое, и ежедневно славлю Творца, что нас оставил здесь и не отослал дальше. Верь народу, душка, он силен и молод, как воск в руках. Плохие руки схватили, — и тьма и анархия царствует: но грядет Царь Славы и спасет, подкрепит, умудрит сокрушенный, обманутый народ.

Вот и Великий Пост! Очищаемся, умолим себе и всем прощение грехов, и да даст Он нам пропеть на всю святую Русь “Христос воскрес!”. Да готовим наши сердца Его принимать, откроем двери наших душ; да поселится в нас дух бодрости, смиренномудрия, терпения и любви и целомудрия; отгонит мысли, посланные нам для искушенья и смущенья. Станем на стражу. Поднимем сердца, дадим духу свободу и легкость дойти до неба, примем луч света и любви для ношения в наших грешных душах. Отбросим старого Адама, облечемся в ризу света, отряхнем мирскую пыль и приготовимся к встрече Небесного Жениха. Он вечно страдает за нас и с нами и через нас; как Он и нам подает руку помощи,

то и мы поделим с Ним, перенося без ропота все страдания, Богом нам ниспосланные. Зачем нам не страдать, раз Он, невинный, безгрешный вольно страдал? Искупаем мы все наши столетние грехи, отмываем в крови все пятна, загрязнившие наши души. О, дитя мое родное, не умею я писать, мысли и слова скорее пера бегут. Прости все ошибки и вникни в мою душу. Хочу дать тебе эту внутреннюю радость и тишину, которой Бог наполняет мне душу, — разве это не чудо! Не ясна ли в этом близость Бога. Ведь горе бесконечное, — все что люблю — страдает, счета нет всей грязи и страданиям, а Господь не допускает унынья: Он охраняет от отчаянья, дает силу, уверенность в светлом будущем еще на этом свете» (от 13 (26) марта 1918 г.) (11, 315–316).

«Милая моя, год, что с Тобой и Лили (Ю. А. Ден) простились. Много все пережили, но Господь Своей милостью не оставит Своих овец погибнуть. Он пришел в мир, чтобы Своих в одно стадо собрать, и Сам Всевышний охраняет их. Душевную связь между ними никто не отнимет и свои своих везде узнают. Господь их направит, куда им нужно идти. Промысел Божий непостижим человеческому уму. Да осенит нас Премудрость, да войдет и воцарится в душах наших и да научимся через нее понимать, хотя говорим на разных языках, но Одним Духом. Дух свободен. Господь ему хозяин; душа так полна, так живо трепещет от близости Бога, Который невидимо окружает Своим присутствием. Как будто все святые угодники Божии особенно близки и незримо готовят душу к встрече Спасителя мира. Жених грядет, подготовимся Его встречать: отбросим грязные одежды и мирскую пыль, очистим тело и душу. Подальше от суеты, — все суета в мире. Откроем двери души для принятия Жениха. Попросим помощи у Св. Угодников, не в силах мы одни вымыть наши одежды. Поторопимся Ему навстречу! Он за нас грешных страдает, принесем Ему нашу любовь, веру, надежду, души наши. Упадем ниц перед Его пречистым образом, поклонимся Ему и попросим за нас и за весь мир прощенье, за тех, кто забывает молиться, и за всех. Да услышит и помилует. И да согреем мы Его нашей любовью и доверием. Облекшись в белые ризы, побежим Ему навстречу, радостно откроем наши души. Грядет Он, Царь Славы, поклоняемся Его Кресту, и понесем с Ним тяжесть креста. Не чувствуешь ли Его помощь, поддержки несения Твоего креста. Невидимо Его рука поддерживают Твой крест, на все у Него силы хватит; наши кресты только тень Его Креста. Он воскреснет скоро, скоро и соберет

Своих вокруг Себя, и спасет Родину, ярким солнцем озарит ее. Он щедр и милостив. Как Тебе дать почувствовать, чем озарена моя душа? Непонятной, необъяснимой радостью, — объяснить нельзя, только хвалю, благодарю и молюсь. Душа моя и дух Богу принадлежат. Я чувствую ту радость, которую Ты иногда испытывала после причастия или у св. икон. Как Тебя, Боже, благодарить?

Я не достойна такой милости. О Боже, помоги мне не потерять, что Ты даешь! Душа ликует, чувствует приближение Жениха: грядет Он, скоро будем Его славить и петь Христос воскрес. Я не «exalte» (экзальтированная женщина), дитя мое; солнце озарило мою душу, и хочу с Тобой поделиться, не могу молчать! Торжествует Господь, умудряет сердца: увидят все языцы «яко с нами Бог». Слышишь ли мой голос? Расстояния ничего не значат — дух свободен и летит к Тебе, и вместе полетим к Богу, преклонимся перед Его Престолом...

Я спокойна, это все в душе происходит. Я раз нехороший сон видела: кто-то старался отнять от меня радость и спокойствие, но я молилась, вспоминая, что надо беречь то, что дано. Знаю, что это дар Господень, чтобы мне все перенести, и Он спокоен, и это чудо. У раки Святого (Иоанна Тобольского) молилась за Тебя, — не грусти, дитя мое! Господь поможет, и твой отец (А. С. Танеев) теперь там за тебя молится. Бориса (Соловьева) взяли: это беда, но не расстреляли, — он знал, что будет так... Большевики у нас в городе — ничего, не беспокойся. Господь везде, и чудо сотворит. Не бойся за нас. Зина (Менштед) мне послала свою книжку “Великое в малом” Нилуса, и я с интересом читаю ее, и с Татьяной читаю твою книгу о Спасителе. Сижу часто на балконе, вижу, как они на дворе работают (очень все загорели). И наши свиньи гуляют там... Как Тебя за деньги благодарить? Несказанно тронута. Берегу, чтобы тебе вернуть потом; пока нет нужды. Знаешь, Гермоген здесь епископом. Надеюсь, посылка дойдет до тебя. Что немцы, в Петрограде или нет? У Марии П. (вел. кн. Мария Павловна, младшая, замужем за кн. С. М. Путятиным) ребенок должен был быть летом.

“Укоряемы — благословляйте, гонимы — терпите, хулимы — утешайтесь, злословимы — радуйтесь (слова о. Серафима). Вот наш путь с тобой. Претерпевый до конца спасется. Тянет в Саров. Готовимся петь 24 и 25 (Праздник Благовещения) дома. Пора кончать. Нежно обнимаю, целую Маму (Н. И. Танееву). Помоги тебе Бог и Святая Богородица во всем” (от 20 марта 1918 г.) (11, 320–321).

«...Твой крестный путь принесет тебе небесные награды, родная, там будешь по воздуху ходить, окруженная розами и лилиями. Душа выросла, — то, что раньше стоило тебе один день мученья, теперь год терпишь и силы не ослабели. Через крест к славе, все слезы, тобою пролитые, блестят как алмазы на ризе Божией Матери; ничего не теряется, хорошее и плохое, все написано в книге жизни каждого; за все твои мученья и испытания Бог тебя особенно благословит и наградит. “Кто душу свою положит за друзей своих”. — Да, моя маленькая мученица, это все в пользу Тебе. Бог попустил эту странную ругань, клевету, мучения — физические и моральные, которые Ты перенесла. Мы никогда не можем отблагодарить за все, лишь в молитвах, чтобы Он и впредь Тебя сохранил от всего. Дорога к Нему одна, но в этой одной масса других, — и все стремимся дойти до пристани спасения и к вечному свету. А те, кто по стопам Спасителя идут, те больше страдают. Избранные крестоносцы... Господь скорее слышит молитвы тех, кто перестрадал, но веру не потерял. Не вспоминай все больное, но лучи солнца, которые Он посылает» (от 6 (19) апреля 1918 г.) (11, 36–337).

Наконец, к общему пасхальному письму великих княжен князю Э. А. Эрстову (от 7 апреля) императрица делает трогательную приписку: «...Весна идет, солнце светит, пташки чирикают, все просыпается — проснитесь и вразумитесь, бедные, серые, обманутые люди. Христос да воскреснет во всех сердцах. Маме поцелуй. Благослови Вас Бог. Желаю счастья и здоровья» (11, 339).

Трудно без волнения читать эти письма. Весь ужас Екатеринбургской трагедии меркнет перед силой духа, выраженной в них.

Нам остается обратиться к еще одному свидетелю последних дней жизни царской семьи — протоиерею Иоанну Сторожеву, совершавшему последние богослужения в Ипатьевском доме.

«Я дважды совершал богослужения в доме Ипатьева, в г. Екатеринбург, когда там находилась под стражей большевистской власти семья бывшего царя Николая Александровича Романова. Кроме меня, там же совершал богослужения священник Екатеринбургского собора Анатолий Григорьевич Меледин. В воскресенье 20 мая (2 июня) 1918 г. я совершал очередную службу — раннюю Литургию — в Екатерининском соборе, и только что, вернувшись домой около 10 часов утра, расположился пить чай, как в парадную дверь моей квартиры постучали. Я сам открыл дверь и увидел перед собой какого-то солдата, невзрачной наружности, с рябоватым лицом и маленькими бегающими глазами. Одет он был

в ветхую телогрейку защитного цвета, на голове — затасканная солдатская фуражка. Ни погон, ни кокарды, конечно, не было. Не видно было на нем и никакого вооружения. На мой вопрос, что ему надо, солдат ответил: “Вас требуют служить к Романову”. Не поняв, про кого речь, я спросил: “К какому Романову?” — “Ну, к бывшему Царю”, — пояснил пришедший. Из последующих переговоров выяснилось, что Николай Александрович Романов просит совершить последование обедницы. “Он там написал, чтобы сослужили какую-то обедницу”, — заявил мне пришедший. Чинопоследование обедницы обычно служится в войсках, когда по той или иной причине нельзя совершить Литургию. По своему составу богослужение это сходно с последованием Литургии, но значительно короче его, так как за обедницей не совершается таинства Евхаристии. Выразив готовность совершить просимое богослужение, я заметил, что мне необходимо взять с собой диакона. Солдат долго и настойчиво возражал против приглашения о. диакона, заявляя, что “комендант” приказал позвать одного священника, но я настоял, и мы вместе с этим солдатом поехали в собор, где я, захватив все потребное для богослужения, пригласил о. диакона Буймирова, с которым, в сопровождении того же солдата, поехал в дом Ипатьева.

С тех пор как здесь помещена была семья Романовых, дом этот обнесли двойным дощатым забором. Около первого верхнего деревянного забора извозчик остановился. Впереди прошел сопровождавший нас солдат, а за ним мы с о. диаконом. Наружный караул нас пропустил. Задержавшись на короткий срок около запертой изнутри калитки, выходящей в сторону дома, принадлежащего ранее Соломирскому, мы вошли внутрь второго забора, к самым воротам дома Ипатьева. Здесь было много вооруженных ружьями молодых людей, одетых в общегражданское платье, на поясах у них висели ручные бомбы. Эти вооруженные несли, видимо, караул. Провели нас через ворота во двор и отсюда через боковую дверь внутрь нижнего этажа дома Ипатьева. Поднявшись по лестнице, мы вошли наверх к внутренней парадной двери, а затем через прихожую — в кабинет (налево), где помещался “комендант”. Везде, как на лестницах, так и на площадках, а равно и в передней, были часовые — такие же вооруженные ружьями и ручными бомбами молодые люди в гражданском платье. В самом помещении коменданта мы нашли каких-то двоих людей средних лет, помнится, одетых в гимнастерки. Один из них

лежал на постели и, видимо, спал; другой молча курил папиросы. Посреди комнаты стоял стол, на нем самовар, хлеб, масло. На стоявшем в комнате этой рояле лежали ружья, ручные бомбы и еще что-то. Было грязно, неряшливо, беспорядочно. В момент нашего прибытия коменданта в этой комнате не было.

Вскоре явился какой-то молодой человек, одетый в гимнастерку, брюки защитного цвета, подпоясанный широким кожаным поясом, на котором в кобуре висел большого размера револьвер. Вид этот человек имел среднего “сознательного рабочего”. Ничего яркого, ничего выдающегося, вызывающего или резкого ни в наружности этого человека, ни в последующем его поведении я не заметил. Я скорее догадался, чем понял, что этот господин и есть “комендант Дома особого назначения”, как именовался у большевиков дом Ипатьева за время содержания в нем семьи Романовых. Комендант, не здороваясь и ничего не говоря, рассматривал меня (я его видел впервые и даже фамилии его не знал, а теперь запомнил). На мой вопрос, какую службу мы должны совершить, комендант ответил: “Они просят обедницу”, никаких разговоров ни я, ни диакон с комендантом не вели, я лишь спросил, можно ли после богослужения передать Романовым просфору, которую я показал ему. Комендант осмотрел бегло просфору и после короткого раздумья возвратил ее диакону, сказав: “Передать можете, но только я должен вас предупредить, чтобы никаких лишних разговоров не было”. Я не удержался и ответил, что я вообще разговоров вести не предполагаю. Ответ мой, видимо, несколько задел коменданта, и он довольно резко сказал: “Да, никаких, кроме богослужебных рамок”. Мы облачились с о. диаконом в комендантской, причем кадило с горящими углями в комендантскую принес один из слуг Романовых (не Чемодуров — его я ни разу не видал в доме Ипатьева, а познакомился с ним позднее, после оставления Екатеринбурга большевиками). Слуга этот высокого роста, помнится, в сером, с металлическими пуговицами, костюме.

Пользуюсь моментом, чтобы сделать общее замечание по поводу моих показаний. Исключительные условия, при которых мне приходилось воспринимать все эти посещения дома Ипатьева, а с другой стороны, совершенно исключительные внутренние переживания за время нахождения там — естественно препятствовали мне быть только спокойным наблюдателем, со всею правильностью оценивающим и точно запоминающим все наблю-

даемые явления и лица. Тем не менее я употребляю все усилия к тому, чтобы показание мое было точно и оценка наблюдаемого объективна.

Итак, облаченные в священные ризы, взяв с собой все потребное для богослужения, мы вышли из комендантской в прихожую. Комендант сам открыл дверь, ведущую в зал, пропуская меня вперед, со мной шел отец диакон, а последним вошел комендант. Зал, в который мы вошли, через арку соединялся с меньшим по размеру помещением — гостиной, где ближе к переднему углу я заметил приготовленный для богослужения стол. Но от наблюдения обстановки зала и гостиной я был отвлечен, так как, едва переступил порог в зал, как заметил, что от окон отошли трое: это были Николай Александрович, Татьяна Николаевна и другая старшая дочь, но которая именно, я не успел узнать. В следующей комнате, отделенной от зала, как я уже объяснил, аркой, находилась Александра Федоровна, две младшие дочери и Алексей Николаевич. Последний лежал в походной (складной) постели и поразил меня своим видом: он был бледен до такой степени, что казался прозрачным, худ и удивил меня своим большим ростом. В общем, вид он имел до крайности болезненный, и только глаза у него были живые и ясные, с заметным интересом смотревшие на меня — нового человека. Одет он был в белую (нижнюю) рубашку и покрыт до пояса одеялом. Кровать его стояла у правой от входа стены, тотчас за аркой. Около кровати стояло кресло, в котором сидела Александра Федоровна, одетая в свободное платье, помнится, темно-сиреневого цвета. Никаких драгоценных украшений на Александре Федоровне, а равно и дочерях, я не заметил. Обращал внимание высокий рост Александры Федоровны, манера держаться, манера, которую нельзя иначе назвать, как «величественной». Она сидела в кресле, но вставала (бодро и твердо) каждый раз, когда мы входили, уходили, а равно и когда я по ходу богослужения преподавал «мир всем», читал Евангелие или мы пели наиболее важные молитвословия. Рядом с креслом Александры Федоровны, дальше по правой стене, стали обе их младшие дочери, а затем сам Николай Александрович. Старшие дочери стояли в арке, а отступая от них, уже за аркою, в зале стояли: высокий пожилой господин и какая-то дама (мне потом объяснили, что это были доктор Боткин и состоящая при Александре Федоровне девушка). Еще позади стояли двое служителей: тот, который принес нам кадило, и другой, внешнего

вида которого я не рассмотрел и не запомнил. Комендант стоял все время в углу залы около крайнего дальнего окна на весьма, таким образом, порядочном расстоянии от молящихся. Более решительно никого в зале, ни в комнате за аркой не было.

Николай Александрович был одет в гимнастерку защитного цвета, таких же брюках, при высоких сапогах. На груди был у него офицерский Георгиевский крест. Погон не было. Все четыре дочери были, помнится, в темных юбках и простеньких беленьких кофточках. Волосы у всех у них были острижены сзади довольно коротко. Вид они имели бодрый, я бы даже сказал, почти веселый.

Николай Александрович произвел на меня впечатление своей твердой походкой, своим спокойствием и особенно своей манерой пристально и твердо смотреть в глаза. Никакой утомленности или следов душевного угнетения в нем я не заметил. Показалось мне, что у него в бороде едва заметны седые волосы. Борода, когда я был в первый раз, была длиннее и шире, чем 1/14 июля: тогда мне показалось, что Николай Александрович подстриг кругом бороду. Что касается Александры Феодоровны, то у нее — из всех — вид был какой-то утомленный, скорее даже болезненный.

Я забыл отметить, что всегда особенно останаавливало мое внимание, это та исключительная — я прямо скажу — почтительность к носимому мною священному сану, с которой отдавали каждый раз поклон все члены семьи Романовых в ответ на мое молчаливое им приветствие при входе в зал и затем по окончании богослужения.

Богослужение — обедницу — мы совершали перед поставленным среди комнаты за аркой столом. Стол этот был покрыт шелковой скатертью с разводами в древнерусском стиле. На этом столе в стройном порядке и обычной для церкви симметрии стояло множество икон. Тут были небольшого, среднего и совсем малого размера складни, иконки в ризах — все это редкой красоты по своему выдержанному древнему стилю и по всей выделке. Были простые без риз иконы, из них я заметил икону Знамения Пресвятой Богородицы (Новгородскую), икону “Достоинно есть”. Других не помню. Заметил я еще икону Богоматери, которая при служении 20 мая занимала центральное место. Икона эта видимо, очень древняя. Боюсь утверждать, но мне думается, что изображение это то, которое именуется “Феодоровской”. Икона была в золотой ризе, без камней. Ни этой иконы, ни складней,

ни иконы “Знамения”, ни иконы “Достойно есть” я среди Вами мне представляемых не вижу — их здесь нет. Та икона, которую Вы мне показываете, без ризы, с одной металлической каймой, с оторванным, видимо, венчиком — именуется не “Феодоровской”, а “Казанской”: это я утверждаю категорически. Иконы этой ни при первом, ни при втором богослужении ни на столе, ни на стене не было.

Став на свое место перед столом с иконами, мы начали богослужение, причем диакон говорил прошения ектении, а я пел. Мне подпевали два женских голоса (думается, Татьяна Николаевна и еще кто-то из них), порой подпевал низким басом и Николай Александрович (так он пел, например, “Отче наш” и др.). Богослужение прошло бодро и хорошо, молились они очень усердно. По окончании богослужения я сделал обычный “отпуст” со святым крестом и на минуту остановился в недоумении: подходить ли мне с крестом к молившимся, чтобы они приложились, или этого не полагается, и тогда бы своим неверным шагом я, может быть, создал в дальнейшем затруднения в разрешении семье Романовых удовлетворять богослужением свои духовные нужды. Я покосился на коменданта, что он делает и как относится к моему намерению подойти с крестом. Показалось мне, что и Николай Александрович бросил быстрый взгляд в сторону коменданта. Последний стоял на своем месте, в дальнем углу и спокойно смотрел на нас. Тогда я сделал шаг вперед, и одновременно твердыми и прямыми шагами, не спуская с меня пристального взгляда, первым подошел к кресту и поцеловал его Николай Александрович, за ним подошла Александра Феодоровна и все четыре дочери, а к Алексею Николаевичу, лежавшему в кровати, я подошел сам. Он на меня смотрел такими живыми глазами, что я подумал: “Сейчас он непременно что-нибудь да скажет”, но Алексей Николаевич молча поцеловал крест. Ему и Александре Феодоровне о. диакон дал по просфоре, затем подошли ко кресту доктор Боткин и названные служащие — девушка и двое слуг.

В комендантской мы разоблачились, сложили свои вещи и пошли домой, причем до калитки в заборе нас мимо постовых провожал какой-то солдат.

Следующие два раза, как я уже сказал в начале моего показания, в доме Ипатьева служил о. Меледин.

30 июня (13 июля) я узнал, что на другой день, 1/14 июля, в воскресенье, о. Меледин имеет служить в доме Ипатьева

Литургию, что о сем он уже предупрежден от коменданта, а комендантом в то время состоял известный своей жестокостью некий Юровский — бывший военный фельдшер. Я предполагал заменить о. Меледина по собору и отслужить за него Литургию 1/14 июля. Часов в 8 утра 1/14 июля кто-то постучал в дверь моей квартиры, я только что встал и пошел отворить. Оказалось, явился опять тот же солдат, который и первый раз приезжал звать меня служить в доме Ипатьева. На мой вопрос: “Что угодно?” солдат ответил, что комендант меня “требует” в дом Ипатьева, чтобы служить обедницу. Я заметил, что ведь приглашен о. Меледин, на что явившийся солдат сказал: “Меледин отменен, за Вами прислано”. Я не стал расспрашивать и сказал, что возьму с собой о. диакона Буймирова (солдат не возражал) и явлюсь к десяти часам. Солдат распростился и ушел: я же, одевшись, направился в собор, захватил здесь все потребное для богослужения и в сопровождении о. диакона Буймирова. в 10 час. утра был уже около дома Ипатьева... Наружный часовой, видимо, был предупрежден, так как при нашем приближении сказал через окошко внутрь ограды: “Священник пришел”, я обратил внимание на совершенно необычной для уст красных наименование “священник” и, всмотревшись в говорившего, заметил, что как он, так и вообще постовые на этот раз как-то выглядят интеллигентнее того состава, который я видел 20 мая. Мне даже показалось, что среди них были ученики Горного училища, но кто именно — не знаю. По-прежнему внутри за забором, на площадках лестницы и в доме было много вооруженных молодых людей, несших караул.

Едва мы переступили через калитку, как я заметил, что из окна комендантской на нас выглянул Юровский. (Юровского я не знал, видел его лишь как-то раньше ораторствовавшим на площади.) Я успел заметить две особенности, которых не было 20 мая — это: 1) очень много проволочных проводов, идущих через окно комендантской комнаты в дом Ипатьева, и 2) автомобиль — легковой — стоящий наготове у самого подъезда дома Ипатьева. Шофера на автомобиле не было. На этот раз нас провели в дом прямо через парадную дверь, а не через двор.

Когда мы вошли в комендантскую комнату, то нашли здесь такой же беспорядок, пыль и запустение, как и раньше. Юровский сидел за столом, пил чай и ел хлеб с маслом. Какой-то другой человек спал, одетый, на кровати. Войдя в комнату, я сказал

Юровскому: “Сюда приглашали духовенство, мы явились. Что мы должны делать?” Юровский, не здороваясь и в упор рассматривая меня, сказал: “Обождите здесь, а потом будете служить обедницу”. Я переспросил: “Обедню или обедницу?” — “Он написал: обедницу”, — сказал Юровский.

Мы с о. диаконом стали готовить книги, ризы и проч., а Юровский, распивая чай, молча рассматривал нас и, наконец, спросил: «Ведь ваша фамилия С-с-с», — протянул начальную букву моей фамилии. Тогда я сказал: «Моя фамилия Сторожев». «Ну да, — подхватил Юровский, — ведь Вы уже служили здесь». «Да, — отвечаю, — раз служил». — «Ну, так вот и еще раз послужите».

В это время диакон, обращаясь ко мне, начал почему-то настаивать, что надо служить обедню, а не обедницу. Я заметил, что Юровского это раздражает и он начинает “метать” на диакона свои взоры. Я поспешил прекратить это, сказав диакону, что и везде надо исполнять ту требу, о которой просят, а здесь, в этом доме, надо делать то, о чем говорят. Юровский, видимо, удовлетворился. Заметив, что я зябко потираю руки (я пришел без верхней рясы, а день был холодный), Юровский спросил с оттенком насмешки, что такое со мной. Я ответил, что недавно болел плевритом и боюсь, как бы не возобновилась болезнь. Юровский начал высказывать свои соображения по поводу лечения плеврита и сообщил, что у него самого был процесс в легком. Обменялись мы и еще какими-то фразами, причем Юровский держал себя безо всякого вызова и вообще был корректен с нами. Одет он был в темной рубахе и пиджаке. Оружия на нем я не заметил. Когда мы облачились и было принесено кадило с горящими углями (принес какой-то солдат), Юровский пригласил нас в зал для служения. Вперед в зал прошел я, затем диакон и Юровский. Одновременно из двери, ведущей во внутренние комнаты, вышел Николай Александрович с двумя дочерьми, но которыми именно, я не успел рассмотреть. Мне показалось, что Юровский спросил Николая Александровича: “Что, у вас все собрались?” (Поручиться, что именно так он выразился, я не могу). Николай Александрович ответил твердо: “Да — все”.

Впереди, за аркой, уже находилась Александра Феодоровна с двумя дочерьми и Алексеем Николаевичем, который сидел в кресле-каталке, одетый в куртку, как мне показалось, с матросским воротником. Он был бледен, но уже не так, как при первом

моем служении, вообще выглядел бодрее. Более бодрый вид имела и Александра Феодоровна, одетая в то же платье, как и 20 мая ст. ст. Что касается Николая Александровича, то ни нем был такой же костюм, как и в первый раз. Только я не могу ясно себе представить, был ли на этот раз на груди его Георгиевский крест. Татьяна Николаевна, Ольга Николаевна, Анастасия Николаевна и Мария Николаевна были одеты в черные юбки и белые кофточки. Волосы у них на голове (помнится, у всех одинаково) подросли и теперь доходили сзади до уровня плеч.

Мне показалось, что как Николай Александрович, так и все его дочери на этот раз были — я не скажу, в угнетении духа, но все же производили впечатление как бы утомленных. Члены семьи Романовых и на этот раз разместились во время богослужения так же, как и 20 мая ст. ст. Только теперь кресло Александры Феодоровны стояло рядом с креслом Алексея Николаевича — дальше от арки, несколько позади его. Позади Алексея Николаевича стали Татьяна Николаевна (она потом подкатила его кресло, когда после службы они прикладывались ко кресту), Ольга Николаевна и, кажется (я не запомнил, которая именно), Мария Николаевна. Анастасия Николаевна стояла около Николая Александровича, занявшего обычное место у правой от арки стены. За аркой, в зале, стояли доктор Боткин, девушка и трое слуг: один высокого роста, другой — низенький, полный (мне показалось, что он крестился, складывая руку, как принято в католической церкви), и третий — молодой мальчик. В зале, у того же дальнего угольного окна, стоял Юровский. Больше за богослужением в этих комнатах никого не было.

Стол с иконами, обычно расположенными, стоял на своем месте: в комнате за аркой. Впереди стола, ближе к переднему углу, поставлен был большой цветок, и мне казалось, что среди ветвей его помещена икона, именуемая “Нерукотворный Спас”, обычного письма, без ризы. Я не могу утверждать, но я почти убежден, что это была одна из тех двух одинакового размера икон “Нерукотворного Спаса”, которые Вы мне предъявляете.

По-прежнему на столе находились те же образки-складни, иконы “Знамения Пресвятой Богородицы”, “Достойно есть”, и справа, больших в сравнении с другими размеров, писанная масляными красками, без ризы, икона святителя Иоанна Тобольского. Вы мне показываете две такие иконы святителя Иоанна, причем на одной я вижу небольшую выемку, в виде углубления.

Я должен пояснить, что такие выемки обычно делают в иконах для помещения в них металлического (золотого или серебряного) ковчежца с какою-либо святыней (частицей святых мощей или одежды святого); сверху этот ковчежец обычно защищен стеклом, вставленным в узенький металлический ободок, который и выступает над уровнем самой иконы. Иногда вокруг этого ковчежца делается сияние в виде звезды или расходящихся лучей. Сияние это устроится из драгоценного металла, иногда осыпанного камнями. Я подробно осмотрел предъявленную Вами мне икону святителя Иоанна, на коей имеется описанная выемка, и полагаю, что выемка эта сделана именно для вложения ковчежца со святыней, каковая, очевидно, и была здесь. Не усматривая никаких следов в виде нажимов, царапин или углублений от шипов и гвоздиков на иконе вокруг этой выемки, я полагаю, что сияния около ковчежца (если таковой был на иконе) не было, и, следовательно, ковчежец имел снаружи обычную узенькую металлическую каемочку и в смысле денежной стоимости едва ли мог представляться ценным. Мне трудно определить, которая из двух предъявляемых мне икон св. Иоанна Тобольского находилась на столе во время богослужения 1/14 июля, но та икона, которая была там, имела такой же вид и размер, как эти, предъявляемые. Тогда (1/14 июля) я не заметил в иконе ковчежца со святыней, но это могло произойти и потому, что ковчежец был заслонен впереди стоящими иконами.

Став на свое место, мы с диаконом начали последование обедницы. По чину обедницы положено в определенном месте прочесть молитвословие “Со святыми упокой”. Почему-то на этот день диакон, вместо прочтения, запел эту молитву, стал петь и я, несколько смущенный таким отступлением от устава. Но едва мы запели, как я услышал, что стоявшие позади нас члены семьи Романовых опустили на колени, и здесь вдруг ясно ощутил я то высокое духовное утешение, которое дает разделенная молитва.

Еще в большей степени дано было пережить это, когда в конце богослужения я прочел молитву к Богородице, где в высокопоэтических, трогательных словах выражается мольба страждущего человека поддержать его среди скорбей, дать ему силы достойно нести ниспосланный от Бога крест.

После богослужения все приложились к св. кресту, причем Николаю Александровичу и Александре Феодоровне о. диакон

вручил по просфоре. (Согласие Юровского было заблаговременно дано.) Когда я выходил и шел очень близко от бывших великих княжон, мне слышались едва уловимые слова: “Благодарю”. Не думаю, чтобы это мне только показалось. Войдя в комендантскую, я, незаметно для себя, глубоко вздохнул. И вдруг слышу насмешливый вопрос: “Чего Вы это так тяжело вздыхаете?” — говорил Юровский. Я не мог и не хотел открывать ему мною переживаемого и спокойно ответил: “Досадную, что так мало послужил, а весь взмок от слабости, выйду теперь и опять простужусь”. Внимательно посмотрев на меня, Юровский сказал: “Тогда надо окно закрыть, чтобы не продуло”. Я поблагодарил, сказав, что все равно сейчас пойду на улицу. “Можете переждать”, — заметил Юровский, и затем, совершенно другим тоном, промолвил: “Ну вот, помолились и от сердца отлегло” (или “на сердце легче стало” — точно не упомяну). Сказаны были эти слова с такой, мне показалось, серьезностью, что я как-то растерялся от неожиданности и ответил: “Знаете, кто верит в Бога, тот действительно получает в молитве укрепление сил”. Юровский, продолжая быть серьезным, сказал мне: “Я никогда не отрицал влияния религии и говорю это совершенно откровенно”. Тогда и я, поддавшись той искренности, которая слышалась мне в его словах, сказал: “Я вам тоже откровенно отвечу — я очень рад, что вы здесь разрешаете молиться”. Юровский на это довольно резко спросил: “А где же мы это запрещаем?” “Совершенно верно, — уклонился я от дальнейшей откровенности, — вы не запрещаете молиться, но ведь здесь, в Доме особого назначения, могут быть и особые требования”. — “Нет, почему же...” — “Ну вот, это я и приветствую”, — закончил я, на прощание Юровский подал мне руку, и мы расстались.

Молча дошли мы с о. диаконом до здания Художественной школы, и здесь вдруг о. диакон сказал мне: “Знаете, о. протоиерей, — у них там чего-то случилось”. Так как в этих словах о. диакона было некоторое подтверждение вынесенного и мною впечатления, то я даже остановился и спросил, почему он так думает. “Да так. Они все какие-то другие точно, да и не поет никто”. А надо сказать, что действительно за богослужением 1/14 июля впервые (о. диакон присутствовал при всех пяти служениях, совершенных в доме Ипатьева) никто из семьи Романовых не пел вместе с нами.

Через два дня, 4/17 июля, екатеринбуржцам было объявлено о том, что “бывший государь император Николай Александрович расстрелян”» (13, 98–109). Последовательно и методично убивая всех попавших им в руки Романовых, большевики прежде всего руководствовались идеологией, а не политикой, ведь царская фамилия символизировала Россию уходящую, Россию уничтожаемую.

Убийство Николая II с семьей плохо вписывается в ряд подобных же событий европейской истории — таких как казнь Карла I Английского или Людовика XVI Французского, но повторяет узловое событие первоначальной духовной истории России: убийство князей страстотерпцев Бориса и Глеба старшим братом Святополком в 1015 году. Смерть благоверных князей заключала в себе подвиг непротивления насилию. В образе Бориса и Глеба нет ничего героического. Сказание об их кончине выдвигает на первый план их человеческую слабость и незащищенность. Глеба зарезал, по приказанию убийцы, его собственный повар, и тело его, брошенное на берегу «между двумя колодами», было найдено Ярославом Мудрым лишь через несколько лет после убийства...

Большинство свидетелей говорит об узниках тобольского губернаторского и Ипатьевского екатеринбургского домов как о людях страдающих, но покорных воле Божьей. Несмотря на все издевательства и оскорбления, перенесенные ими в заточении, они вели благочестивую жизнь, искренне стремясь воплотить в ней заповеди Евангелия. За многими страданиями последних дней царской семьи мы видим всепобеждающий зло свет Христовой истины, который был явлен в их мученической кончине.

Библиография

1. Дневник протоиерея А. И. Беляева, настоятеля Федоровского собора в Царском Селе // Исторический архив (журнал).
2. Воспоминания К. М. Битнер // Царствование и мученическая кончина Императора Николая II. Париж, 1993.
3. *Мельник (Боткина) Т.* Воспоминания о царской семье. М., 1993.
4. *Волков А. А.* Около царской семьи. I 1993.
5. Дневник Императора Николая II. М., 1991.
6. *Генерал Дубенский Д. Н.* Как произошел переворот в России // Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев.

7. *Жильяр П.* Трагическая судьба Русской Императорской фамилии. Таллин, 1991.
8. *Кобылинский Е. С.* Воспоминания // Царствование и мученическая кончина Императора Николая II. Париж, 1993.
9. *Пагануци Я.* Правда об убийстве Царской Семьи. М., 1993.
10. *Панкратов В. С.* С царем в Тобольске // Мельник (Боткина) Т. Воспоминания о царской семье. М., 1993.
11. Письма Царской Семьи из заточения. Джорданвилль, 1974.
12. *Соколов Н. А.* Убийство Царской Семьи. М., 1990.
13. Воспоминания протоиерея И. В. Сторожева // Царствование и мученическая кончина Императора Николая II. Париж, 1993.

